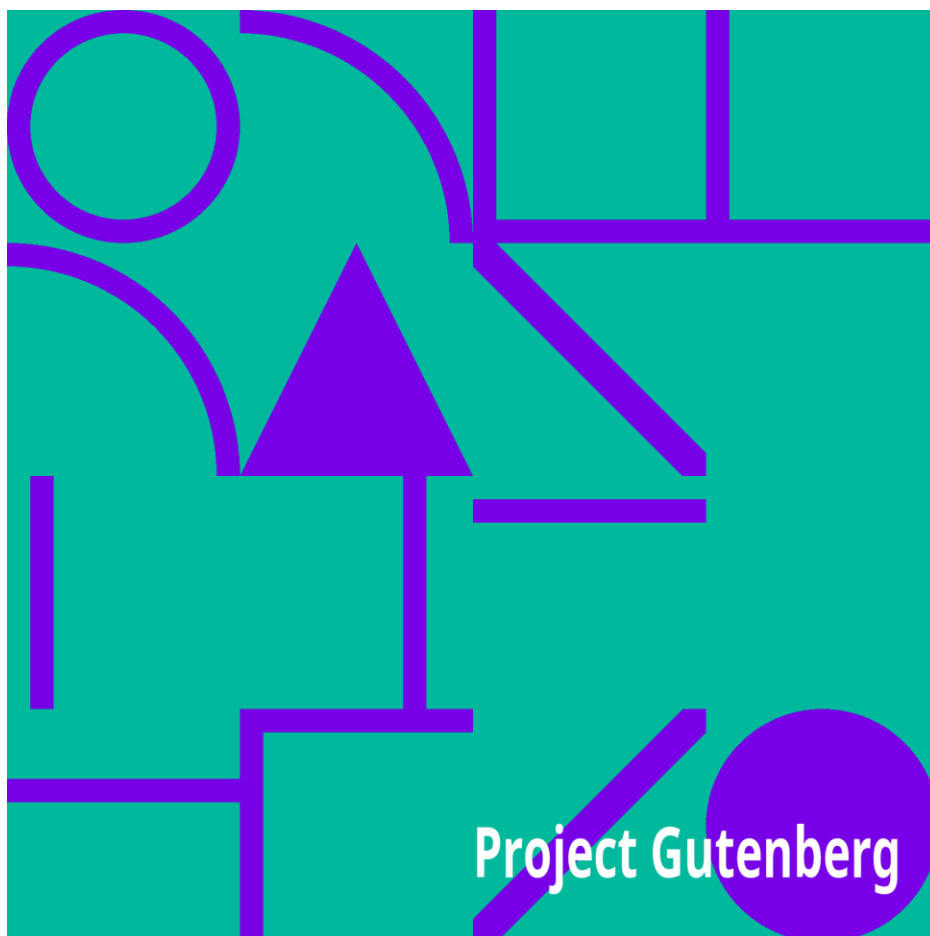

Вильгельм Завоеватель

Эдвард А. Фримен

William the Conqueror

Edward A. Freeman

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Вильгельме Завоевателе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Титул: Вильгельм Завоеватель

Автор: Эдвард А. Фримен

Дата выхода: 1 октября 1997 г. [Электронная книга №1066]

Последнее обновление: 20 марта 2013 г.

Язык: Английский

Титры: Переписано с издания Macmillan and Co. 1913 года Дэвидом Прайсом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ" ***

Переписано с издания Macmillan and Co. 1913 года Дэвидом Прайсом, электронное письмо ccx074@pglaf.org

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ЭДВАРД А. ФРИМЕН,
доктор философии, LL.D.

РЕГИУС , ПРОФЕССОР СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

MACMILLAN AND CO., LIMITED
Ул. ПЛОЩАДЬ МАРТИНА, ЛОНДОН

1913

Авторские права

Первое издание напечатано в марте 1888 года.

Перепечатано в июле 1888, 1890, 1894, 1898, 1903, 1907, 1913

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот небольшой том, написанный как первый в серии, призван заполнить совсем другое место из *Краткой истории нормандского завоевания*, написанной тем же автором. Это был рассказ о событиях, происходивших на протяжении значительного времени. Это портрет человека в его личном облике, человека, чья жизнь занимает лишь часть времени, описанного в другой работе. Теперь мы должны смотреть на Вильгельма как на человека, который, хотя и чужак и завоеватель, все же имеет достойное право на место в списке английских государственных деятелей. Возможно, ни до, ни после него не было человека, чей личный характер и личная воля оказали бы столь непосредственное влияние на ход, по которому с его времен пошли законы и конституция Англии. Норман как Завоеватель, как государственный деятель, он англичанин, и, по крайней мере, с этой стороны, он достойно начинает сериал.

16 Сент-Джайлс, Оксфорд,
6-го *February*.

Содержание

	СТРАНИЦА
ГЛАВА I	
Введение	1
ГЛАВА II	
Ранние годы Уильяма	6
ГЛАВА III	
Первый визит Уильяма в Англию	26
ГЛАВА IV	
Правление Вильгельма в Нормандии	34
ГЛАВА V	
Клятва Гарольда Вильгельму	51
ГЛАВА VI	
Переговоры герцога Вильгельма	63

ГЛАВА VII

Вторжение Вильгельма в Англию 82

ГЛАВА VIII

Завоевание Англии 100

ГЛАВА IX

Заселение Англии 122

ГЛАВА X

Восстания против Вильгельма 147

ГЛАВА XI

Последние годы Уильяма 181

ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ.

История Англии, как и самой страны и ее народа, была особенно изолированной, и все же ни одна страна не подверглась более глубокому влиянию извне. Ни одна страна не была так обязана личным действиям людей не местного происхождения, как Англия. Британию действительно называли другим миром, в противовес миру континентальной Европы, миру Рима. В любую эпоху история Британии - это история острова, острова, достаточно большого, чтобы сформировать собственный мир. Говоря о кельтах или германцах в Британии, мы имеем в виду не просто кельтов и германцев, но кельтов и германцев, оторванных от своих сородичей на материке и попавших под общее влияние островного мира. На этой земле было несколько поселений извне, но поселенцы всегда попадали под влияние своего островного положения. Всякий раз, когда поселение не означало переселения, вновь прибывшие были ассимилированы существующими на этой земле людьми. Когда это означало перемещение, они все равно оставались островитянами, отличающимися от тех, кого они оставили позади, характеристиками, которые были прямым результатом поселения в островном мире.

Тогдашняя история Британии, и особенно история Англии, была в значительной степени историей элементов, впитанных и ассимилированных извне. Но каждый из этих элементов в какой-то степени изменил массу, в которую он был поглощен. Английская земля и нация не такие, какими они могли бы быть, если бы в более поздние времена они не поглотили фламандцев, французских гугенотов, немецких палатинцев. Еще меньше они похожи на то, какими могли бы быть, если бы в прежние времена не впитали в себя больше элементов датчан

и норманнов. И то, и другое было ассимилировано, но оба изменили характер и судьбу народа, в субстанцию которого они были впитаны. Завоеватели из Нормандии тихо и мирно затерялись в большей массе английского народа; и все же мы никогда не сможем вести себя так, как будто нормандец никогда не появлялся среди нас. Мы всегда носим на себе знаки его присутствия. Наши колонисты унесли эти знаки с собой в далекие страны, чтобы напомнить людям, что поселенцы в Америке и Австралии пришли с земель, на которые норманны когда-то вторглись как завоеватели. Но то, что эти знаки его присутствия занимают то место, которое они занимают в нашем смешанном политическом бытии, что, какими бы знаками завоевания они ни были, никто не воспринимает их как знаки завоевания, — все это происходит из того факта, что если норманн пришел как завоеватель, то он пришел как завоеватель особого, возможно, почти уникального рода. Нормандское завоевание Англии по своей природе и своим результатам не имеет точной аналогии в истории. И то, что ему нет точной аналогии в истории, во многом объясняется характером и положением человека, который его совершил. То, что история Англии за последние восемьсот лет была такой, какой она была, в значительной степени стало результатом личного характера одного человека. То, что мы такие, какие мы есть по сей день, во многом объясняется тем фактом, что был момент, когда судьба нашей страны, можно сказать, зависела от воли одного человека, и этим человеком был Уильям, которого на разных этапах его жизни и памяти называли Бастардом, Завоевателем и Великим.

Таким образом, Вильгельм Норманнский, Вильгельм норманнский Завоеватель Англии, с совершенной готовностью занимает свое место в ряду английских государственных деятелей. То, что так и должно быть, характерно для английской истории. Нашу историю в значительной степени творили за нас люди, пришедшие извне, иногда как завоеватели, иногда как противоположность завоевателям; но в каком бы облике они ни пришли, они должны были облечься в облик англичан и сделать свою работу английской. Из какой бы страны они ни прибыли, с какой бы миссией ни прибыли, как государственные деятели они были англичанами. Уильям, величайший представитель своего класса, все еще всего лишь представитель класса. Наряду с ним мы должны считать множество королей, епископов и высокопоставленных чиновников во многие века нашей истории. Теодор Тарсский и Кнут Датский, Ланфранк Павийский и Ансельм Аостинский, Рэндольф Фламбард и Роджер Солсберийский, Генрих Анжуйский и Симон Монфор - все они вписаны в список, среди которых Уильям занимает лишь первое место. Наибольшее число приходится на поколение самого Уильяма, а также на поколения непосредственно до и после него. Но порода приемных детей и правителей Англии никогда не вымирала. Имя Вильгельма Освободителя стоит если не рядом с именем его тезки Завоевателя, то, несомненно, рядом с законодателем из Анжу. И мы считаем среди более поздних достойных людей Англии немало выходцев из других стран, которые делали и делают свою работу среди нас и которые, по крайней мере, как государственные деятели, должны считаться англичанами. Если мы посмотрим вдоль всей линии, то даже среди королей-завоевателей и их непосредственных помощников их работа никогда не принимала форму искоренения прежних институтов страны. Эти институты видоизменяются, иногда незаметно в результате простого развития событий, иногда формально и с определенной целью. Старые институты получают новые названия; наряду с ними создаются новые институты. Но старые никогда не исчезают; они иногда вымирают; их никогда не уничтожают. Во многом это происходит благодаря поглощающей и ассимилирующей силе островного мира. Но это в не меньшей степени зависит от личного характера и личных обстоятельств, и в первую

очередь от личного характера нормандского завоевателя и обстоятельств, в которых он оказался.

Сейчас нас особенно интересуют личные поступки и характер Уильяма, и прежде всего его поступки и характер английского государственного деятеля. Но английское правление Вильгельма последовало за его более ранним нормандским правлением, и его характер был в значительной степени результатом его более раннего нормандского правления. Человек высочайших природных дарований, он с детства прошел такую школу, какая выпадает на долю немногих принцев. Прежде чем он предпринял завоевание Англии, ему пришлось в некотором роде поработать над завоеванием Нормандии. Вильгельм в полной мере участвовал в обычной работе монарха в воинственный век - защите своей собственной земли, аннексии других земель. Со страной своего сюзерена он имел дела самого противоположного рода. Ему пришлось призвать на помощь французского короля, чтобы подавить восстание в нормандском герцогстве, и ему пришлось отразить не одно вторжение французского короля во главе объединенного нормандского народа. Он присоединил Домфронт и Мэн к своим владениям, и завоевание Мэна, результат как государственной, так и военной деятельности, было репетицией завоевания Англии. Там, при обстоятельствах, до странности похожих на английские, он постиг свое ремесло завоевателя, он научился применять на более узкой области те же искусства, которые впоследствии применял на более широкой. Но, в конце концов, собственное герцогство Уильяма было его особой школой; именно его жизнь в его собственном герцогстве особенно помогла сделать его тем, кем он был. Окруженный испытаниями и трудностями почти с колыбели, он рано научился искусству выдерживать испытания и преодолевать трудности; он научился обращаться с людьми; он научился, когда бить, а когда щадить; и к его чести немало того, что за долгое время такого правления, как его, он почти всегда проявлял гораздо большую готовность щадить, чем поражать.

Прежде чем мы сможем взглянуть на Уильяма как на английского государственного деятеля, мы должны сначала взглянуть на него в стране, где он обучался искусству управления государством. Мы должны увидеть, как тот, кто начинал со всеми недостатками, которые подразумеваются в его более ранней фамилии Бастард, пришел к победе и заслужил свои более поздние фамилии Завоеватель и Великий.

ГЛАВА II.

РАННИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА.

1028-1051 гг. н. э.

Если раннее правление Вильгельма в Нормандии было временем его подготовки к более позднему правлению в Англии, то его школа была суровой, и он рано начал учиться. Его номинальное правление началось в возрасте семи лет, и его личное влияние на события началось задолго до того, как он достиг обычного возраста благоразумия. И события, произошедшие в период его несовершеннолетия, вполне могли ожесточить его, но они не могли развратить его так, как развратили стольких принцев. Все его положение, политическое и личное, не могло не сказаться на формировании этого человека. Он был герцогом норманнским, шестым по счету после Рольфа, основателя нормандского государства. На момент его восшествия на престол прошло более ста десяти лет с тех пор, как грабители, иногда

поселенцы из Скандинавии, превратились в признанных членов западного королевства Каролингов. Норманны, изменившие свое имя и сущность на *норманнов*, теперь во всех отношениях были членами христианского и франкоязычного мира. Но какими бы французами ни стали норманны времен Вильгельма, их отношение к королям и народу Франции не было дружественным. На момент поселения Рольфа западное королевство франков еще окончательно не перешло к *французским герцогам* в Париже; Рольф стал человеком короля Каролингов в Лаоне. Франция и Нормандия были двумя великими герцогствами, каждое из которых обладало ненадежным господством короля Западных франков. С одной стороны, Нормандия возникла в результате ужасающего расчленения французского герцогства, от которого было отрезано первоначальное нормандское поселение. Франция потеряла в Руане один из своих величайших городов и оказалась отрезанной от моря и нижнего течения своей собственной реки. С другой стороны, французы и нормандские герцоги были заинтересованы в тесном союзе; поддержка норманнов многое сделала для передачи короны из Лана в Париж и для того, чтобы сделать *герцога Франкорума* и *рекса Франкорума* одним и тем же человеком. Именно принятие норманнами французской речи и манер и их устойчивый союз с французскими герцогами окончательно определили, что правящим элементом в Галлии должны быть романцы, а не тевтонцы, и что из романских элементов она должна быть французской, а не аквитанской. Если создание Нормандии многое сделало для ослабления Франции как герцогства, то оно немало сделало и для превращения Франции в королевство. Лан и его корона, неопределенное влияние, которое сопутствовало короне, перспектива будущего продвижения на юг были куплены потерей Руана и устья Сены.

Таким образом, во время восшествия на престол Вильгельма многое было сделано для поддержания дружеских отношений между французскими королями и нормандскими герцогами. Старый союз был укреплен недавними добрыми услугами. Правящий король Генрих Первый был обязан своей короной помощи отца Вильгельма Роберта. С другой стороны, первоначальная основа союза - взаимная поддержка против короля Каролингов - ушла в прошлое. Король Франции, правящий в Париже, скорее всего, помнил, чего норманны стоили ему как герцогу, чем того, что они сделали для него как короля. И союз был всего лишь союзом принцев. Взаимная неприязнь между народами двух стран была сильна. Норманны усвоили французские обычаи, но французы и норманны не стали соотечественниками. И по мере того, как росла слава Нормандии, ревность, несомненно, смешивалась с неприязнью. Короче говоря, Вильгельм унаследовал очень сомнительное и опасное состояние отношений с королем, который был одновременно его главным соседом и сюзереном.

Еще более сомнительными и опасными были унаследованные молодым герцогом отношения к народу своего герцогства и родственникам своего собственного дома. Вильгельм еще не был Великим или Завоевателем, но он был Незаконнорожденным с самого начала. В то время не существовало общепринятой доктрины о наследовании королевств и герцогств. Везде один королевский или княжеский дом, как правило, поставлял кандидатов для наследования. Везде, даже там, где была сильна выборная доктрина, взрослый сын всегда имел шансы стать преемником своего отца. Рост феодальных представлений также значительно укрепил принцип наследования. До сих пор нигде не было установлено никаких правил для случаев, когда покойный принц не оставлял взрослого сына. Столь же нерешенным был вопрос о законном рождении. Незаконные союзы всех видов, хотя и осуждались Церковью, на практике допускались и нигде не были так распространены, как среди нормандских герцогов. По правде говоря, ощущение царственности рода, доктрина о том, что король должен быть сыном короля,

лучше удовлетворяются преемственностью внебрачного сына покойного короля, чем посылкой за каким-нибудь дальним родственником, претендующим, возможно, только через женщин. И все же незаконнорожденность, если о ней часто удобно забывать, всегда может быть обращена против мужчины. Наследование бастарда вряд ли могло быть бесспорным, а его правление - безмятежным.

Теперь Вильгельм унаследовал свое герцогство с двойным недостатком: он был одновременно незаконнорожденным и второстепенным. Он родился в Фалезе в 1027 или 1028 году, будучи сыном Роберта, впоследствии герцога, но тогда еще только графа Хисмуа, от Херлевы, обычно называемой Арлеттой, дочери кожевника Фульберта. Между его родителями не было никаких намеков на брак; и все же его отец, когда назначал Уильяма своим преемником, мог бы сделать его законнорожденным, как это сделали некоторые из его предшественников, заключив брак с его матерью. В 1028 году Роберт наследовал герцогство своему брату Ричарду. В 1034 или 1035 году он решил отправиться в паломничество в Иерусалим. Он призвал своих баронов присягнуть на верность своему семилетнему бастарду в качестве его преемника на случай, если он никогда не вернется. Их мудрый совет оставаться дома, присматривать за своими владениями и растить законных наследников остался без внимания. Роберт настоял на своем. Наследование престола молодым Вильгельмом было принято нормандской знатью и подтверждено сюзереном Генрихом, королем Франции. Вскоре договоренность вступила в силу. Роберт умер на обратном пути до истечения 1035 года, и его сын начал, по крайней мере, номинально, свое пятидесятидвухлетнее правление нормандским герцогством.

Наследование того, кто был одновременно незаконнорожденным и несовершеннолетним, могло произойти только тогда, когда ни у кого другого не было явно больших прав, Уильям ни на минуту не смог бы отстоять свою позицию против совершеннолетнего и несомненно законного брата своего отца. Но среди ныне живущих потомков бывших герцогов некоторые сами имели сомнительную легитимность, некоторые были исключены из-за своей профессии церковника, некоторые претендовали только через женщин. У Роберта действительно было два сводных брата, но они были молоды, и их законность оспаривалась; у него был дядя, Роберт, архиепископ Руана, который был узаконен более поздним браком его родителей. Соперником, который в конце концов доставил Вильгельму больше всего хлопот, был его двоюродный брат Ги Бургундский, сын дочери его деда Ричарда Доброго. Хотя преемственность Вильгельма не нравилась, ни одному из этих кандидатов, как правило, не отдавали предпочтения. Таким образом, он преуспел; но первые двенадцать лет его правления прошли в восстаниях и заговорах неуправляемой знати, которая ненавидела молодого герцога как единственного представителя закона и порядка и которая не стремилась ставить на его место никого, кто мог бы лучше обеспечить их соблюдение.

Дворянство, столь по-разному определяемое в разных странах, в Нормандии делилось на два класса. Все были дворянами, имевшими какое-либо родство, законное или иное, с герцогским домом. Внебрачные дети Ричарда Бесстрашного были узаконены его браком с их матерью Гуннорой, и многие знатные дома Нормандии произошли от ее братьев и сестер. Мать Уильяма не удостаивалась такого превозношения. Помимо сына, она родила Роберту дочь Аделаиду, а после смерти Роберта вышла замуж за нормандского рыцаря по имени Херлвин Контевильский. Помимо дочери, она родила ему двух сыновей, Оду и Роберта. Они достигли высоких постов в Церкви и государстве и сыграли важную роль в истории своего сводного брата. Помимо людей, чье благородство было такого рода, существовали также нормандские

дома, чьи привилегии были старше, чем любовные связи или браки любого герцога, дома, чье величие было таким же древним, как поселение Рольф, таким же древним, как сама герцогская власть. Великими людьми обоих этих классов было одинаково трудно управлять. Нормандский барон того времени получал хорошую работу, когда он просто бунтовал против своего принца или вел частную войну против другого барона. Что особенно примечательно в то время, так это частота вероломных убийств, совершенных людьми самого высокого ранга, часто в отношении безобидных соседей или ничего не подозревающих гостей. Но жертвы были найдены и среди тех опекунов молодого герцога, которые добросовестно выполняли свои обязанности, что показывает, что нормандская знать не была полностью коррумпированной. Одним из них действительно был иностранный принц, Алан, граф Бретонский, внук Ричарда Бесстрашного по линии дочери. Двое других, сенешаль Осберн и Гилберт граф Эу, были незаконными родственниками герцога. Все они были убиты, бретонский граф отравлен. Такое детство, как это, заставило Уильяма играть мужчину, когда он был еще ребенком. Беспомощный мальчик должен был искать какой-то поддержки. Он собрал главных людей своего герцогства и по их совету назначил нового опекуна. Но то, что новый опекун был одним из убийц тех, кому он наследовал, свидетельствует о положении вещей. Это был Ральф из Уэйси, сын двоюродного дедушки Уильяма, архиепископа Роберта. Несмотря на то, что он был убийцей, он, похоже, добросовестно исполнял свой долг. Есть люди, которые пренебрегают общими моральными обязательствами, но которые будут строго выполнять любое поручение, затрагивающее личную честь. Как бы то ни было, опека Ральфа принесла с собой определенное спокойствие. Но люди, пользующиеся большим расположением молодого герцога, все еще строили против него козни, и вскоре они начали строить козни не только против своего принца, но и против своей страны. Недовольная знать Нормандии искала помощника в борьбе с юным Вильгельмом в лице его сеньора короля Генриха Парижского.

Искусство дипломатии никогда полностью не дремало с гораздо более ранних времен. Король, который был обязан своей короной отцу Вильгельма и у которого не могло быть оснований обижаться на самого Вильгельма, легко находил благовидные предлоги для вмешательства в дела норманнов. Со стороны короля Франции не было ничего противоестественного в желании вернуть морскую гавань, которая была отдана более ста лет назад чужеземной державе, даже несмотря на то, что эта держава в течение гораздо более половины этого времени вела себя по отношению к Франции более чем дружелюбно. Не было ничего противоестественного в том, что французский народ питал сильную национальную неприязнь к норманнам и страстно желал, чтобы Руан снова стал французским городом. Но такие мотивы открыто признавались тогда не больше, чем сейчас. Предполагаемая причина была совершенно иной. Графы Шартрские были беспокойными соседями герцогства, и замок Тильер был построен для защиты от них. Расширение королевских владений сделало Тильер соседом Франции, и, как о соседе, говорили, что он представляет постоянную угрозу. Король Франции, действовавший заодно с недовольной партией в Нормандии, был опасным врагом, и молодой герцог и его советники решили отказаться от Тильера. Теперь начинается первое отчетливое осуществление личной воли Вильгельма. У нас нет точных дат, но время может быть едва ли позже 1040 года, когда Вильгельму было от двенадцати до тринадцати лет. По его особой просьбе защитник Тильера Жильбер Криспен, который поначалу противостоял как французам, так и норманнам, уступил замок Генриху. Замок был сожжен; король пообещал не ремонтировать его в течение четырех лет. Тем не менее, говорят, что он вторгся в Нормандию, опустошил родной район Вильгельма Хисмуа, предоставил французский гарнизон нормандскому мятежнику по имени Терстан,

который удерживал замок Фалез против герцога, и закончил тем, что восстановил Тильер как угрозу Нормандии. И теперь мальчику, судьба которого так рано сделала его лидером людей, пришлось впервые поднять оружие против крепости, которая смотрела сверху вниз на место его рождения. Терстан сдался и отправился в изгнание. Вильгельм мог бы назвать свой собственный Фалез первым в длинном списке городов и замков, которые он знал, как завоевать без пролития крови.

Когда мы в следующий раз видим отчетливые личные действия Уильяма, он все еще молод, но уже не ребенок и даже не мальчик. В свои девятнадцать или около того лет он мудрый и доблестный человек, и его доблесть и мудрость испытаны на прочность. Несколько лет относительного затишья были в основном заняты, как это обычно бывало в спокойное время в те дни, церковными делами. Одно из них особенно иллюстрирует положение вещей, с которым приходилось иметь дело Уильяму. В 1042 году, когда герцогу было около четырнадцати лет, Нормандия приняла Божье перемирие в его более поздней форме. Оно больше не пыталось установить всеобщий мир; оно удовлетворилось запретом, под жесточайшим церковным порицанием, всякой частной войны и насилия любого рода в определенные дни недели. Законодательство такого рода имеет две стороны. Было бы немедленным преимуществом, если бы мир действительно соблюдался в течение четырех дней в неделю; но то, что не было запрещено в остальные три дня, больше не могло быть осуждено как зло само по себе. Нам говорят, что ни в одной стране Перемирие не соблюдалось так строго, как в Нормандии. Но мы можем быть уверены, что, когда Вильгельм был в расцвете своей власти, суровая рука герцога была направлена на поддержание мира по понедельникам и вторникам, а также по четвергам и пятницам.

Именно в 1047 году власть Вильгельма оказалась под самой серьезной угрозой, и он впервые был призван продемонстрировать во всей полноте заключающиеся в нем силы. Тот, кто должен был стать завоевателем штата Мэн и Англии, должен был сначала стать завоевателем своего собственного герцогства. Восстание большей части страны, контрастирующее с твердой лояльностью другой части, проливает весьма поучительный свет на внутреннее состояние герцогства. Существовала, как и до сих пор, линия разделения между округами, которые сформировали первый грант Рольфу, и теми, которые были добавлены впоследствии. В этих последних уцелевшие остатки старой тевтонской жизни были призваны новыми силами новыми поселениями из Скандинавии. В начале правления Ричарда Бесстрашного Руан, франкоговорящий город, резко контрастировал с Байе, некогда саксонским городом и землей, ныне центром датской речи. На том этапе датская партия была явно языческой. Нам не сообщается, говорили ли на датском языке так поздно, как во времена юности Вильгельма. Мы с трудом можем поверить, что у скандинавских богов все еще были признанные поклонники. Но географические границы восстания точно совпадают с границей, которая когда-то разделяла французскую и датскую речь, христианское и языческое богослужение. Чувства по обе стороны Баррикад сильно различались. Старые нормандские поселения, теперь полностью французские по языку и манерам, преданно служили герцогу; земли к западу восстали против него. Руан и Эвре были твердо верны Вильгельму; саксонский Байе и датский Кутанс были штаб-квартирами его врагов.

Когда географическое разделение приняло такую форму, мы были удивлены кандидатом на герцогство, которого выдвинули повстанцы. Вильгельм был нормандцем по рождению и воспитанию; его соперник был во всех смыслах французом. Это был кузен Вильгельма Ги

Бургундский, чья связь с герцогским домом была лишь косвенной. Но его происхождение было неоспоримо законным, что дало ему повод заявить права на герцогство в противовес незаконнорожденному внуку кожевника. Вильгельм обогатил его большими владениями, среди которых была островная крепость Брионн в Ризле. Реальной целью восстания был раздел герцогства. Вильгельм должен был быть лишен собственности; Ги должен был стать герцогом в землях к востоку от Дайва; великие лорды Западной Нормандии должны были остаться независимыми. С этой целью лорды Бессена и Котантена подняли восстание, их лидером был Нил, виконт Сен-Совер из Котантена. Нам говорят, что масса людей повсюду желала добра своему герцогу; в общем суверене был их единственный шанс защититься от своих непосредственных лордов. Но лорды располагали вооруженными силами страны по своему усмотрению. Сначала они попытались убить или схватить самого герцога, который случайно оказался среди них в Валони. Он сбежал; мы слышим волнующий рассказ о его стремительном путешествии из Валони в Фалез. Находясь в безопасности среди своего народа, он планировал свои действия. Сначала он обратился за помощью к человеку, который мог бы оказать ему наибольшую помощь, но который причинил ему больше всего зла. Он отправился во Францию; он встретился с королем Генрихом в Пуасси, и король пообещал привести на помощь Вильгельму французские войска под своим собственным командованием.

На этот раз Генри сдержал свое обещание. Расчленение Нормандии могло быть выгодно Франции, поскольку ослабляло власть, ставшую таким особым объектом французской ревности; но при короле на первое место выходили общие интересы принцев против мятежных баронов. Генрих прибыл с французской армией и достойно сражался за своего союзника на поле Валь-э-дюн. Теперь предстояла первая битва Завоевателя - турнир всадников на открытом плоскогорье, прямо на землях повстанцев, между Каном и Мезидоном. Молодой герцог сражался хорошо и мужественно, но нормандские писатели допускают, что победу ему принесла помощь Франции. Тем не менее, один из многочисленных анекдотов о битве указывает на источник силы, который всегда был готов помочь любому лорду в борьбе с мятежными вассалами. Один из лидеров восстания, Ральф Тессонский, охваченный угрызениями совести и тронутый молитвами своих рыцарей, присоединился к герцогу незадолго до битвы. Он поклялся покарать Уильяма, где бы ни встретил его, и выполнил свою клятву, нанеся герцогу безвредный удар своей перчаткой. Насколько обязательна клятва совершить противозаконное деяние - это вопрос, который снова возник на другом этапе жизни Уильяма.

Победа при Валь-о-дюн была решающей, и французский король, с помощью которого так много сделали для ее победы, оставил Вильгельма продолжать ее. Он встретил лишь небольшое сопротивление, за исключением крепости Брионн. Сам Ги исчезает из истории норманнов. Теперь Вильгельм завоевал свое собственное герцогство, и завоевал его с иностранной помощью. До конца своего нормандского правления ему часто приходилось сражаться с врагами дома, но ему никогда больше не приходилось подавлять такое восстание, как восстание лордов западной Нормандии. Что западная Нормандия, самая настоящая Нормандия, должна была уступить более основательно романизированным землям на востоке. Разница между ними никогда больше не примет политической формы. Теперь Вильгельм был лордом всей Нормандии и мог свергнуть всех последующих нарушителей спокойствия. Теперь начинается его настоящее правление; с девятнадцати или двадцати лет он сам распоряжается своими поступками. Согласно его неизменной практике, он показал себя милосердным завоевателем. На протяжении всего своего правления он демонстрирует явное нежелание

лишать человека жизни, за исключением честного боя на поле битвы. После победы при Валь-о-дюнах не пролилось крови; один мятежник умер в оковах; остальные не подверглись более суровому наказанию, чем уплата штрафов, передача заложников и разрушение их замков. Эти замки еще не были теми огромными и тщательно продуманными сооружениями, которые возникли в более поздние времена. Одной крепкой квадратной башни или даже деревянной защиты на крутом холме, окруженном рвом, было достаточно, чтобы сделать ее владельца опасным. Обладание этими крепостями давало каждому барону возможность сразу же бросить вызов своему принцу и стать бичом для своих соседей. Каждый сезон анархии отмечен строительством замков; каждое восстановление порядка влечет за собой их свержение как необходимое условие мира.

Таким образом, в своем одиноком и беспокойном детстве Уильям был приучен к мужскому правлению. Теперь, правя меньшим доминионом, ведя войны и завоевания меньшего масштаба, он должен был пройти подготовку к завоеванию и правлению большим доминионом. Вильгельм обладал даром прирожденного правителя, и он никоим образом не был расположен злоупотреблять им. Мы знаем о его правлении в Нормандии только по языку панегириков; но факты говорят сами за себя. Он сделал Нормандию мирной и процветающей, возможно, более мирной и процветающей, чем любое другое государство континентальной Европы. Он предстает перед нами как мудрый и милосердный правитель, защитник бедных и беспомощных, покровитель торговли и всего, что может принести пользу его владениям. Мы не можем винить его за оборонительные войны, за войны, которые он вел как верный человек своего сюзерена. Но его главный долг лежал дома. Ему все еще нужно было подавлять восстания, и он подавил их. Но усыпить их было первым из добрых дел. Он должен был поддерживать мир в стране, сдерживать непокорную волю этих буйных баронов, которым только такая рука, как у него, могла противостоять. Он должен был, выражаясь языком того времени, вершить правосудие, наказывать виновных верным и быстрым наказанием, кто бы ни был виновником. Если правитель хорошо выполнял эту первейшую из обязанностей, ему легко прощалось многое в других отношениях. Но Уильяму пока мало что можно было простить. На протяжении всей жизни он неуклонно практиковал некоторые необычные добродетели. Его строгое внимание к религии всегда было заметно. И его религия была не просто щедрой помощью Церкви, которая была совместима с любым количеством жестокости или вседозволенности. Религия Уильяма действительно повлияла на его жизнь, общественную и частную. Он подавал необычный пример княжеского дома, управляемого в соответствии с правилами морали, и решал церковные вопросы в духе истинного реформатора. Он не делал, как многие принцы его эпохи, церковные предпочтения источником коррупционной наживы, но продвигал хороших людей со всех сторон. Его собственному образованию, вероятно, не уделялось большого внимания; неясно, овладел ли он более редким искусством письма или более обычным искусством чтения; но и его продвижение по службе образованных церковников, и забота, уделяемая образованию некоторых из его детей, показывают, что он, по крайней мере, ценил лучшие достижения своего времени. Если бы вся жизнь Вильгельма была посвящена обязанностям нормандского герцога, мудро управлявшего своим герцогством и мужественно защищавшего его, мир, возможно, никогда бы не узнал его как одного из выдающихся людей, но его жизнь на этом более узком поприще была бы полезной и почетной почти без недостатков. Это было роковое искушение князей, искушение территориального расширения, которое позволило ему в полной мере проявить заложенные в нем силы, но в то же

время привело к его моральной деградации. Защитник своей собственной земли становился захватчиком других земель, а захватчик не мог не превратиться в угнетателя. Каждый шаг в его карьере Завоевателя был шагом вниз. Мэн был соседней страной, страной с таким же языком, страной, которая, если бы чувства того времени позволили заключить добровольный союз, безусловно, ничего бы не потеряла от союза с Нормандией. Англия, страна обособленная, страна речи, законов и чувств, совершенно непохожих на любую часть Галлии, была в другом случае. Там Завоеватель был вынужден стать угнетателем. Зло, как всегда, было наказано тем, что привело к еще большему злу.

С двумя полями, более близкими и более отдаленными, более узкими и более широкими, на которых Вильгельму предстояло появиться как Победителю, ему пока нечего делать. Бесплезно гадать, в какой момент мысль об английском престолонаследии могла прийти в голову ему или его советникам. Когда Вильгельм начал свое настоящее правление после Вальдюн, влияние норманнов в Англии было велико. Эдуард Исповедник провел свою юность среди своих нормандских родственников; он любил нормандские обычаи и общество норманнов и других людей, говорящих по-французски. Пришельцы из привилегированных земель занимали бесчисленные посты в церкви и государстве; прежде всего, Роберт Жюмьежский, первый епископ Лондона, а затем архиепископ Кентерберийский, был особым любимцем и советником короля. Эти люди, возможно, очень рано высказали мысль о престолонаследии Уильяма. С другой стороны, в то время отнюдь не было ясно, что Эдуард не может оставить собственного сына. Он был женат всего несколько лет, и его предполагаемый обет целомудрия весьма сомнителен. Заявление Уильяма было самого надуманного рода. По английскому обычаю король избирался из одного королевского дома, и только те, кто происходил от королей по мужской линии, считались членами этого дома. Уильям не происходил, даже по женской линии, ни от одного английского короля; все его родство с Эдуардом заключалось в том, что мать Эдуарда Эмма, дочь Ричарда Бесстрашного, приходилась Уильяму двоюродной бабушкой. Такой родич, не говоря уже о незаконнорожденности Вильгельма, не мог дать никаких прав на корону в соответствии ни с одной доктриной престолонаследия, о которой когда-либо слышали. В лучшем случае это могло бы указать на него как на кандидата для усыновления, на случай, если правящий король уступит и ему будет позволено выбрать своего преемника. Уильям или его советники, возможно, начали взвешивать этот шанс очень рано; но все, что действительно несомненно, это то, что Уильям был другом и любимцем своего старшего родственника, и что события в конце концов привели его к наследованию английской короны в пределах возможного.

Но до этого Вильгельму предстояло показать себя воином за пределами своего собственного герцогства и, так сказать, захватить часть своего великого континентального завоевания. Первая война Вильгельма за пределами Нормандии велась совместно с королем Генрихом против Джеффри Мартелла, графа Анжуйского, и велась на стороне штата Мэн. Вильгельм, несомненно, был в неоплатном долгу перед своим сюзереном за хорошую помощь, оказанную при Валь-о-дюн, и никогда не было недостатка в предложениях для ссоры между Анжу и Нормандией. Обе державы заявили о своих правах на промежуточную землю Мэн. В 1048 году мы видим, как Уильям оказывает помощь Генриху в войне с Анжу, и мы слышим замечательные, но туманные рассказы о его подвигах. По-настоящему поучительная часть истории посвящена двум пограничным крепостям на марше в Нормандию и Мэн. Алансон находился на нормандской стороне Сарта; но это было предательством по отношению к Нормандии. Брионн все еще держался за Ги Бургундского. Город принадлежал дому Беллем, дому, известному

властью и порочностью, который, владея огромными владениями как в Нормандии, так и во Франции, занимал положение скорее принцев, чем обычной знати. Рассказывали, что Уильям Талвас, лорд Беллема, один из самых свирепых представителей своего рода, проклял Уильяма в его колыбели, как человека, который должен был опозорить его и его окружение. Такая история раскрывает самую благородную сторону характера Уильяма, как человека, который сделал что-то, чтобы покончить с такими врагами человечества, как тот, кто проклял его. Владения Уильяма Талваса перешли через его дочь Мейбл к Роджеру Монтоммери, человеку, сыгравшему большую роль в истории Уильяма; но мы только что услышали о нелояльности бюргеров, а не их лорда. Они охотно впустили анжуйский гарнизон. Вильгельм, в свою очередь, осадил Домфронт в Варенне, крепком замке, который тогда был форпостом штата Мэн против Нормандии. Длительная перестрелочная война, в ходе которой Вильгельм завоевал себе имя подвигами личной доблести, продолжалась в течение осени и зимы (1048-49). Одна история специально иллюстрирует более чем один момент в ощущениях того времени. Два принца, Уильям и Джеффри, бросают взаимный вызов; каждый сообщает другому об одежде и щите, которые он будет носить, чтобы тот не ошибся. Витал дух странствующего рыцарства, и мы видим, что сам Уильям в молодости был тронут им. Но мы также видим, что доспехи тогда были еще неизвестны. Джеффри и его войско, как говорят норманны, уклоняются от вызова и убегают ночью, оставляя путь открытым для внезапного похода на Алансон. Вероломные бюргеры встретили герцога с насмешкой над его происхождением. Они вывешивали шкуры и кричали: “Шкуры для дубильщика”. Принцам всегда тяжело переносить личные оскорбления, и гнев Вильгельма разгорелся до такой степени, что заставил его на этот раз отступить от своей обычной сдержанности по отношению к побежденным врагам. Он поклялся, что с людьми, которые насмехались над ним, следует поступить, как с деревом, у которого срезают ветви садовым ножом. Город был взят штурмом, и Уильям сдержал свою клятву. Замок выстоял; руки и ноги тридцати двух алансонских бюргеров были переброшены через его стены, и подразумеваемая угроза вынудила гарнизон сдаться под обещание сохранить жизнь и здоровье. Пораженные страхом защитники Домфронта тоже сдались и сохранили свое оружие, а также жизни и конечности. Таким образом, Вильгельм отвоевал свой собственный мятежный город и расширил его границы своим первым завоеванием. Он продвинулся дальше на юг и укрепил другой замок в Амбриере; но Амбриер был лишь временным завоеванием. С тех пор Домфронт считается частью Нормандии. Но, поскольку церковные разделения обычно сохраняют светские разделения более раннего времени, Domfront вплоть до великой Французской революции оставался в духовной юрисдикции епископов Ле-Мана.

Теперь Уильям проявил себя в штате Мэн как завоеватель, и вскоре ему предстояло проявить себя в Англии, хотя пока и не как завоевателю. Если доверять нашей хронологии, он все еще должен был в этот промежуток времени завершить завоевание своего собственного герцогства, добившись сдачи Брионна; и два других события, оба характерных, одно из них запоминающееся, занимают то же время. Вильгельм теперь изгнал родственника своего имени, который владел большим графством Мортен, *Моретолуам* или *Моретониум*, в епархии Авранша, которую следует тщательно отличать от Мортань-ан-Перш, *Мавритании* или *Моретонии* в епархии Сиз. Этот акт, справедливость которого несколько сомнительна, заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, обвинителем изгнанного графа был тот, кто в то время сам был бедным рыцарем-службой, но стал родоначальником дома, сыгравшего большую роль в английской истории, - Роберт по прозвищу Бигот. Во-вторых, вакантное

графство было предоставлено Уильямом своему сводному брату Роберту. Он уже в 1048 году даровал епископство Байе своему другому сводному брату Одо, которому в то время было не более двенадцати лет. Следовательно, он, должно быть, долгое время занимал престол без хиротонии, и ни разу за все свои пятьдесят лет пребывания на нем он не проявил каких-либо особых епископских заслуг. Это был последний случай в правление Вильгельма старого злоупотребления, в результате которого главные церковные пристрастия в Нормандии были превращены в средство обеспечения членов, часто недостойных, герцогской семьи; и это единственный случай, за который Вильгельм мог нести личную ответственность. Таким образом, оба его брата очень рано оказались среди знатных людей Нормандии, как в более поздние годы им предстояло стать одними из знатных людей Англии. Но привязанность Уильяма к своим братьям, какой бы приятной она ни была лично, определенно не относилась к числу самых ярких сторон его характера как монарха.

Другое главное событие этого времени также касается семейной стороны жизни Уильяма. Теперь начинается долгая история его брака. Дата установлена одним из постановлений Реймского собора, проведенного в 1049 году папой Львом Девятым, в котором Балдуину, графу Фландрии, запрещается выдавать свою дочь за Вильгельма Нормандского. Это подразумевает, что о браке уже думали, и, кроме того, он рассматривался как неканонический. Невеста, которую искал Вильгельм, Матильда, дочь Болдуина Пятого, была связана с ним какими-то родственными узами, которые делали брак между ними незаконным по правилам Церкви. Но ни один специалист по генеалогии пока не смог точно выяснить, в чем заключалась каноническая помеха. Трудно проследить происхождение Уильяма и Матильды от какого-либо общего предка. Но свет, который история проливает на характер Уильяма, в любом случае один и тот же. Искал ли он жену или королевство, его воля была бы налицо, но он мог с этим подождать. В сомнительном положении Вильгельма брак с дочерью графа Фландрского был бы ему полезен во многих отношениях, и Матильда завоевала неизменную любовь и доверие своего мужа. Рассказывают странные истории о сватовстве Уильяма. Рассказывают также о ранней любви Матильды к англичанину Бритрику, который, как говорят, снискал расположение в ее глазах, когда прибыл в качестве посланника из Англии ко двору ее отца. Все, что несомненно, - это то, что о браке думали, но он был запрещен до следующего важного события в жизни Уильяма, которое мы должны зафиксировать.

Был ли фламандский брак Вильгельма каким-либо образом связан с его надеждами на наследование английской короны? Если бы в Англии для него нашлась какая-нибудь свободная невеста, возможно, в его интересах было бы искать ее там. Но следует отметить, хотя ни один древний писатель не указывает на тот факт, что Матильда на самом деле происходила от Альфреда по женской линии; так что в жилах детей Уильяма, хотя и не самого Уильяма, было несколько капель английской крови. Вильгельм или его советники, взвешивая все шансы, которые могли бы помочь его интересам в направлении Англии, возможно, сочли этот фрагмент довольно древней генеалогии одним из преимуществ фламандского союза. Но гораздо более достоверно то, что между запрещением брака и самим бракосочетанием у нормандского герцога появилась прямая надежда на наследование английской короны.

ГЛАВА III.

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ Вильгельма В АНГЛИЮ.

1051-1052 гг. н.э.

Пока Вильгельм укреплял свои позиции в Нормандии, влияние норманнов в Англии достигло своего пика. Короля окружали иностранные фавориты. Единственным иностранным графом был его племянник Ральф Ментесский, сын его сестры Годжифу. Но три главных епископства принадлежали норманнам: Роберту Кентерберийскому, Уильяму Лондонскому и Ульфу Дорчестерскому. Уильям обладает хорошим характером и завоевал уважение англичан; но о необразованном Ульфе подчеркнуто говорят, что он не совершил “ничего епископского”. Небольшие привилегии в церкви и государстве, поместья во всех частях королевства щедро предоставлялись иностранцам. Они строили замки и всячески оскорбляли чувства англичан. Архиепископ Роберт, прежде всего, всегда замышлял заговор против Годвина, графа западносаксонского, главы национальной партии. Наконец, осенью 1051 года вспыхнуло народное возмущение. Непосредственным поводом послужил визит к королю графа Юстаса Булонского, который только что женился на овдовевшей графине Годжифу. Жестокие действия его сторонников по отношению к бюргерам Дувра привели к сопротивлению с их стороны и к длинной серии маршей и переговоров, которые закончились изгнанием Годвина и его сына и разлукой его дочери Эдит, жены короля, со своим мужем. С октября 1051 по сентябрь 1052 года норманны вели себя в Англии по-своему. И в это время король Эдуард принял гостя более известного, чем его шурин из Булони, в лице своего двоюродного брата из Руана.

О его визите мы читаем только, что “Уильям Эрл прибыл из-за моря с небольшой группой французов, и король принял его и столько его товарищей, сколько показалось ему подходящими, и отпустил его снова”. В другом сообщении добавляется, что Вильгельм получил от короля большие подарки. Но сам Вильгельм в нескольких документах говорит об Эдуарде как о своем лорде; следовательно, он должен был когда-то оказать Эдуарду акт почтения, и нет другого времени, кроме этого, когда мы могли бы представить себе совершение такого акта. Итак, за что воздавалось почести? Почести часто воздавались по очень незначительным поводам, и за этим часто следовали странные конфликты верности. Такого конфликта, вероятно, не возникло бы, если бы герцог нормандский, уже состоявший при короле Франции в своем герцогстве, стал человеком короля Английского на какой-либо другой почве. Между Англией и Францией тогда еще не было вражды или соперничества. Англия и Франция впоследствии стали врагами, потому что король Англии и герцог норманнов были одним лицом. И этот визит, это почтение было первым шагом к тому, чтобы сделать короля Англии и герцога норманнского одним и тем же человеком. Притязания Вильгельма на английскую корону основывались главным образом на предполагаемом обещании наследования, данном Эдуардом. Это утверждение вряд ли было простой бесстыдной ложью. То, что Эдуард действительно дал какое-то обещание Вильгельму - как и то, что Гарольд на более позднем этапе принес какую-то клятву Вильгельму, - кажется, полностью доказывается тем фактом, что, хотя такие нормандские заявления, которые можно было опровергнуть, были решительно отвергнуты английскими авторами, по этим двум пунктам самые патриотичные англичане, самые ярые сторонники Гарольда, хранят подчеркнутое молчание. Поэтому мы можем быть уверены, что было дано какое-то обещание; для этого обещания нужно найти время, и никакое время не кажется возможным, кроме этого времени визита Уильяма к Эдуарду. Дата не основана на прямых источниках, но она отвечает всем требованиям. Те, кто говорил об

обещании, данном ранее, когда Уильям и Эдвард вместе были мальчиками в Нормандии, забыли, что Эдвард был на много лет старше Уильяма. Единственный возможный момент до этого визита был, когда Эдуард был избран королем в 1042 году. До этого времени он вряд ли мог подумать о том, чтобы распорядиться королевством, которое ему не принадлежало, и в то время он, возможно, надеялся оставить сыновей себе наследовавшими. Еще в меньшей степени это обещание могло быть дано позже, чем состоялся визит. С 1053 года и до конца своей жизни Эдуард находился под английским влиянием, что побудило его сначала послать за своим племянником Эдуардом из Венгрии в качестве своего преемника и, в конце концов, дать рекомендацию в пользу Гарольда. Но в 1051-52 годах Эдуард, по обету или нет, вполне мог отказаться от надежды завести детей; он был окружен нормандским влиянием; и единственный раз за последние двадцать четыре года их совместной жизни он и Уильям встретились лицом к лицу. Единственная трудность - это та, на которую ни один современный писатель не ссылается. Если Эдуард хотел распорядиться своей короной в пользу одного из своих франкоговорящих родственников, у него был более близкий родственник, о котором он, естественно, мог подумать. Его собственный племянник Ральф жил в Англии и владел английским графством. У него было преимущество как перед Уильямом, так и перед своим старшим братом Уолтером Мантийским в том, что он не был правящим принцем в другом месте. Мы можем только сказать, что есть свидетельства того, что Эдвард действительно думал об Уильяме, но нет никаких свидетельств того, что он когда-либо думал о Ральфе. И, за исключением более близких родственных связей, все говорило скорее об Уильяме, чем о Ральфе. Личное сравнение почти гротескно; и ранние ассоциации Эдуарда и сильнейшее влияние вокруг него были не смутно французскими, а особенно нормандскими. Архиепископ Роберт выступал бы только за своего родного монарха. Короче говоря, мы можем быть настолько уверены, насколько это возможно, в любом факте, для которого нет прямых подтверждений, что обещание Эдуарда Вильгельму было дано во время визита Вильгельма в Англию, и что оммаж Вильгельма Эдуарду был дан в качестве предначертанного преемника английской короны.

Затем Вильгельм приехал в Англию простым герцогом и вернулся в Нормандию будущим королем. Но ценность его надежд по сравнению с ценностью данного ему обещания - это совсем другое дело. Скорее всего, обе стороны оценили их намного выше их реальной стоимости. Король и герцог, возможно, оба верили, что заключают соглашение, которое английская нация обязана уважать. Если так, то Эдуард, по крайней мере, не был обманут в течение нескольких месяцев.

Представление о короле, распоряжающемся своей короной своим собственным актом, относится к тому же кругу идей, что и закон о строгом наследовании. Это подразумевает, что королевская власть - это владение, а не должность. Ни язычники, ни англичане-христиане никогда не признавали эту доктрину; но она быстро распространялась на континенте. Наши предки всегда сочетали уважение к королевскому дому с определенной долей выбора среди членов этого дома. Сам Эдуард не был законным наследником по представлениям современного юриста, поскольку он был выбран, когда был жив сын его старшего брата. Каждый английский король получал свою корону благодаря дару великого собрания нации, хотя

выбор нации обычно ограничивался потомками прежних королей, и хотя совершеннолетнему сыну покойного короля редко оказывали сопротивление. Христианство укрепило принцип избрания. Король утратил свою старую святость как сын Водена; он обрел новую святость как помазанник Господень. Но царствование, таким образом, все отчетливее становилось должностью, великим постом, подобным епископству, на который его обладатель должен был быть законно избран и допущен посредством торжественных обрядов. Но этой должности он мог быть законно лишен и не мог передать ее преемнику ни по своей собственной воле, ни в соответствии с каким-либо строгим законом о престолонаследии. Пожелания покойного короля, как и пожелания покойного епископа, что-то значили для избирателей. Но это было все. Все, что Эдуард действительно мог сделать для своих сородичей, - это пообещать, когда придет время, дать Витану рекомендацию в его пользу. Тогда витан мог бы поступить так, как они считали нужным, со столь необычной рекомендацией, что избрал бы королем Англии человека, который не был ни коренным жителем, ни завоевателем Англии, ни потомком какого-либо английского короля.

Когда пришло время, Эдвард действительно дал рекомендацию Витану, но она была не в пользу Уильяма. Английское влияние, под которым он находился в течение последних четырнадцати лет своей жизни, лучше научило его тому, что такое закон Англии и в чем заключается долг английского короля. Но во время визита Вильгельма Эдуард, вполне возможно, полагал, что он может своим собственным поступком передать корону своему нормандскому родственнику как своему несомненному преемнику на случай, если тот умрет, не оставив сына. И вполне возможно, что Эдвард был связан клятвой не оставлять сына. И если Эдуард так думал, Уильям, естественно, думал так еще больше; он искренне считал бы себя законным наследником английской короны, единственным законным преемником, за исключением одного обстоятельства, которое было, возможно, невозможным и уж точно маловероятным.

Памятники тех времен, столь полные в одних моментах, скудны в других. Из тех авторов, которые упоминают о завещании или обещании, ни один не упоминает об этом в то время, когда это предположительно произошло; они упоминают об этом несколько позже, когда это начало приобретать практическое значение. Ни один английский писатель не упоминает о притязаниях Вильгельма до того времени, когда он был готов практически заявить о них; ни один нормандский писатель не говорит об этом до тех пор, пока он не расскажет историю визита Гарольда и присяги Вильгельму. Поэтому мы не можем сказать, насколько широко было известно об этом обещании ни в Англии, ни на континенте. Но его нельзя было полностью скрыть, даже если бы какая-либо из сторон хотела, чтобы это было скрыто. Английские государственные деятели должны были знать об этом и соответствующим образом проводить свою политику, независимо от того, было ли это общеизвестно в стране или нет. Положение Вильгельма, как в его собственном герцогстве, так и среди соседних принцев, значительно улучшилось бы, если бы на него можно было смотреть как на будущего короля. Как наследник английской короны, он, возможно, более ревностно ухаживал за потомком бывших обладателей короны; а Матильда и ее отец, возможно, более благосклонно смотрели на претендента, которому была обещана английская корона. С другой стороны, существование такого иностранного претендента сделало англичанам более чем когда-либо необходимым быть готовыми к появлению английского преемника, в королевском доме или вне его, в тот момент, когда правящий король скончается.

Лишь на короткое время у Вильгельма могла появиться разумная надежда на мирное наследование престола. Время нормандского влияния в Англии было коротким. Революция в сентябре 1052 года вернула Годвина и снова передала власть в Англии в руки англичан. Многие норманны были изгнаны, прежде всего архиепископ Роберт и епископ Ульф. Смерть Годвина в следующем году передала главную власть в руки его сына Гарольда. Это изменение, несомненно, сделало Эдуарда более преданным национальному делу. К Годвину, человеку, которому он был обязан своей короной, он явно испытывал благоговейный трепет; к сыновьям Годвина он был лично привязан. Мы не знаем, как Эдуарда заставили считать свое обещание Вильгельму недействительным. То, что его так убедили, совершенно очевидно. Он послал за своим племянником этелингом Эдуардом из Венгрии, явно в качестве предполагаемого преемника. Когда Этелинг умер в 1057 году, оставив несовершеннолетнего сына, люди, похоже, постепенно стали смотреть на Гарольда как на вероятного преемника. Он явно занимал особое положение, выше положения обычного графа; но нет необходимости предполагать какие-либо официальные действия в его пользу до момента смерти короля, 5 января 1066 года. На смертном одре Эдуард сделал все, что мог по закону сделать от имени Гарольда, порекомендовав его Витану для избрания следующим королем. То, что он затем либо выдвинул новую кандидатуру, либо возобновил старую в пользу Уильяма, - это басня, которая опровергается свидетельствами современных английских писателей. Притязания Уильяма полностью основывались на этом более раннем назначении, которое вряд ли могло быть сделано в любое другое время, кроме его визита в Англию.

Теперь мы должны последовать за Вильгельмом обратно в Нормандию, в оставшиеся годы его чисто герцогского правления. У будущего короля, несомненно, были мысли и надежды, которых у него не было раньше. Но о них мы можем только догадываться: они не записаны.

ГЛАВА IV.

ПРАВЛЕНИЕ Вильгельма В НОРМАНДИИ.

1052-1063 гг. н.э.

Если Уильям вернется из Англии с нетерпением ждать будущей короны, даже тогда у него может промелькнуть мысль, что он вряд ли завоюет эту корону, не сражаясь за нее. Пока что его делом было сражаться за герцогство Нормандия. Но теперь ему предстояло сражаться не за то, чтобы завоевать свое герцогство, а только за то, чтобы сохранить его. В течение пяти лет ему приходилось бороться как с мятежными подданными, так и с вторгшимися врагами, среди которых король Генрих Парижский снова занимает первое место. Какие бы мотивы ни побудили французского короля помочь Вильгельму в Валь-э-дюн, теперь они исчезли. Он вернулся к своему прежнему состоянию постоянной вражды к Нормандии и ее герцогу. Но этот короткий период определенно закрепил положение Нормандии и ее герцога в Галлии и в Европе. В самом начале Уильям все еще Бастард Фалезский, который может удержаться в герцогском кресле, его право на которое до сих пор оспаривается, а может и нет. В конце концов, если он еще не стал Победителем и Великим, он проявил все дары, которые были необходимы, чтобы завоевать ему любое имя. Он величайший вассал французской короны, вассал более могущественный, чем сюзерен, чьи вторжения в его герцогство ему пришлось отразить.

Эти вторжения французского короля и его союзников в Нормандию делятся на два периода. Сначала Генрих появляется в Нормандии как сторонник норманнов в открытом восстании против их герцога. Но восстания носят личный и локальный характер; нет восстания, подобного тому, что было подавлено в Валь-о-дюнах, охватившему большую часть герцогства. Во втором периоде у захватчиков нет такой отправной точки. Все еще есть предатели; все еще есть повстанцы; но все, что они могут сделать, это присоединиться к захватчикам после того, как те вступят на землю. Уильям все еще только прокладывает себе путь к всеобщей доброй воле своего герцогства, но он быстро делает это.

Прежде всего, существует неясный рассказ о восстании, дата которого не установлена, но которое, должно быть, произошло между 1048 и 1053 годами. Говорят, что мятежник Уильям Бусак из дома Ес защищал замок Ес от герцога и был сослан во Францию. Но год, последовавший за визитом Уильяма в Англию, ознаменовался гораздо более запоминающимся восстанием Уильяма графа Аркского. Он навлек на себя подозрения герцога, и ему пришлось разместить герцогский гарнизон в своей огромной крепости под Дьеппом. Но гарнизон предал замок своему собственному хозяину. Последовали открытое восстание и хаос, в котором графа Уильяма поддерживали король и несколько других принцев. Среди них был Ингельрам, граф Понтье, муж сестры герцога Аделаиды. Другим врагом был граф Гаскони Ги, впоследствии герцог Аквитании Вильгельм Восьмой. Непонятно, какая ссора могла возникнуть у принца из самого отдаленного уголка Галлии с герцогом норманнов; но ни граф Вильгельм, ни его союзники не могли противостоять верным норманнам и их принцу. Граф Ингельрам был убит; другие принцы удалились, чтобы предпринять более активные действия против Нормандии. Граф Вильгельм потерял свой замок и часть своих поместий и покинул герцогство по своей воле. Политическая снисходительность герцога в конце концов завоевала ему общее расположение его подданных. Мы больше не слышим об открытых восстаниях, пока много лет спустя собственный сын Вильгельма не поднял восстание. Но нападения внешних врагов, которым иногда помогают нормандские предатели, начинаются снова в следующем году в большем масштабе.

Теперь у Вильгельма, правителя и воина, была короткая передышка. Он, несомненно, вернулся из Англии, более чем когда-либо настроенный на брак с Матильдой Фландрской. Несмотря на указ папы римского и Совета, пользующегося особым уважением, свадьба была отпразднована вскоре после возвращения Вильгельма в Нормандию, в год восстания Вильгельма Аркского. В течение 1053 года граф Болдуин привез свою дочь на нормандскую границу в Эу, и там она стала невестой Вильгельма. Мы не знаем, что побудило Уильяма пойти на столь смелый шаг именно в это время, или что побудило Болдуина согласиться на это. Если это было вызвано заключением папы Льва в тюрьму соотечественниками Вильгельма в Италии в надежде, что из плененного понтифика удастся вырвать согласие на брак, то эта надежда была обманута. Этот брак вызвал большое сопротивление в Нормандии. Он был осужден архиепископом Мальже Руанским, братом лишенного собственности графа Арка. Его характер, конечно, не придавал веса его порицаниям; но тот же поступок у святого был бы расценен как признак святого дерзновения. Вскоре, то ли за свои ошибки, то ли за заслуги, Мальгер был низложен синодом Нормандской церкви, и Вильгельм нашел ему более достойного преемника в лице ученого и святого Маврилия. Но более великий человек, чем Малджер, также выступал против этого

брака, и этот спор, таким образом, знакомит нас с человеком, который занимает второе место после самого Вильгельма в нормандской и английской истории того времени.

Это был Ланфранк Павийский, юрист, ученый, образцовый монах, церковный государственный деятель, который, будучи настоятелем недавно основанного аббатства Бек, уже был одним из самых близких советников герцога. Как герцог и король, как приор, аббат и архиепископ, Уильям и Ланфранк правили бок о бок, каждый помогая другому в работе до конца своей совместной жизни. Только однажды, в это время, их дружба на мгновение прервалась. Ланфранк высказался против этого брака и осмелился упрекнуть самого герцога. Гнев Вильгельма разгорелся; он отправил Ланфрана в изгнание и предпринял более низкую месть, опустошив часть земель аббатства. Но ссора вскоре была улажена. Вскоре Ланфранк покинул Нормандию, но не как изгнанник, а как посланник ее суверена, которому было поручено добиться подтверждения брака при папском дворе. Он работал, и его работа увенчалась успехом, но не быстрым. Только через шесть лет после женитьбы, не раньше 1059 года, Ланфранк получил желаемое подтверждение, но не от Льва, а от его отдаленного преемника Николая Второго. Грех тех, кто заключил незаконный союз, был искуплен различными добрыми делами, среди которых особое место занимало основание двух величественных аббатств в Кане.

Эта история иллюстрирует многие черты характера Уильяма и его времени. Его воле нельзя перечить, будь то в вопросе брака или в любом другом. Но он не торопит события; он ждет благоприятной возможности. Что-то, мы не знаем, что, должно быть, сделало 1053 год более благоприятным, чем 1049 год. Мы также отмечаем отношения Вильгельма к Церкви. Он ни в коем случае не расположен спокойно подчиняться приказам духовной силы, когда это нарушает его права или даже когда это противоречит его воле. И все же он действительно стремится к церковной реформе; он продвигает таких людей, как Маурилий и Ланфранк; возможно, он не испытывает неудовольствия, когда соблюдение церковной дисциплины в случае с Мальгером освобождает его от назойливого цензора. Но проявляется и худшая его сторона. Уильям мог простить мятежников, но не смог вынести личного упрека даже от своего друга. Руководствуясь этим чувством, он наказывает целую группу людей за проступок одного. Опустошать земли Бека из-за упрека Ланфрана было похоже на обычного принца того времени; это было бы непохоже на Вильгельма, если бы он не был взволнован порицанием, которое коснулось не только его самого, но и его жены. Но прежде всего, сделка между Уильямом и Ланфранком характерна для мужчины и эпохи. Ланфранк едет в Рим, чтобы поддержать брак, который он осуждал в Нормандии. Но здесь нет формальной непоследовательности, нет отказа от каких-либо принципов. Ланфранк считает неканонический брак грехом и осуждает его. Он не отзывает своего суждения о его греховности. Он просто использует свое влияние с помощью силы, которая может простить грех, чтобы добиться его прощения.

В то время как брак Уильяма обсуждался в Риме, ему пришлось упорно сражаться в Нормандии. Его война и переговоры закончились примерно в одно и то же время, и эти две вещи, возможно, оказали влияние друг на друга. Теперь Вильгельму предстояло пройти новую форму испытания. Король Франции никогда не проявлял всей своей силы, когда он просто поддерживал нормандских повстанцев. Теперь Вильгельму предстояло в ходе двух последовательных вторжений противостоять всей мощи короля и стольких его вассалов, сколько король мог привести под свои знамена. Во время первого вторжения, в 1054 году, нормандские авторы риторически говорят о воинах из Бургундии, Оверни и Гаскони; но трудно увидеть какие-либо

войска с большего расстояния, чем Бурж. Принцы, следовавшие за Генрихом, по-видимому, были лишь ближайшими вассалами короны. Главные из них - Теобальд, граф Шартрский, из дома, издавна враждебного Нормандии, и Ги, новый граф Понтье, о котором снова часто можно услышать. Если не сам Жоффруа Анжуйский, то его подданные из Тура тоже были там. В Нормандию предстояло вторгнуться с двух сторон, по обоим берегам Сены. Король и его союзники стремились отнять у Вильгельма западную часть Нормандии, более старую и основательно французскую. Похоже, что нападение на Бессен или Котантен не планировалось. Вильгельму должно было быть позволено сохранить те части своего герцогства, против которых ему приходилось сражаться, когда король был его союзником в Валь-о-дюнах.

Обе армии вступили в Нормандию; ту, которая должна была действовать слева от Сены, возглавлял король, другую - его брат Одо. Против короля Вильгельм был готов действовать сам; восточная Нормандия была предоставлена своей собственной верной знати. Но теперь вся Нормандия была лояльна; мужчины саксонских и датских земель были так же готовы сражаться за своего герцога против короля, как раньше они были готовы сражаться против короля и герцога вместе. Но Вильгельм избегал крупных сражений; действительно, крупные сражения редки в континентальных войнах того времени. Война состоит в основном из неожиданностей, и еще больше из нападения и защиты укрепленных мест. План нынешней кампании Вильгельма был полностью оборонительным; провизия и скот должны были быть вывезены с марша французов; герцог со своей стороны, другие нормандские вожди с другой стороны, должны были наблюдать за врагом и атаковать его в любой благоприятный момент. Командующие к востоку от Сены, граф Роберт де Ю, Хью де Гурне, Уильям Криспин и Уолтер Гиффард, воспользовались представившейся возможностью, когда французы вошли в ничем не укрепленный город Мормемер и предались разгулу. Огонь и меч сделали свое дело. Вся французская армия была перебита, рассеяна или взята в плен. Одо сбежал; Ги Понтье был взят в плен. Успех герцога был еще легче. Легенда гласит, что новость от Мормемера, внезапно объявленная армии короля глубокой ночью, повергла их в панику и привела к поспешному отступлению из страны.

Эта кампания поистине нормандская; она совершенно не похожа на простую войну Англии. Англичанин-предатель ничего не делал и не помогал врагу; патриотичный англичанин дал бой врагу при первом же удобном случае. Но ни один английский полководец XI века, вероятно, не разработал бы столь тонкого плана, как этот, а если бы он и разработал такой план, то вряд ли нашел бы английскую армию, способную его осуществить. Гарольд, который отказался опустошить ни пяди английской земли, вряд ли стал бы спокойно наблюдать, как многие пяди английской земли были опустошены врагом. При всей доблести норманнов, то, что прежде всего отличало их от других народов, было их искусством. Уильям действительно мог вести решительную битву, когда решительная битва служила его цели; но он мог контролировать себя, он мог контролировать своих последователей вплоть до того, что до нужного момента спокойно взирал на опустошение на их собственной земле. Тот, кто мог это сделать, действительно практиковался в соответствии со своим призванием Завоевателя. И если верить деталям этой истории, деталям особенно характерным, Уильям проявлял также нечто от той мрачной шутливости, которая была еще одной заметной чертой нормандского характера. Поразительное сообщение, повергшее французскую армию в панику, было намеренно отправлено с этой целью. Посланный гонец взбирается на дерево или скалу и голосом, словно из другого мира, приказывает французам проснуться; они слишком долго спят; пусть они идут и хоронят своих друзей, которые лежат мертвыми при Вскрытии. Эти штрихи раскрывают нам

характер этого человека и людей, с которыми нашим предкам в настоящее время приходилось иметь дело. Уильям был величайшим представителем своей расы, но по сути своей он принадлежал к своей расе; он был нормандцем до мозга костей.

Из французской армии одна дивизия была застигнута врасплох и разбита вдребезги, другая покинула Нормандию, не нанеся ни одного удара. Война еще не совсем закончилась; французы все еще удерживали Тильер; Вильгельм соответственно укрепил крепость Бретей в качестве опорного пункта. И он доверил командование человеку, которого скоро запомнят, своему личному другу Уильяму, сыну своего старого опекуна Осберна. Теперь король Генрих был рад заключить мир на несколько примечательных условиях. Вильгельм получил разрешение короля взять все, что мог, у графа Жоффруа Анжуйского. Теперь он аннексировал Сеноманнию — то есть только что ставшую Анжуйской — территорию более чем в одном пункте, но в основном на линии своего более раннего продвижения к Домфрону и Амбриеру. Амбриер, возможно, был потерян, потому что теперь Уильям послал Джеффри вызов прийти на сороковой день. Он прибыл на сороковой день и обнаружил, что Амбриер сильно укреплен и занят нормандским гарнизоном. С Джеффри прибыли бретонский принц Ода и Уильям или Питер, герцог Аквитании. Они осадили замок, но нормандские источники добавляют, что все они бежали при приближении Вильгельма, чтобы освободить его.

Последовало три мирных года, но в 1058 году король Генрих, на этот раз в партнерстве с Жоффруа Анжуйским, отважился на еще одно вторжение в Нормандию. Он мог бы сказать, что в его предыдущей кампании его никогда не побеждали по-настоящему, но что Норман Уайлс просто обманом лишил его этой земли. На этот раз он во второй раз испытал на себе коварство норманнов и их силу. Король и граф вторглись в страну и разорили ее повсюду. Вильгельм, как и прежде, позволил врагу опустошать землю. Он наблюдал и следовал за ними, пока не выбрал благоприятный момент для нападения. Народ в целом рьяно помогал планам герцога, но некоторые высокопоставленные предатели все еще были связаны с графом Анжуйским. Пока Вильгельм выжидал удобного момента, захватчики сожгли Кан. Это место, столь знаменитое в истории норманнов, не входило в число древних городов страны. Теперь это место только приобретало значение, и оно еще не было защищено стенами или замком. Но когда опустошители повернули на восток, Уильям получил возможность, которой так долго ждал. Когда французы переправлялись вброд через Варавилль на Дайве, недалеко от устья этой реки, он внезапно напал на них и вырезал большую часть армии на глазах у короля, который уже переправился. Остатки войска вышли из Нормандии.

Теперь Генрих заключил мир и восстановил Тильер. Вскоре после этого, в 1060 году, король умер, оставив своего юного сына Филиппа, который уже был коронован в качестве его преемника, под опекой тестя Уильяма Балдуина. Жоффруа Анжуйский и Вильгельм Аквитанский также умерли, и анжуйская держава была ослаблена разделом владений Жоффруа между его племянниками. Положение Вильгельма значительно укрепилось теперь, когда Франция при новом регенте стала дружественной, а Анжу больше не мог причинять вред. Вильгельму теперь нечего было бояться своих соседей, и вскоре открылся путь для его великого континентального завоевания. Но какое влияние оказали эти события на взгляды Вильгельма на Англию? Примерно во время второго французского вторжения в Нормандию граф Гарольд, без сомнения, стал первым человеком в Англии, и впервые у него появился шанс наследования

королевской власти. В 1057 году, за год до Варавилы, этельинг Эдуард, избранный преемник короля, умер вскоре после своего приезда в Англию; в том же году умерли племянник короля граф Ральф и Леофрик граф Мерсийский, единственные англичане, чье влияние могло хоть сколько-нибудь сравниться с влиянием Гарольда. Наследование престола Гарольдом теперь стало возможным; это стало даже вероятным, если Эдуард умрет, когда Эдгар, сын Этелинга, еще не достиг совершеннолетия. У Вильгельма не было ни тени оправдания для вмешательства, но он, несомненно, следил за внутренними делами Англии. Гарольд, безусловно, следил за делами Галлии. Примерно в это же время, скорее всего, в 1058 году, он совершил паломничество в Рим, а на обратном пути усердно изучал положение дел среди различных вассалов французской короны. Его точная цель завуалирована двусмысленными формулировками; но мы едва ли можем сомневаться в том, что его целью было заключение союзов с континентальными врагами Нормандии. Такие взгляды были устремлены в далекое будущее, поскольку Вильгельм до сих пор не был виновен ни в одном недружественном акте по отношению к Англии. Но было бы неплохо прийти к взаимопониманию с королем Генрихом, графом Джеффри и герцогом Вильгельмом Аквитанским на случай, если наступит время, когда их интересы и интересы Англии совпадут. Но смерть всех этих принцев, должно быть, положила конец всем надеждам на совместные действия между Англией и любой галльской державой. Император Генрих также, верный союзник Англии, был мертв. Теперь было ясно, что, если Англии когда-нибудь придется противостоять нападению норманнов, ей придется противостоять ему полностью своими силами или с такой помощью, какую она сможет найти среди родственных держав Севера.

Великое континентальное завоевание Вильгельма приближается; но между кампаниями при Варавиле и Ле-Мане произошло запоздалое папское подтверждение брака Вильгельма. Герцог и герцогиня, ставшие наконец мужем и женой в глазах Церкви, начали выполнять возложенные на них обязанности покаяния. Теперь начали возникать аббатства Кан, Святого Стефана Вильгельма, Святой Троицы Матильды. Тем не менее, в этот момент возмещения один или два факта, кажется, выставляют управление Вильгельмом своим герцогством в менее благоприятном свете, чем обычно. За последним вторжением Франции последовали конфискации и изгнания знатных людей Нормандии. Роджер из Монтгомери и его жена Мейбл, которые, безусловно, были способны на любой кровавый поступок или предательство, обвиняются в том, что действовали как ложные обвинители. Мы также видим, что еще во времена Варавилы были норманнские предатели. Роберт Эскальфуа перешел на сторону анжуйцев и защищал свой замок от герцога. Он умер странным образом, выхватив яблоко из рук собственной жены. Его племянник Арнольд оставался в мятеже три года, и от него просто потребовали отправиться на войну в Апулию. Трудно поверить, что герцог отравил яблоко, если оно было отравлено; но, обнаружив, что измена все еще действует среди его знати, он, возможно, слишком поспешно выслушал обвинения против людей, которые оказали ему хорошую услугу и которые должны были оказать ему хорошую услугу снова.

Через пять лет после битвы при Варавиле Вильгельм действительно начал заслуживать, хотя пока и не получил, имени Завоевателя. Ибо теперь он совершил дело, уступающее только завоеванию Англии. Он завоевал город Ле-Ман и всю землю Мэн. Между "Повестью о Мэне" и "Повестью об Англии" есть много прямого сходства. Обе земли были завоеваны против воли их жителей; но оба завоевания были совершены с тщательно продуманной демонстрацией

законного права. Более ранние завоевания Уильяма в штате Мэн были выиграны не у какого-либо графа Мэна, а у Джеффри Анжуйского, который оккупировал страну в ущерб двум последовательным графам, Хью и Герберту. Кроме того, он заключил в тюрьму епископа Ле-Мана Жерваза из дома Беллем, хотя король Франции по его просьбе пожизненно предоставил графу Анжуйскому королевские права на епископство Ле-Ман. Епископы Ле-Мана, которые, таким образом, в отличие от епископов Нормандии, временно подчинялись далекому королю, а не местному графу, занимали очень независимую позицию. Жители Ле-Мана тоже обладали большими привилегиями и высоким духом, чтобы защищать их; город был заметным образом главой округа. Таким образом, он обычно отражал действия всей страны. В штате Мэн существовали три соперничающие силы: принц, Церковь и народ. Положение графов было еще более ослаблено притязаниями на оммаж со стороны принцев по обе стороны от них в Нормандии и Анжу; положение епископа, вассала, до последнего акта Жерваза, только короля, было действительно более высоким. Джеффри был принят в Ле-Мане доброжелательно горожанами, и оба, епископ и граф, искали убежища у Уильяма. Жерваз был отстранен от борьбы, получив повышение до самого высокого места во французском королевстве, архиепископства Реймса. Молодой граф Герберт, изгнанный из своего графства, посвятил себя Вильгельму. Он стал его человеком; он согласился передать ему свои владения и жениться на одной из его дочерей. Если он умрет бездетным, его тесть должен был взять поместье в свои руки. Но чтобы объединить старую и новую династии, младшая сестра Герберта Маргарет должна была выйти замуж за старшего сына Уильяма Роберта. Если женское происхождение что-то значило, то непонятно, почему Герберт передал права двум своим старшим сестрам, Герсендис, жене Азо, маркиза Лигурии, и Пауле, жене Джона из Ла-Флеша на границе Мэна и Анжу. И сыновья Герсендиса и Паулы действительно правили в Ле-Мане, в то время как ни у Герберта, ни у Маргарет так и не появилось детей.

Если Герберт когда-либо действительно вступал во владение своей страной, то его владение ею было недолгим. Он умер в 1063 году до того, как был заключен любой из предполагаемых браков. Таким образом, Уильям относился к Мэну так же, как он ожидал относиться к Англии. Суверен каждой страны официально урегулировал свои владения в свою пользу. Предстояло увидеть, согласятся ли с этим соглашением те, кто был наиболее непосредственно обеспокоен. Должно ли было быть передано правление Мэном или Англией таким образом, как простая собственность, без того, чтобы люди, которыми предстояло управлять, высказали свое мнение по этому вопросу? Что сказал народ Англии на этот вопрос в 1066 году, мы скоро услышим; что сказал народ штата Мэн в 1063 году, мы слышим сейчас. Мы не знаем, почему они подчинились анжуйскому графу; теперь у них и в мыслях не было присоединять свою страну к владениям нормандского герцога. Епископ придерживался нейтралитета; но дворяне и граждане Ле-Мана были единодушны в отказе на требование Уильяма стать графом в силу соглашения с Гербертом. Они сами выбирали правителей. Проходя мимо Герсендиса, Паулы и их сыновей, они послали за тетей Герберта Биотой и ее мужем Уолтером графом Мантыйским. Как ни странно, Уолтер, сын Годжифу, дочери Этельреда, был возможным, хотя и маловероятным кандидатом на правление Англией, а также Мэном. Жители штата Мэн вряд ли задумывались об этой части генеалогии. Но она, несомненно, присутствовала в умах как Уильяма, так и Гарольда.

Таким образом, Вильгельм в первый, но не в последний раз провозгласил власть народа, который не возражал против того, чтобы он был их правителем. И все же, какими бы ни были его притязания на Мэн с моральной точки зрения, с чисто технической точки зрения ему было что сказать, чем большинству принцев, аннексирующих земли своих соседей. По условиям

соглашения с Гербертом у него было на это полное право. И любой, кто признал бы притязания норманнов на оммаж штата Мэн, мог бы возразить, что в случае отсутствия наследников мужского пола страна возвращалась к сюзерену. Тем не менее, теперь наследовала женщина. Анжу перешел к сыновьям сестры Жоффруа; он не вернулся к французскому королю. Таким образом, на заявление Уильяма о том, что Герберт не мог отказаться даже от прав своих сестер, не говоря уже о правах своего народа, был дан двоякий ответ. И все же для Уильяма было характерно, что у него были аргументы, которые можно было правдоподобно аргументировать. Народ Мэна вернулся к старому тевтонскому праву. Они выбрали принца, связанного со старым родом, но который не был следующим наследником ни по какому правилу наследования. Уолтер вряд ли был достоин такой исключительной чести; в штате Мэн он проявил не больше энергии, чем его брат Ральф в Англии. Город защищал Джеффри, лорд Майенны, доблестный человек, занявший большое место в местной истории. Но никакая доблесть или умение не могли противостоять военному плану Вильгельма. Он вторгся в Мэн почти так же, как защищал Нормандию. Он заявил, что хочет завоевать Мэн без пролития человеческой крови. Он не участвовал в битвах; он не атаковал город, который он оставил как последнее место, подлежащее уничтожению. Он нападал на открытую местность, он занимал небольшие посты, пока горожане не были вынуждены, вопреки воле Джеффри, сдаться. Вильгельм вступил в Ле-Ман; как нам рассказывают, его приняли с радостью. Когда мужчины извлекают максимум пользы из неудачной сделки, они иногда убеждают себя, что им действительно приятно. Вильгельм, как всегда, не пролил крови; он не причинил вреда никому из людей, ставших его подданными; но Ле-Ман следовало обуздать; его гражданам нужен был замок и нормандский гарнизон, чтобы сохранить их новую верность. Уолтер и Биота отказались от своих притязаний на Мэн и стали гостями Уильяма в Фалезе. Тем временем Джеффри Майенский отказался подчиниться и противостоял новому графу Мэна в его крепости. Вильгельм осадил Майенну и взял ее с помощью излюбленного норманнами аргумента огня. Теперь весь Мэн был в руках Завоевателя.

Теперь Вильгельм совершил более великое завоевание, чем любой нормандский герцог до него. Он завоевал графство и знатный город, и завоевал их, по представлениям его времени, с честью. Должны ли мы поверить, что он запятнал свое завоевание, умертвив своих бывших конкурентов, своих нынешних гостей, ядом? Они умерли, что было удобно для него, и они умерли в его собственном доме. Такая смерть была странной; но странные вещи действительно случаются. Уильям постепенно пришел к тому, что не боялся ни одного преступления, для которого он мог бы найти техническую защиту; но ни один адвокат не смог бы ничего сказать в защиту отравления Уолтера и Биоты. Другой член дома Мэн, Маргарет, нареченная его сына Роберта, умерла примерно в то же время; и, по крайней мере, у Уильяма были все основания оставить ее в живых. Тот, кто был опаснее Уолтера, если и пострадал от чего-либо, то только от изгнания. О Джеффри Майенском мы больше ничего не слышим, пока Уильяму снова не пришлось сражаться за владение Мэном.

Таким образом, Вильгельм в 1063 году достиг вершины своего могущества и славы как континентальный принц. Завоеванием галльской земли он отрепетировал более великое завоевание, которое ему вскоре предстояло совершить за морем. Три года, насыщенных событиями в Англии и внешне безоблачных в Нормандии, все еще отделяют нас от второго визита Уильяма к нашим берегам. Но в течение этих трех лет должно было произойти одно

событие, которое, без нанесения удара или подписания договора, сделало для его надежд больше, чем любое сражение или любой договор. В какое-то неназванное время, но во времена, которые должны наступить в течение этих лет, Гарольд, граф западносаксонский, стал гостем и человеком Вильгельма, герцога норманнского.

ГЛАВА V. КЛЯТВА ГАРОЛЬДА ВИЛЬГЕЛЬМУ. 1064 ГОД н.э.?

Теперь лорд Нормандии и Мэна мог остановиться и прикинуть свои шансы стать и лордом Англии. Хотя наши источники позволяют нам составить довольно полный отчет как о нормандских, так и об английских событиях, они не проливают света на то, как люди в обеих странах смотрели на события в другой. И все же мы многое бы отдали, чтобы узнать, что Вильгельм и Гарольд в то время думали друг о друге. Пока еще не произошло ничего такого, что сделало бы двух великих соперников национальными или личными врагами. Англия и Нормандия жили в мире, и великий герцог и великий граф, скорее всего, не имели личных дел друг с другом. Они были соперниками в том смысле, что каждый надеялся унаследовать английскую корону всякий раз, когда правящий король умрет. Но ни один из них до сих пор не выдвинул своего требования в какой-либо форме, которую другой мог бы расценить как формальную несправедливость по отношению к себе. Если Вильгельм и Гарольд когда-либо встречались, то это могло быть только во время путешествия Гарольда по Галлии. Какие бы переговоры Гарольд ни вел во время этого путешествия, они были недружественными по отношению к Вильгельму; тем не менее, возможно, в ходе этого путешествия он посетил Нормандию, а также Францию или Анжу. Трудно отделаться от мысли, что история о визите Гарольда к Вильгельму, о его клятве Вильгельму возникла из-за чего-то, что произошло на обратном пути Гарольда из его римского паломничества. Для этого путешествия мы можем указать приблизительную дату. Для любого другого путешествия у нас нет ни даты, ни определенных деталей. Мы можем сказать только, что тот факт, что ни один английский писатель не упоминает ни о каком подобном визите, ни о какой подобной клятве, является, при данных обстоятельствах, сильнейшим доказательством того, что история о визите и клятве имеет какое-то основание. И все же, если мы согласимся с этим, история в целом читается так, как будто это произошло несколькими годами позже возвращения английского графа из Рима.

Следовательно, наиболее вероятно, что Гарольд действительно нанес второй визит в Галлию, будь то первый или второй визит в Нормандию, в какое-то время ближе к смерти Эдуарда, чем в 1058 году. Английские писатели молчат; нормандские авторы не приводят даты или невозможных дат; они связывают этот визит с войной в Британии; но у этой войны нет даты. Мы вынуждены выбрать год, наименее богатый событиями в английских летописях. Гарольд не мог нанести визит в Нормандию на несколько месяцев ни в 1063, ни в 1065 году. Из тех лет первым был год великой войны Гарольда в Уэльсе, когда он обнаружил, что бриттов можно победить их же собственным оружием, когда он сломил власть Граффида и даровал Уэльское королевство принцам, которые стали людьми графа Гарольда, а также короля Эдуарда. Говорят, что визит Гарольда в Нормандию состоялся летом и осенью 1065 года; но лето и осень 1065 года были заняты строительством и разрушением охотничьего поместья Гарольда в Уэльсе, а также более значительными событиями - восстанием и умиротворением Нортумберленда. Но 1064 год является пробелом в английских анналах до последних дней декабря, и никаких действий

Гарольда в том году зафиксировано не было. Следовательно, это единственный возможный год из тех, что были незадолго до смерти Эдуарда. Визит Гарольда и присяга Вильгельму вполне могли состояться в тот год; но это все.

Мы знаем так же мало наверняка, как и об обстоятельствах визита или характере присяги. Мы можем сказать только, что Гарольд сделал нечто такое, что позволило Вильгельму обвинить его в лжесвидетельстве и нарушении долга вассала. Немыслимо само по себе и в отличие от формальной щепетильности характера Вильгельма воображать, что он обратился ко всему христианскому миру без каких-либо на то оснований. Нормандские писатели настолько тщательно противоречат друг другу в каждой детали этой истории, что мы не можем считать ни одну ее часть заслуживающей доверия. И все же такая история вряд ли могла вырасти так близко к предполагаемому времени, если бы в ней не было какого-то зерна правды. И здесь приводится убедительное свидетельство того, что английские авторы, отрицая все остальные обвинения против Гарольда, пропускают это обвинение мимо ушей. Мы едва ли можем сомневаться в том, что Гарольд дал Вильгельму какую-то клятву, которую не сдержал. Было бы опрометчиво говорить о большем, кроме как в качестве общепризнанного предположения.

Поскольку наш ближайший подход к установлению даты - взять тот год, что не является невозможным, поэтому, чтобы установить повод визита, мы можем взять только ту из нормандских версий, которая также не является невозможной. Все основные версии представляют Гарольда потерпевшим крушение на побережье Понтье, заключенным в тюрьму графом Гаем в соответствии с варварским законом о кораблекрушениях и освобожденным благодаря вмешательству Уильяма. Если какая-то часть истории правдива, то это так. Но относительно обстоятельств, приведших к кораблекрушению, согласия нет. Гарольд, несомненно, был послан не для того, чтобы объявить Вильгельму о решении короны в его пользу, принятом с согласия витана Англии и подтвержденном клятвами Стиганда, Годвина, Сиварда и Леофрика. Стиганд стал архиепископом в сентябре 1052 года: Годвин умер на Пасху 1053 года. Следовательно, план должен был иметь место, и путешествие Гарольда должно было произойти в течение тех нескольких самых невероятных месяцев, в то самое время, когда влияние норманнов было свергнуто. Другая версия заставляет Гарольда вопреки предупреждениям короля вернуться к своему брату Вульфноту и племяннику Хакону, которые были отданы в качестве заложников по возвращении Годвина и были доверены королем герцогу Вильгельму. Эта версия на одну ступень менее абсурдна; но, как известно, таких заложников не было, а если бы и были, патриотическая партия, находящаяся в самом разгаре триумфа, вряд ли позволила бы отправить их в Нормандию. Третья версия объясняет присутствие Гарольда простой случайностью. Он плывет в Уэльс или Фландрию или просто наслаждается Ла-Маншем, когда шторм выбрасывает его на побережье Понтье. Из этих трех учетных записей мы можем выбрать третью как единственно возможную. Это также тот, из которого могли вырасти другие, в то время как трудно понять, как третий мог возникнуть из любого из них. Затем Гарольд, как мы можем предположить, случайно попал в лапы Гая и был спасен от них сюзереном Гая герцогом Вильгельмом ценой некоторого выкупа и земельных пожалований.

Вся эта история в высшей степени характерна для Уильяма. Он был бы искренне возмущен низким обращением Гая с Гарольдом, и он чувствовал бы, что его роль как повелителя Гая - исправить причиненное зло. Но он также был бы жив, чтобы получить преимущество от захвата власти своим соперником под таким благородным предлогом. Просто предъявить претензии на благодарность со стороны Гарольда было бы чем-то особенным. Но он легко мог бы сделать

больше, и, судя по всему, он сделал больше. Гарольд, как нам сказали, как друг и гость герцога, выполняет обязательства, которые герцог возложил на него, присоединившись к нему в одной или нескольких экспедициях против бретонцев. Человека, который только что сразил бретонцев с острова, вполне могли попросить сражаться, и он вполне мог быть готов сражаться против бретонцев с материка. Заслуги Гарольда снискали ему высокую честь; он был принят в ряды нормандского рыцарства и помолвлен с одной из дочерей Вильгельма. Итак, в любое время, к которому мы можем привязать визит Гарольда, все дочери Уильяма должны были быть совсем детьми. Гарольд, с другой стороны, кажется, был немного старше Уильяма. Тем не менее, в этой помолвке нет ничего неправдоподобного, и это единственный пункт, в котором все различные версии, противоречащие друг другу по всем остальным пунктам, сходятся без исключения. Что бы еще Гарольд ни обещал, он обещает это, а в некоторых версиях он больше ничего не обещает.

Таким образом, здесь мы, несомненно, имеем зерно истины, вокруг которого собралась масса небылиц, варьирующихся в разных сообщениях. Ни по одному другому пункту нет согласия. Место не закреплено; местом принесения присяги стали полдюжины нормандских городков и замков. Форма клятвы не зафиксирована; в некоторых источниках это обычная клятва почтения; в других - это страшная торжественная клятва, произносимая на самых святых реликвиях. В одном хорошо известном рассказе Гарольда даже заставляют поклясться на спрятанных реликвиях, не зная, на чем он клянется. Здесь есть над чем задуматься. Считать, что одна форма клятвы или обещания более обязательна, чем другая, подрывает всякое истинное доверие между людьми. Представление об особо обязательном характере клятвы верующих предполагает, что в случае нарушения клятвы каждый святой человек, которому было нанесено оскорбление, станет личным врагом лжесвидетеля. Но последняя история из всех наиболее поучительна. Официальная, и более чем официальная, религия Уильяма питала отвращение к ложной клятве, как в нем самом, так и в другом человеке. Но до тех пор, пока он хранит себя лично от вины, он не гнушается подвергать другого человека особому искушению и, веря в силу святых мощей, не гнушается злоупотреблять ими с целью мошенничества. Конечно, если бы Гарольд действительно нарушил свою клятву, гнев святых более справедливо обрушился бы на Уильяма. Независимо от того, правдива эта история или вымышлена, она в равной степени иллюстрирует чувства того времени, и, несомненно, ее правдивость или ложность касается характера Уильяма гораздо больше, чем Гарольда.

В чем именно поклялся Гарольд, в этой особо торжественной манере или в какой-либо другой, остается столь же неясным. В любом случае он собирается жениться на дочери Уильяма — о том, на какой дочери можно говорить бесконечно, — и в большинстве версий он собирается сделать что-то большее. Он становится человеком Уильяма, во многом так же, как Уильям стал человеком Эдварда. Он обещает выдать свою сестру замуж за неназванного нормандского барона. Более того, он обещает сохранить английское королевство за Вильгельмом после смерти Эдуарда. Возможно, он сам будет управлять королевством или его частью под властью Вильгельма; в любом случае Вильгельм должен быть сюзереном; в более обычной истории Вильгельм сам должен быть непосредственным королем, а Гарольд - его высшим и наиболее привилегированным подданным. Тем временем Гарольд должен действовать в интересах Вильгельма, разместить нормандский гарнизон в Дуврском замке и построить другие замки в других местах. Но нет двух совпадающих историй, и многие из них ничего не знают ни о чем, кроме обещания женитьбы.

Итак, если Уильям действительно потребовал, чтобы Гарольд поклялся во всем этом, то, должно быть, это было просто для того, чтобы иметь повод против него. Если Гарольд действительно поклялся всем им, то, должно быть, это было просто потому, что он чувствовал, что практически находится во власти Уильяма, без какого-либо серьезного намерения сдерживать клятву. Если Гарольд давал какую-либо подобную клятву, он, несомненно, нарушил ее; но мы можем с уверенностью сказать, что любая вина с его стороны заключалась исключительно в принятии клятвы, а не в ее нарушении. Ибо он поклялся сделать то, чего не мог сделать и что было бы преступлением совершить, если бы он мог. Если сам король не мог распорядиться короной, то тем более самый могущественный подданный. Гарольд мог в лучшем случае пообещать Уильяму свой “голос и интересы”, когда бы ни пришли выборы. Но никто не может поверить, что даже влияние Гарольда могло обеспечить корону Уильяму. Его влияние заключалось в том, что он был воплощением национального чувства; для него выступить в качестве сторонника Вильгельма означало бы потерять корону для себя, не получив ее для Вильгельма. Другие в Англии и Скандинавии были бы рады этому. А обязательства по сдаче Дуврского замка и тому подобное были просто обязательствами английского графа сыграть роль предателя против Англии. Если Уильям действительно призвал Гарольда поклясться во всем этом, то он сделал это не с какой-либо надеждой на то, что клятва будет сдержана, а просто для того, чтобы как можно дальше ввести своего конкурента в заблуждение. Но, скорее всего, Гарольд поклялся только в чем-то гораздо более простом. Рядом с универсальным соглашением о браке следует очень общее согласие с тем, что Гарольд стал человеком Уильяма. В этих двух утверждениях, вероятно, заключена вся правда. В те дни люди очень легко брали на себя обязательство оказывать почтение. Почтение не было унижением, даже самым высоким; человек часто оказывал почтение любому человеку, от которого он получал какую-либо большую пользу, а Гарольд получил очень большую пользу от Уильяма. Дань уважения новому лорду также не означала измены старому. Гарольд, освобожденный Уильямом из темницы Гая, был бы готов совершить для Уильяма любой акт дружбы. Дань уважения была бы немногим большим, чем обязательство сделать это в самой сильной форме. Отношение почтения могло бы означать что угодно или ничего, как было бы удобно. Человек часто может понимать это в одном смысле, а господь - в другом. Если бы Гарольд стал человеком Вильгельма, он воспринял бы этот поступок не более чем как выражение доброй воли и благодарности своему благодетелю, своему будущему тестю, своему командиру в бретонской войне. Он не стал бы рассматривать это как запрещающее ему принять английскую корону, если бы она была ему предложена. Гарольд, человек герцога Вильгельма, мог бы стать королем, если бы мог, точно так же, как Уильям, человек короля Филиппа, мог бы стать королем, если бы мог. В те дни как на дань уважения, так и на обещание жениться можно было смотреть очень легкомысленно.

Но ни в характере, ни в обстоятельствах Уильяма было не придавать такого легкого значения ни одному из обещаний. Клятва могла, при необходимости, быть истолкована очень строго, и Уильям был склонен толковать ее очень строго. Гарольд не обещал Вильгельму корону, которую он не должен был обещать; но он пообещал сделать то, что могло быть сочтено запретом ему взять корону, которую Вильгельм считал своей собственностью. Если этот человек вообще был в каком-то долгу перед своим господином, то, несомненно, его долгом было не перечить желаниям своего господина в подобном вопросе. Таким образом, если бы, когда освободился трон, Гарольд сам принял корону или даже не поддержал притязания Уильяма на нее, Уильям мог бы возразить, что он неправильно исполнил долг человека перед своим господином. Он мог бы воззвать к миру против нового короля как лжесвидетель, который не смог помочь своему

господину в вопросе, когда тот больше всего нуждался в его помощи. И, если бы клятва действительно была принесена на реликвиях особой святости, он мог бы еще раз воззвать к религиозным чувствам того времени против человека, который поступил вопреки святым. Если бы его вынудили претендовать на корону с оружием в руках, он мог бы придать войне характер крестового похода. Все это в конце концов Уильям сделал, и все это, мы можем быть уверены, он с нетерпением ждал, когда сделает так, чтобы Гарольд стал его человеком. Простого обязательства оказывать почтение в умелых руках Вильгельма и Ланфранка было бы вполне достаточно, чтобы воздействовать на умы людей так, как Вильгельм хотел воздействовать на них. Тем временем Гарольду и тем в Англии, кто слышал эту историю, казалось, что помолвка не повлечет за собой ни одного из этих последствий. Тогда простое почтение, от которого Гарольд вряд ли мог отказаться, отвечало бы целям Уильяма почти так же хорошо, как любое из этих более полных обязательств, от которых Гарольд, несомненно, отказался бы. И когда мужчина старше Уильяма обручился с малолетней дочерью Уильяма, мы должны иметь в виду легкость, с которой были даны такие обещания. Уильям не мог всерьез рассчитывать на то, что эта помолвка будет сохранена, если что-то приведет Гарольда к другому браку. Обещание предназначалось просто для того, чтобы добавить еще один пункт к обвинениям против Гарольда, когда придет время. Однако по этому пункту неясно, была ли нарушена клятва. Гарольд, несомненно, женился на Элдгит, дочери Эльфгара и вдове Граффида, а не на какой-либо дочери Уильяма. Но в одной версии Гарольда заставляют сказать, что дочь Уильяма, на которой он был помолвлен, умерла. И в том, что одна из дочерей Уильяма действительно умерла очень рано, сомневаться не приходится.

Что бы ни делал Уильям, Ланфранк, без сомнения, по крайней мере помогал планировать. Нормандский герцог был хитер, но итальянский священник был еще хитрее. В этой длинной серии планов и переговоров, которые привели к завоеванию Англии, мы имеем дело с двумя величайшими известными мастерами управления государством. Мы можем назвать их политику нечестной и аморальной, и так оно и было. Но вряд ли это было более нечестно и аморально, чем большая часть дипломатии более поздних времен. Целью Уильяма было, без какого-либо формального нарушения доверия с его стороны, заманить Гарольда в ловушку обязательства, которое можно было понимать в разных смыслах и которое, в том смысле, который предпочел придать ему Уильям, Гарольд, несомненно, нарушит. Два человека, сами ведущие добродетельную жизнь, строгий церковник и мирянин необычной религиозной строгости, без колебаний бросают искушение на пути ближнего в надежде, что он поддастся этому искушению. Они требуют обещания, потому что обещание, скорее всего, будет нарушено, и потому что его нарушение соответствовало бы их целям. На протяжении всей политики Уильяма сильное уважение к формальному праву, как он решил понимать формальное право, не только соседствует со многими практическими ошибками, но и становится прямым инструментом осуществления этого зла. Никогда не было ловушки более хитроумной, чем та, в которую Вильгельм теперь заманил Гарольда. Никогда не совершалось большего зла без нарушения какого-либо формального принципа справедливости. Уильям и Ланфранк сами не нарушали клятвы, и этого для них было достаточно. Но в их глазах не было грехом втягивать другого в обязательства, которые он понимал бы так, а они - иначе; они даже, как рассказывают их поклонники, втягивали его в обязательства, одновременно незаконные и невозможные,

потому что их интересам способствовало бы нарушение им этих обязательств. Короче говоря, Уильям под духовным руководством Ланфранка заставил Гарольда поклясться, потому что он сам выиграл бы, если бы смог осудить Гарольда как лжесвидетеля.

Моральный вопрос не нуждается в дальнейшем обсуждении; но нам бы очень хотелось знать, насколько широко факт клятвы Гарольда, какова бы ни была ее природа, был известен в Англии? По этому вопросу у нас нет заслуживающего доверия источника. Английские авторы ничего не говорят обо всем этом; для нормандских авторов этот пункт не представлял интереса. Никто не упоминает об этом, кроме биографа-романтика Гарольда в начале XIII века. Его заявления не представляют никакой ценности, разве что показывают, как долго хранили память о Гарольде. По его словам, Гарольд официально изложил этот вопрос витанам, и они единогласно проголосовали за то, что клятва — больше, по его версии, чем просто клятва почтения — не была обязательной. Маловероятно, что такое голосование когда-либо проводилось официально, но его условия лишь выражали бы то, что чувствовал бы каждый англичанин. Присяга, каковы бы ни были ее условия, дала Вильгельму большое преимущество; но каждый англичанин возразил бы, что присяга, каковы бы ни были ее условия, не могла помешать английской нации предложить Гарольду корону, и что она не могла обязать Гарольда отказаться от короны, если бы ее предложили.

ГЛАВА VI.

ПЕРЕГОВОРЫ ГЕРЦОГА Вильгельма.

Январь-октябрь 1066 года.

Если предполагаемое время было реальным временем принесения клятвы Гарольдом Вильгельму, то ее выполнение стало практическим вопросом немногим более чем через год. У нас нет записей о том, как прошел 1065 год в Нормандии; в Англии в последние месяцы произошло восстание Нортумберленда против брата Гарольда Тостига и примирение, которого Гарольд добился между мятежниками и королем в ущерб интересам своего брата. Затем последовала болезнь Эдуарда, от которой он умер 5 января 1066 года. На смертном одре он рекомендовал Гарольда собравшемуся Витану в качестве своего преемника в королевстве. Кандидат был немедленно избран. Говорилось ли об Уильяме, Эдгаре или о ком-либо другом, мы не знаем; но относительно рекомендации Эдуарда и последующего избрания Гарольда английские писатели высказываются однозначно. На следующий день Эдварда похоронили, и Гарольд был коронован по обычной форме Элдредом, архиепископом Йоркским, в новой церкви Эдварда в Вестминстере. Нортумберленд отказался признать его, но недовольные были привлечены на свою сторону прибытием короля и его друга святого Вульфстана, епископа Вустерского. Скорее всего, теперь, в знак этого примирения, Гарольд женился на Элдгит, сестре двух северных графов Эдвина и Моркера и вдове валлийского короля Грифида. Несомненно, он надеялся таким образом завоевать лояльность графов и их сторонников.

Вступление Гарольда на престол было совершенно законным в соответствии с английскими законами. В более поздние времена возникло бесконечное количество басен; но нормандские писатели того времени не отрицают фактов рекомендации, избрания и коронации. Они замалчивают их или, признавая сами факты, представляют каждое действие как в некотором роде недействительное. Ни один писатель того времени не утверждает о назначении Уильяма на смертном одре; они говорят только о назначении в более раннее время. Но некоторые нормандские авторы представляют Гарольда коронованным Стигандом, архиепископом

Кентерберийским. По представлениям тех времен, это не было пустяковым вопросом. Коронация тогда была не просто театрализованным представлением; это было фактическое вступление в королевскую должность. До своей коронации и помазания претендент на корону был подобен избранному епископу до своего посвящения. Он имел, по рождению или избранию, единственное право стать королем; именно коронация сделала его королем. А поскольку церемония приняла форму церковного таинства, ее действительность, по-видимому, зависела от законного положения совершающего обряд епископа. В Англии совершить эту церемонию было правом и обязанностью архиепископа Кентерберийского; но каноническое положение Стиганда было сомнительным. Он был назначен после бегства Роберта; он получил *паллий*, знак архиепископского сана, только от узурпатора Бенедикта Десятого. Следовательно, со стороны Гарольда было хорошей политикой короновать Элдреда, против позиции которого не было возражений. Это единственное фактическое различие между английской и нормандской версиями на данном этапе. И разница легко объяснима. На коронации Уильяма король шел к алтарю между двумя архиепископами, но на самом деле церемонию проводил Элдред. Коронация Гарольда, несомненно, проходила в том же порядке. Но если Стиганд принимал какое-либо участие в этой коронации, было легко предположить, что он принимал то особое участие, от которого зависела действительность обряда.

И все же, если восшествие Гарольда на престол было совершенно законным, это было не менее странно и необычно. За исключением датских королей, избранных в большей или меньшей степени по принуждению, он был первым королем, который не принадлежал к западносаксонскому королевскому дому. Такой выбор мог быть оправдан только на том основании, что в этом доме не было подходящего кандидата. Единственными известными членами этого дома были дети Этелинга Эдварда, юный Эдгар и его сестры. Теперь Эдгар, несомненно, был бы отвергнут в пользу любого более квалифицированного члена королевского дома, как его отец был отвергнут в пользу короля Эдуарда. И тот же принцип при существующем положении вещей оправдал бы отказ от него в пользу квалифицированного кандидата, не принадлежащего к королевскому дому. Но о праве Эдгара на корону заговорили только поколение или два спустя, когда доктрины наследственного права приобрели гораздо большую силу и когда Генрих Второй, правнук по линии своей матери сестры Эдгара Маргариты, настоял на своем происхождении от старых королей. Это различие важно, потому что Гарольда часто называют узурпатором, поскольку он не дает Эдгару стать наследником по рождению. Но те, кто в то время называл его узурпатором, называли его так за то, что он не позволил Вильгельму стать наследником по завещанию. О собственном избрании Вильгельма не могло быть и речи. Он принадлежал к английскому королевскому дому не больше, чем Гарольд; он был иностранцем и совершенно посторонним человеком. Если бы англичане хотели выбрать иностранца, они, несомненно, выбрали бы Свегена Датского. Он нашел сторонников, когда был избран Эдуард; впоследствии к нему обратились с просьбой избавить Англию от Вильгельма. Он принадлежал к английскому королевскому дому не больше, чем Гарольд или Уильям; но он был внуком человека, правившего Англией, и Нортумберленд, возможно, предпочел бы его Гарольду; любая часть Англии предпочла бы его Уильяму. На самом деле в любом выборе, который можно было бы сделать, должно было быть что-то странное. Сам Эдгар, единственный выживший мужчина из старого рода, помимо своей молодости, не был ни рожден в этой стране, ни сыном коронованного короля. Эти два качества всегда считались важными; тщательно продуманная родословная значила немного; фактическое королевское происхождение значило многое. Теперь у сына короля не было

выбора. Если бы существовал даже ребенок, который был бы одновременно сыном Эдуарда и сыном сестры Гарольда, он мог бы править вместе со своим дядей в качестве опекуна и советника. Как бы то ни было, ничего не оставалось, как выбрать человека, который, хотя и не королевской крови, хорошо правил Англией в течение тринадцати лет.

Изложенное таким образом дело казалось очевидным каждому англичанину, во всяком случае, каждому человеку в Уэссексе, Восточной Англии и южной Мерсии. Но в *других* странах это выглядело бы не так однозначно. Для большей части Западной Европы притязания Вильгельма действительно могли показаться более выгодными. Сам Уильям, несомненно, считал, что его собственные притязания лучше; он обманывал себя так же, как обманывал других. Но нас больше интересует Уильям как государственный деятель; и если это государственная мудрость - приспособлять средства к целям, какими бы они ни были, если это государственная мудрость - заставлять людей верить, что чем хуже дело, тем лучше, тогда ни один человек никогда не проявлял большей государственной мудрости, чем проявил Уильям в своей великой мольбе перед всем западным христианским миром. Знамением времени является то, что это было ходатайство перед всем западным христианским миром. Другие претендовали на короны; никто не прилагал таких усилий, чтобы убедить все человечество в обоснованности своих притязаний. Такое обращение к общественному мнению, с одной стороны, знаменует большой прогресс. Это был большой шаг к идеям международного права и даже европейского согласия. Это показало, что дни простой силы прошли, что начались дни тонкой дипломатии. Возможно, перемены не обошлись без темной стороны; можно усомниться в том, что переход от силы к мошенничеству является исключительно выгодой. И все же это был призыв от простого аргумента меча к чему-то, что, по крайней мере, считалось правильным и разумным. Уильям не обнажает меч, пока не убедит себя и всех остальных, что обнажает его во имя правого дела. В ту эпоху призыв, естественно, принял религиозную форму. В этом заключалась его непосредственная сила; в этом заключалась его слабость в отношении грядущих времен. Вильгельм обращался к императору, королям, принцам, христианским мужам, великим и малым, в каждой христианской стране. Он убедил бы всех; он попросил бы помощи у всех. Но прежде всего он взывал к главе христианского мира, епископу Рима. Вильгельм лично мог себе это позволить; где бы он ни правил, в Нормандии или в Англии, никто не боялся римских посягательств; он был полон решимости быть верховным во всех делах и над всеми людьми в пределах своих владений. Пока он был жив, ни один папа не осмеливался оспаривать его право. Но, признав право папы распоряжаться коронами или, по крайней мере, судить о праве на короны, он подготовил много дней унижения для королей вообще и особенно для своих собственных преемников. Один человек в Западной Европе мог видеть дальше, чем Вильгельм, возможно, даже дальше, чем Ланфранк. Главным советником папы Александра Второго был архидьякон Хильдебранд, будущий Григорий Седьмой. Если Уильям перехитрил весь мир, то Хильдебранд перехитрил Уильяма. Обращение Вильгельма к папе с просьбой сделать выбор между двумя претендентами на английскую корону немало укрепило Григория в его смелом стремлении распоряжаться коронами Рима, Италии и Германии. Тем не менее, это признание римских притязаний привело более прямым образом к унижению преемника Вильгельма в его собственном королевстве. Более того, успешная попытка Вильгельма представить свое предприятие как священную войну, крестовый поход до того, как о крестовых походах стали слышать, многое подсказала и подготовила почву для настоящих крестовых походов поколение спустя. Урбан проповедовал крестовый поход только после смерти Вильгельма, но Григорий спланировал его еще при жизни Вильгельма.

Апелляция, как ни странно, увенчалась успехом. Вильгельм убедил, или казалось, что убедил, всех людей за пределами Англии и Скандинавии, что его притязания на английскую корону справедливы и святы, и что было бы благим делом помочь ему отстоять их с оружием в руках. Он убеждал своих собственных подданных; он, конечно, не ограничивал их. Он убедил некоторых иностранных принцев оказать ему реальную помощь, некоторых лично присоединиться к его отряду; он убедил всех помогать ему настолько, насколько это не помешает их подданным присоединиться к нему в качестве добровольцев. И все это было сделано с помощью простого убеждения, с помощью аргументов, хороших или плохих. В приспособлении средств к целям, в применении к каждому классу людей того аргумента, который лучше всего подходил для этого, дипломатия, государственная мудрость Уильяма были совершенны. И снова мы спрашиваем, насколько далеко простиралась государственная мудрость Вильгельма, насколько Ланфрана? Но принцу не обязательно все делать своими руками и говорить все своим языком. Узнать Ланфрана, оценить его по достоинству и доверять ему было немалой частью государственной мудрости Вильгельма. И когда работают два тонких мозга, двое, работающие в партнерстве, могут сделать больше, чем кто-либо из них в одиночку.

Какими аргументами герцог норманнов и приор Бека убедили человечество в том, что чем хуже дело, тем лучше? Мы всегда должны помнить о переходном характере эпохи. Англия в политических вопросах опережала другие западные страны; то есть она отставала от других западных стран. Она не зашла так далеко по нисходящему пути. Она сохранила гораздо больше, чем Галлия или даже Германия, старых тевтонских институтов, сущность которых в последующие века была восстановлена в новых формах. В Англии были поняты многие вещи, которые теперь снова поняты повсюду, но которые больше не были поняты во Франции или на землях, принадлежащих французской короне. Народное избрание королей стоит на первом месте. Гуго Капет был таким же выборным королем, как и Гарольд; но французские короли сделали свою корону самой строго наследственной из всех корон. Они избежали любого междоусобицы, короновав своих сыновей при их жизни. То же самое и с великими вотчинами короны. Представление о королевстве как должности, присваиваемой нацией, о герцогстве или графстве как должности, занимаемой королем, все еще было полностью живо в Англии; в Галлии о нем забыли. Королевства, герцогства, графства - все это стало владениями вместо должностей, владениями, переходящими по наследству того или иного рода. Но ни одно правило наследования не было универсальным или общепризнанным. По сей день королевства Европы расходятся во мнениях относительно наследования по женской линии, и доктрина представительства лишь постепенно вытеснила более очевидную доктрину родственной близости. Все эти вопросы были тогда совершенно не урегулированы; короны, за исключением, конечно, короны Империи, должны были переходить по наследственному праву; только что такое наследственное право? В такое время были бы выдвинуты претензии, которые ни раньше, ни позже показались бы абсурдными. Англичанам, если и казалось странным избирать того, кто не принадлежал к корню Сердика, то гораздо более странным казалось быть призванным согласиться без избрания или избрать как нечто само собой разумеющееся того, кто не принадлежал к корню Сердика и вдобавок был чужаком. За пределами Англии не показалось бы странным, если бы Уильям заявил, что Эдуард, не имея прямых наследников, выбрал своим преемником своего ближайшего родственника Уильяма. Само по себе это утверждение звучит правдоподобно. Передача короны по завещанию относится к тому же кругу идей, что и ее передача по наследственному праву; в обоих случаях корона рассматривается как собственность, а не как должность. Выдвижение Эдуардом Гарольда, избрание Гарольда,

тот факт, что родство Уильяма с Эдуардом находилось за пределами королевской линии Англии, тот факт, что в лице Эдгара был более близкий родственник по этой королевской линии, - все это можно было замять, или объяснить, или даже обратить в корысть Уильяму. Пусть будет так, что Эдуард на смертном одре рекомендовал Гарольда, и что витан избрал Гарольда.

Рекомендация была вырвана у умирающего человека в противовес более раннему поступку, совершенному, когда он был в состоянии действовать свободно. Выборы были проведены силой или мошенничеством; если они были свободными, то не имели силы против более ранних притязаний Уильяма на родство и наследство. Что же касается Эдгара, то, поскольку мало кто в Англии думал о нем, еще меньше людей за пределами Англии когда-либо слышали о нем. Еще более странно, что незаконнорожденность Вильгельма не сказалась против него, как это когда-то сказалось в его собственном герцогстве. Но этот факт снова знаменует переходный возраст. В целом рассказ о том, что человек, не приходившийся родственником покойному королю, присвоил себе корону, которую король завещал родственнику, даже без дальнейших осложнений может быть легко воспринят как рассказ о неправде.

Но дело приобрело десятикратную силу, когда Уильям добавил, что тот, кто совершает зло, из всех людей больше всего обязан этого не делать. В любом случае узурпатор был человеком Вильгельма, обязанным во всем действовать от имени своего господина. Возможно, он был чем-то большим; возможно, он прямо поклялся признать Вильгельма королем. Возможно, он пообещал все это с особой торжественностью. Было бы легко расширить все эти дополнительные пункты обвинения как составляющие часть вины, за которую Уильям не только имел право наказать, но и за которую у него не было бы долга, если бы он не наказал. Он должен был наказать клятвopепреступника, отомстить за обиды святых. Несомненно, все, кто должен был помочь ему в этом, помогали бы в праведном труде.

Ответ на все это был очевиден. Рассматривая дело в самом худшем свете, предполагая, что Гарольд поклялся всем, в чем, как говорят, он когда-либо клялся, предполагая, что он поклялся в этом самым торжественным образом, в котором, как говорят, он когда-либо клялся, утверждение Уильяма от этого ни на йоту не улучшилось. Какой бы ни была вина самого Гарольда, народ Англии не разделял ее. Ничто из того, что сделал Гарольд, не могло помешать их праву свободно выбирать своего короля. Даже если бы Гарольд отказался от короны, это не обязало бы выборщиков выбирать Вильгельма. Но когда идея выбора королей начала звучать странно, все это пошло бы насмарку. Не было бы необходимости даже настаивать на том, что в любом случае зло, причиненное Гарольдом Вильгельму, дало Вильгельму *повод к войне* против Гарольда, и что Вильгельм, в случае победы, мог бы претендовать на корону Англии, как на владение Гарольда по праву завоевания. На самом деле Уильям никогда не претендовал на корону путем завоевания, как обычно понимается завоевание. Он всегда представлял себя законным наследником, к несчастью вынужденным применить силу для получения своих прав. Других просьб было вполне достаточно, чтобы удовлетворить большинство мужчин за пределами Англии и Скандинавии. Работа Уильяма заключалась в том, чтобы предъявить права на корону, которой он был несправедливо лишен, и вместе с тем обрушить праведное наказание на несправедливого и нечестивого человека, которым он был ее лишен.

В руках таких дипломатов, как Вильгельм и Ланфранк, всех этих аргументов, ни один из которых сам по себе не имел ни малейшей силы, было достаточно, чтобы склонить огромную массу континентального общественного мнения в пользу Вильгельма. Но он мог привести дополнительные аргументы, специально приспособленные к различным классам умов. Он мог

выдвинуть перспективу грабежа, перспективу земель и почестей в стране, богатство которой уже вошло в поговорку. Конечно, можно было бы ответить, что предприятие против Англии было рискованным, а его успех маловероятным. Но в таких вопросах люди скорее прислушиваются к своим надеждам, чем к своим страхам. Норманнам было бы легко не только возбудить дело против Гарольда, но и разжечь старые обиды на английскую нацию. При Гарольде, сыне Кнута, Альфред, принц, наполовину норманнский по рождению, полностью нормандский по воспитанию, брат покойного короля, законный наследник короны, был кем-то предан и убит. Широко распространенное мнение возлагало это дело на отца нового короля. Эта история легко могла послужить основанием для национальной жалобы Нормандии на Англию, и было легко сделать вывод, что Гарольд имел какое-то отношение к предполагаемому преступлению Годвина. Было легко остановиться на более поздних событиях, на изгнании стольких норманнов из Англии во главе с архиепископом Робертом. Более того, не только законный предстоятель был изгнан, но и узурпатор был посажен на его место, и этого узурпирующего архиепископа заставили сделать пародию на посвящение короля-узурпатора. Предполагаемая агрессия против Англии была даже представлена как миссионерская работа, предпринятая на благо душ невежественных островитян. Ибо, хотя англичане, несомненно, были по-своему набожны, в церковном государстве Англии было многое, что вызывало недовольство строгих церковников за морем, многое, что Вильгельм, когда у него была власть, считал своим долгом реформировать. Островное положение Англии, естественно, во многом отличало ее от обычаев и чувств жителей материка, и было нетрудно настроиться против нации так же, как и против ее короля. Все это не могло по-настоящему укрепить притязания Уильяма, но заставило людей более благосклонно относиться к его предпринятию.

Тот факт, что витаны действительно заседали после смерти Эдуарда, позволил провести выборы и коронацию Гарольда с предельной скоростью. Избиратели сделали свой выбор до того, как у Уильяма появилась возможность официально предъявить им свои претензии. Это было для него действительно преимуществом; он мог лучше представить выборы и коронацию недействительными. Его первым шагом, конечно, было отправить посольство к Гарольду, чтобы прямо сейчас призвать его выполнить свою клятву. Отчеты об этом посольстве, о которых у нас нет английского отчета, отличаются так же сильно, как и разные отчеты о присяге. Каждая версия, конечно, заставляет Уильяма требовать, а Гарольда отказываться от того, в чем он заставил Гарольда поклясться. Эти требования и отказы варьируются от отставки королевства до брака с дочерью Уильяма. И трудно отделить это посольство от более поздних посланий между соперниками. На все требования Уильяма Гарольд отвечает отказом; аргументы с каждой стороны, скорее всего, искренни. Гарольд призван уступить корону Вильгельму, удержать ее у Вильгельма, сохранить часть королевства Вильгельма, вынести вопрос на суд папы римского, наконец, если он не сделает ничего другого, по крайней мере жениться на дочери Вильгельма. Разные авторы выдвигают эти требования в разное время, сразу после избрания Гарольда или непосредственно перед битвой. Последний вызов на поединок между Гарольдом и Уильямом, конечно, появляется только накануне битвы. Однако ни одно из этих свидетельств не исходит от современных сторонников Гарольда; все они проникнуты враждебным чувством по отношению к нему. Таким образом, конституционный язык, который вкладывается в его уста, почти пугающий своим современным звучанием, имеет большую ценность. Король Англии ничего не может сделать без согласия своего витана. Они дали ему королевство; без их согласия он не может отказаться от него, или расчленил его, или

согласиться передать его кому-либо; без их согласия он не может даже жениться на иностранке. Или он отвечает, что дочь Вильгельма, на которой он обещал жениться, мертва, и что сестра, которую он обещал выдать за норманна, тоже мертва. Гарольд не отрицает факта своей клятвы— какова бы ни была ее природа; он оправдывает ее нарушение тем, что она была дана против его воли и потому, что сама по себе она не имела силы, поскольку обязывала его делать невозможные вещи. Он не отрицает более раннего обещания Эдварда Уильяму; но, поскольку завещание не имеет силы, пока завещатель жив, он утверждает, что оно отменяется более поздним назначением Эдвардом самого себя. По правде говоря, между спорящими сторонами вряд ли есть какая-либо разница в том, что касается фактов. Одна сторона признает, по крайней мере, проявление уважения со стороны Гарольда; другая сторона признает выдвижение и избрание Гарольда. Реальная разница заключается в юридической силе того и другого. Отсюда вытекает политика Вильгельма. Речь шла об английском праве и ни о чем другом, это дело английского уитана и никаких других судей. Уильям, искусно смешав всевозможные не относящиеся к делу вопросы, ухитрился перевести спор из области муниципального права в область международного права, главным представителем которого был епископ Рима. Привлекая папу на свою сторону, Вильгельм мог придать своей агрессии вид религиозной войны; но, поступая таким образом, он невольно подрывал трон, к которому стремился, и троны всех других принцев.

Ответы, которые либо дал Гарольд, либо которые писатели его времени считали, что он должен был дать, имеют величайшее значение в нашей конституционной истории. Король вершит все; но он ничего не может предпринять в данный момент без согласия своего витана. Они могут сказать "Да" или "Нет" на каждое предложение короля. Энергичный и популярный король не получил бы иного ответа, кроме "Да", на любой свой вопрос. Король, который часто получал ответ "Нет, нет", подвергался большой опасности потерять свое королевство. Государственная мудрость Вильгельма знала, как превратить эту конституционную систему, не внося никаких изменений в букву, в деспотизм, подобный деспотизму Константинополя или Кордовы. Но письмо сохранилось, чтобы при случае снова всплыть на свет. Революция 1399 года была отступлением от доктрин 1066 года, а Революция 1688 года была отступлением от доктрин 1399 года. Принцип всех трех периодов состоит в том, что власть короля строго ограничена законом, но в пределах, которые закон устанавливает для его власти, он действует по своему собственному усмотрению. Король и Витан выделяются как отдельные державы, каждая из которых нуждается в согласии другой на свои действия и которая всегда может отказаться от этого согласия. Политическая работа последних двухсот лет заключалась в том, чтобы предотвратить эти прямые столкновения между королем и парламентом с помощью остроумного традиционного устройства группы людей, которые номинально являются министрами короны, но на самом деле министрами одной палаты парламента. Мы не понимаем нашу собственную политическую историю, еще меньше мы можем понять позицию и государственную мудрость Завоевателя, если мы полностью не осознаем, чем на самом деле была английская конституция XI века, насколько современно звучат некоторые из ее доктрин, некоторые ее формы. Государственным деятелям наших дней не мешало бы изучить скудные записи Гемота от 1047 года. Существует самый ранний зарегистрированный случай дебатов по вопросу внешней политики. Граф Годвин предлагает оказать помощь Дании, которая в то время находилась в состоянии войны с Норвегией. Он в меньшинстве по предложению графа Леофрика, человека умеренной политики, который выступает в качестве лидера партии

невмешательства. Возможно, в некоторых вещах мы не всегда продвинулись вперед за восемьсот лет.

Трудно упорядочить переговоры Вильгельма со своими подданными, с иностранными державами и с папой Римским. Несомненно, одновременно велось несколько переговоров. Посольство к Гарольду, конечно, прибыло бы в первую очередь. Пока его требование не было выдвинуто и отклонено, Уильям не мог обратиться с апелляцией в другое место. Мы не знаем, было ли отправлено посольство до или после путешествия Гарольда в Нортумберленд, до или после его женитьбы на Эдгит. Если бы Гарольд уже был женат, требование, чтобы он женился на дочери Уильяма, могло быть лишь насмешкой. Действительно, все посольство до такой степени было выставлено на посмешище, что оно было отправлено без каких-либо ожиданий, что к его требованиям прислушаются. Оно было отправлено для того, чтобы, с точки зрения Уильяма, более основательно уличить Гарольда в неправоте и укрепить позицию Уильяма против него. Следовательно, оно было бы отправлено в первый же момент; единственное заявление, сделанное, конечно, очень слабым авторитетом, заставляет посольство прибыть на десятый день после смерти Эдварда. Следующим после посольства должно было последовать обращение Вильгельма к своим собственным подданным, хотя Ланфранк вполне мог умолять в Риме, в то время как Вильгельм умолял в Лилебоне. Герцог сначала проконсультировался с избранной компанией, которая пообещала свои услуги, но отказалась обещать кого-либо еще. Считалось, что ни один норманн не обязан следовать за герцогом в попытке завоевать для себя корону за морем. Но вскоре была готова добровольная помощь. В Лилебоне состоялось собрание всего баронства Нормандии. Ассамблея отклонила любое обязательство, которое могло бы стать прецедентом, и вообще не проводила общего голосования. Но бароны были завоеваны один за другим, и каждый обещал помощь людьми и кораблями в соответствии со своими возможностями.

Таким образом, Вильгельм с некоторым трудом заручился поддержкой своих собственных подданных; но когда он однажды заручился ею, это была ревностная поддержка. И по мере того, как пламя распространялось из одной части Европы в другую, рвение нормандцев становилось все острее и острее. О взаимоотношениях Вильгельма с иностранными державами рассказывается сбивчиво, по частям, а иногда и противоречиво. Мы слышали, что посольства направлялись к молодому королю Германии Генриху, сыну великого императора, другу Англии, а также к датскому королю Свегену. Нормандская история гласит, что оба принца пообещали Вильгельму свою активную поддержку. Однако Свеген, ближайший родственник Гарольда, был другом Англии, и тот же автор, который вкладывает в его уста это обещание, заставляет его послать войска на помощь своему английскому кузену. У молодого Генриха или его советников не могло быть никаких мотивов помогать Вильгельму, но подданным империи, по крайней мере, никто не мешал присоединиться к его знамени. Французскому королю Вильгельм, возможно, предлагал приманку, чтобы отобрать у него корону Англии, но Филипп, как говорят, изо всех сил препятствовал предприятию Вильгельма. Тем не менее, он не препятствовал французским подданным принимать в этом участие. Из принцев, владевших французской короной, Юстас Булонский, который лично присоединился к сбору, и Ги Понтье, собственный вассал Вильгельма, пославший своего сына, похоже, были единственными, кто сделал больше, чем просто разрешил набирать добровольцев в своих владениях. Рассказывают странную историю о том, что Конан Британский воспользовался этим моментом,

чтобы напомнить о своих забытых притязаниях на нормандское герцогство. Если Вильгельм собирался завоевать Англию, пусть отдаст ему Нормандию. Вскоре он, как гласит легенда, умер от странной формы отравления, к которой, как подразумевается, приложил руку Уильям. Это повторение истории Уолтера и Биоты. Пожалуй, достаточно сказать, что бретонские писатели ничего не знают об этой истории.

Но самые важные переговоры велись с папским двором. Мы могли бы подумать, что посланником будет Ланфранк, столь хорошо разбирающийся в римских обычаях; но Вильгельм, возможно, нуждался в нем как в постоянном советнике собственной персоной. Жильбер, архидиакон Лизье, был отправлен к папе Александру. Никакое прошение не могло лучше соответствовать папским интересам, чем то, которое было подано сейчас; но были некоторые моральные трудности. Немало кардиналов, по словам самого Гильдебранда, утверждали, не без резких выражений в адрес Гильдебранда, что Церковь не имеет никакого отношения к подобным вопросам и что грешно поощрять требования, которые не могут быть исполнены без кровопролития. Но у многих, и среди них у Хильдебранда, представление о Церкви как о партии или силе преобладало над всеми мыслями о ее высших обязанностях. Одна сторона была тщательно выслушана; другая, кажется, вообще не была услышана. Мы не слышим ни о каком вызове Гарольда в суд, и король Англии не мог бы выступать в папской коллегии адвокатов, не признав, что его дело было по меньшей мере сомнительным. Приговор Александра или Хильдебранда был вынесен в пользу Вильгельма. Гарольд был объявлен узурпатором, возможно, отлученным от церкви. Было объявлено, что право на английскую корону принадлежит герцогу норманнскому, и Вильгельм был торжественно благословлен на предприятие, в котором ему предстояло сразу же завоевать свои права, наказать беззаконника, преобразовать духовное состояние заблудших островитян, научить их более полному повиновению Римскому престолу и более регулярной уплате его светских пошлин. Вильгельм сразу добился своего, но его преемники на английском престоле поплатились за это. Хильдебранд отстаивал свою точку зрения навсегда или на тот срок, на который люди были готовы признать римского епископа судьей в любых вопросах. Прецедент, благодаря которому Гильдебранд под другим именем поручил ему распоряжаться более высокой короной, чем английская, теперь был полностью установлен.

В качестве внешнего знака папской милости Вильгельм получил освященное знамя и кольцо с волосами святого Петра. Мужчинам было за что сражаться. Теперь война стала священной. Все, кто был готов укрепить здоровье своей души резней и грабежом, могли бы встать под знамена Вильгельма, под знамена Святого Петра. Мужчины были выходцами из большинства франкоговорящих стран, норманны Апулии и Сицилии, конечно, не замедлили вмешаться в ссору своих сородичей. Но рядом с его собственной Нормандией землями, которые прислали наибольшую помощь, были Фландрия, земля Матильды, и Британия, где имя сакса все еще могло вызывать ненависть. Мы никогда не должны забывать, что войско Вильгельма, люди, завоевавшие Англию, люди, поселившиеся в Англии, не были исключительно норманнским войском. Не нормандское, а *французское* имя чаще всего противопоставляется *английскому*, как имени народа-завоевателя. Каждый норманнец в отдельности презирал бы это имя для себя лично; но это было единственное имя, которое могло обозначить целое, частью которого были он и его соотечественники. И все же, если норманны были всего лишь частью, то они были величайшей и благороднейшей частью; одно их присутствие превращало это предприятие из простого разбоя. Нормандское завоевание, в конце концов, было нормандским завоеванием; люди из других стран были всего лишь помощниками. Поскольку это был не

нормандский, а итальянский язык; тонкое остроумие ломбардца Ланфрана и тосканца Хильдебранда сделало для нас столько же, сколько копье и лук нормандцев.

ГЛАВА VII. ВТОРЖЕНИЕ Вильгельма В Англию. Август-декабрь 1066 года.

Государственная мудрость Вильгельма восторжествовала. Народ Англии выбрал своего короля, и большая часть мира была завоевана искусством иностранного принца, заставившего поверить, что это праведное и святое дело - возвести его на трон, на который английский народ избрал самого выдающегося человека среди своих. Никогда еще дипломатический успех не был более основательным. К несчастью, мы ничего не знаем о настроениях в Англии в то время, когда Вильгельм строил заговоры и умолял за морем. Мы также не знаем, много ли людей в Англии знали о том, что происходило в других странах, или что они подумали, когда услышали об этом. Мы знаем только, что после того, как Гарольд одержал победу над Нортумберлендом, он вернулся и провел Пасхальный джемот в Вестминстере. Затем, по словам Хрониста, “ему стало известно, что Уильям Бастард, родственник короля Эдуарда, придет сюда и завоюет эту землю”. Это все, что наши собственные авторы рассказывают нам об Уильяме Бастарде в период между его мирным визитом в Англию в 1052 году и его воинственным визитом в 1066 году. Но мы знаем, что король Гарольд сделал все, что мог сделать человек, чтобы помешать его целям, и что в этом его преданно поддерживала большая часть английской нации, мы можем с уверенностью сказать, все, за исключением двух его зятьев и столько, на кого они могли повлиять.

О деяниях Вильгельма мы знаем более полно. О военных событиях этого замечательного года нет необходимости рассказывать подробно. Но мы видим, что полководческое мастерство Вильгельма было равно его государственному мастерству, и что оно было встречено таким же полководческим мастерством со стороны Гарольда. Более того, удача Уильяма столь же очевидна, как и его государственная мудрость или его полководческие способности. Когда Гарольд был коронован в день Богоявления, он, должно быть, был уверен, что до конца года ему придется противостоять вторжению в Англию. Но Гарольду, Вильгельму, Ланфранку или любому другому человеку и в голову не могло прийти, что ему придется противостоять двум вторжениям в Англию в один и тот же момент.

Это было вторжение Гарольда Норвежского, одновременно с вторжением Вильгельма, которое решило судьбу Англии. Исход борьбы мог бы обернуться против Англии, если бы ей пришлось сражаться только с одним врагом; как бы то ни было, именно атака, предпринятая сразу двумя врагами, разделила ее силы и позволила норманнам высадиться без сопротивления. Два вторжения произошли настолько близко, насколько это было возможно, в один и тот же момент. Гарольд Хардрада вряд ли достиг бы побережья Йоркшира раньше сентября; битва при Фулфорде произошла 20 сентября, а при Стэмфордбридже - 25 сентября. Вильгельм высадился 28 сентября, а битва при Сенлаке состоялась 14 октября. Более того, флот Вильгельма был готов к 12 августа; его задержка с переправой была вызвана ожиданием благоприятного ветра. Когда Уильям высадился на берег, события борьбы на Севере не могли быть известны в Сассексе. Возможно, ему пришлось бы бороться не с Гарольдом Английским, а с Гарольдом Норвежским в качестве своего завоевателя.

Совершенно неясно, в какое время года Гарольд Хардрада впервые спланировал свое вторжение в Англию. Мы ничего не можем сказать о его действиях, пока он не окажется на плаву. И с тремя могучими фигурами Уильяма и двух Гарольдов на сцене есть что-то одновременно гротескное и озадачивающее в том, как английский предатель порхает среди них. Изгнанный Тостиг, лишенный графского титула осенью 1065 года, затем нашел убежище во Фландрии. Теперь он играет напряженную роль, подробности которой теряются в противоречивых рассказах. Но несомненно, что в мае 1066 года он предпринял безрезультатное нападение на Англию. И это нападение, скорее всего, было совершено при попустительстве Вильгельма. Уильяму нравилось использовать Тости́га в качестве инструмента и поощрять столь беспокойный дух в раздражении общего врага. Также достоверно, что Тостиг был с норвежским флотом в сентябре и что он погиб в Стэмфордбридже. Мы также знаем, что он был в Шотландии с мая по сентябрь. Поэтому трудно поверить, что Тостиг приложил такую большую руку к привлечению Гарольда Хардрады к его экспедиции, как об этом говорится в норвежской истории. Скорее всего, Тостиг просто присоединился к экспедиции, которую Гарольд Хардрада самостоятельно спланировал. Одно можно сказать наверняка, что, когда Гарольд Английский подвергся нападению сразу двух врагов, это были не два врага, действовавших согласованно. Интересы Вильгельма и Гарольда Норвежского были так же противоположны друг другу, как интересы любого из них были противоположны интересам Гарольда Английского.

Одна большая трудность одинаково встала перед Гарольдом и Уильямом. Как в Нормандии, так и в Англии было легко собрать армию, готовую к сражению; нелегко было удерживать большое количество людей под ружьем в течение длительного времени, не вступая в бой. Еще труднее было удержать их сразу, без сражений и без грабежей. То, что Вильгельм сделал таким образом во время двух вторжений в Нормандию, теперь ему предстояло сделать в большем масштабе. Его огромная и разношерстная армия держалась большую часть августа и сентября, сначала в Дайве, затем в Сен-Валери, ожидая попутного ветра, который должен был доставить ее в Англию. И это было сохранено, не причинив серьезного ущерба землям, где они стояли лагерем. В священной войне это время, конечно, в основном тратилось на взывания к религиозным чувствам армии. Затем пришла удивительная удача Уильяма, которая позволила ему перейти границу именно в тот момент, когда он все-таки перешел. Чуть раньше или позже он обнаружил бы, что его приземление жестко оспаривается; как бы то ни было, он приземлился без сопротивления. Гарольд Английский, не имея возможности, по его собственным словам, быть везде одновременно, сделал все, что мог. Он и его братья Гирт и Леофвин предприняли защиту южной Англии от норманнов; графы Севера, его шурины Эдвин и Моркере, должны были защищать свою собственную землю от норвежцев. На его собственные приготовления смотрели с удивлением. Чтобы защитить длинную линию побережья от захватчиков, он собрал такие силы как на море, так и на суше, каких еще не собирал ни один король, и он держал их вместе дольше, чем Вильгельм, в течение четырех месяцев бездействия, за исключением, возможно, нескольких небольших стычек на море. Наконец, в начале сентября, провизия закончилась; люди, без сомнения, требовали вернуться за урожаем, и огромное войско пришлось распустить. Если бы Вильгельм отплыл, как только его флот был готов, он обнаружил бы, что южная Англия полностью подготовлена к встрече с ним. Между тем северные графы явно были не так бдительны, как король. Гарольд Хардрада разорял побережье Йоркшира; он проплыл вверх по реке Уз и высадился на берег без сопротивления. Наконец графы встретились с ним с оружием в руках и были разбиты северянами при Фулфорде близ Йорка. Четыре дня

спустя Йорк капитулировал и согласился принять Гарольда Хардраду в качестве короля. Тем временем новость достигла Гарольда Английского; он собрал своих слуг и все другие войска, какие только можно было собрать в данный момент, и маршем с почти невероятной скоростью смог спасти город и всю северную Англию. Битва при Стэмфордбридже, поражение и смерть самого знаменитого воина Севера, была последним и величайшим успехом Гарольда Английского. Но его поход на север оставил южную Англию совершенно беззащитной. Если бы южный ветер задержался еще немного, он мог бы, прежде чем появился второй враг, снова оказаться на Южно-саксонском побережье. Как бы то ни было, через три дня после Стэмфордбриджа, когда Гарольд Английский все еще находился в Йорке, Вильгельм Нормандский без сопротивления высадился в Певенси.

Таким чудесным образом для Вильгельма открылся легкий путь в Англию. Норвежское вторжение произошло в самый подходящий момент для его целей, и результат оказался таким, какого он, должно быть, желал. Он должен сражаться с одним Гарольдом, и сражаться с Гарольдом Английским было явно лучше для его целей. Его работа не была бы завершена, если бы другой вмешался, чтобы наказать клятвопреступника. Теперь, когда он был в Англии, это стало испытанием полководческого мастерства между ним и Гарольдом. Политика Вильгельма заключалась в том, чтобы немедленно спровоцировать Гарольда на бой. Возможно, это была политика Гарольда — так, по крайней мере, думал Гирт, — еще более тщательно следовать собственному примеру Вильгельма во время французских вторжений. Пусть он наблюдает за врагом и следует за ним, пусть избегает любых действий и даже опустошает земли между Лондоном и южным побережьем, и силы захватчиков постепенно истощатся. Но, возможно, было бы трудно навязать такую политику людям, чьи сердца были взбудоражены вторжением, и одна часть которых, собственные королевские дворяне и приближенные, горели желанием дополнить свою победу над северянами еще более могущественной победой над норманнами. И Гарольд заговорил так, как и подобает английскому королю, когда ответил, что он никогда не опустошит ни пяди английской земли, что он никогда не причинит вреда землям или имуществу людей, которые избрали его своим королем. В состязании мастерства между двумя командирами каждый в какой-то степени отстаивал свою точку зрения. Опустошение Вильгельмом значительной части Сассекса вынудило Гарольда немедленно выступить в бой. Но Гарольд смог дать сражение в выбранном им самим месте, полностью подходящем для того вида войны, который ему предстояло вести.

Гарольда обвинили, как обвиняют побежденных генералов, в том, что он слишком рвался в бой и не дождался дополнительных войск. Но любому, кто изучает местность, ясно, что Гарольду требовалось не больше войск, а в какой-то степени лучшие войска, и что он не получил бы эти лучшие войска, выжидая. Из Йорка Гарольд двинулся маршем в Лондон, как место встречи представителей южной и восточной Англии, а также тех немногих, кто действительно последовал за ним с Севера, и тех, кто присоединился к нему в походе. Эдвину и Моркеру было приказано следовать за ними со всеми силами своих графств. Они позаботились о том, чтобы этого не делать. Гарольд и его западные саксы спасли их, но больше они не нанесут ответного удара. Как сейчас, так и ранее в том же году они, несомненно, были нацелены на раздел королевства, подобный тому, который был произведен дважды за пятьдесят лет. Либо Гарольд, либо Вильгельм могли бы править в Уэссексе и Восточной Англии; Эдвин должен был править в Нортумберленде и Мерсии. Вильгельм, враг Гарольда, но не враг им самим, мог бы удовлетвориться той частью Англии, которая находилась под непосредственным правлением Гарольда и его братьев, и мог бы позволить дому Леофрика сохранить по крайней мере власть

младшего короля на Севере. То, что братья-графы воздержались от королевского сбора, несомненно, и это объяснение согласуется со всем их поведением как до, так и после. Таким образом, в распоряжении Гарольда были отборные люди только из части Англии, и он должен был заменить тех, кого не хватало, такими силами, какие только мог раздобыть. Из-за отсутствия дисциплины в этих неполноценных войсках Гарольд проиграл битву. Но положение вряд ли можно было бы исправить, если бы ждали людей, которые решили не приходить.

О посланиях, которыми обменивались король и герцог непосредственно перед битвой, а также в более раннее время, уже говорилось. Вызов на единоборство, по крайней мере, приходит сейчас. Когда Гарольд отклонил все требования, Уильям призвал Гарольда пощадить кровь своих последователей и решить свои претензии битвой лично. Такой вызов был в духе нормандской юриспруденции, которая в сомнительных случаях ожидала Божьего суда не через тяжкие испытания, как это делали англичане, а через личную борьбу двух сторон. Однако и этот вызов, несомненно, был брошен в надежде, что Гарольд откажется от него и тем самым поставит себя в глазах норманнов еще более неправым. Ибо это был вызов, от которого Гарольд не мог не отказаться. Уильям смотрел на себя как на человека, который требует своего от того, кто несправедливо удерживает его от этого. Он был истцом по иску, в котором Гарольд был ответчиком; то, что истца и ответчика сопровождали войска, было несчастным случаем, в котором был виноват ответчик, отказавшийся от всех мирных средств урегулирования. Но Гарольд и его люди не могли смотреть на это как на простой вопрос между двумя мужчинами. Корона досталась Гарольду в дар от нации, и он не мог отделить свое собственное дело от дела нации. Корона принадлежала ему, но не ему было делать ставку на исход единоборства. Если бы Гарольда убили, нация могла бы отдать корону тому, кого считала нужным; Смерть Гарольда ни на йоту не улучшила бы притязания Уильяма. Причина была не личной, а национальной. Своим бессмысленным вторжением нормандский герцог причинил зло не только королю, но и каждому человеку в Англии, и каждый человек мог претендовать на помощь в его изгнании. Опять же, в обычном боевом пари решение может быть приведено в исполнение; здесь, независимо от того, убил ли Уильям Гарольда или Гарольд убил Уильяма, не было никаких средств привести решение в исполнение, кроме как силой двух армий. Если Гарольд падет, английская армия вряд ли примет Вильгельма королем; если Вильгельм падет, у нормандской армии будет еще меньше шансов спокойно покинуть Англию. Вызов был задуман как простой розыгрыш; он поднимет дух последователей Уильяма; его поэтам и летописцам будет что записать в его честь; вот и все.

Настоящая битва, разыгравшаяся в Сенлаке, в день святого Каликста, была больше, чем испытанием мастерства и мужества между двумя капитанами и двумя армиями. Это было, подобно старым битвам Македонии и Рима, испытание двух способов ведения войны. Англичане придерживались старой тевтонской тактики. Они сражались пешими в тесном строю стены из щитов. Те, кто выехал на поле, спешили, когда началась битва. Сначала они метали свои дротики, а затем перешли к оружию ближнего боя. Среди них датский топор, привезенный Кнутом, почти вытеснил старый английский палаш. Таков был состав домоправителей и знатных особ, которые последовали за Гарольдом из Йорка или присоединились к нему в его походе. Но измена Эдвина и Моркера привела к необходимости пополнить отборных людей Нортумберленда нерегулярными рекрутами, вооруженными почти как попало. Из их различного оружия лук был самым редким. Сила норманнов заключалась в

оружии, которого не хватало англичанам, - во всадниках и лучниках. Последние, по-видимому, были силой, обученной Вильгельмом; впервые мы слышим о нормандских лучниках при Варавиле. Эти два способа ведения боя были доведены до совершенства лидерами с каждой стороны. Их еще не судили друг против друга. При Стэмфордбридже Гарольд победил врага, тактика которого была такой же, как у него самого. Уильям не участвовал в крупном сражении со времен Валь-о-дюн в своей юности. Действительно, ожесточенные сражения, к которым привыкли английские и скандинавские воины в войнах Эдмунда и Кнута, были редкостью в континентальных войнах. Эта война в основном заключалась в нападении и обороне укрепленных пунктов, а также в стычках под их стенами. Но Вильгельм знал, как использовать войска различных видов и приспособить их к любой чрезвычайной ситуации. Гарольд тоже был человеком сообразительным; он добился своих успехов в Уэльсе, приспособив своих людей к способу ведения боя противника. Чтобы противостоять натиску нормандских всадников, Гарольд придерживался национальной тактики, но он выбрал для места сражения место, где эта тактика имела бы преимущество. Сражение на низменности было бы благоприятно для кавалерии; поэтому Гарольд занял и огородил холм Сенлак, место, где в последующие дни сражались аббатство и город, и там ожидал атаки норманнов. Таким образом, нормандским всадникам пришлось подниматься на холм под градом английских дротиков и встретить удар топора, как только они доберутся до баррикады. И эта тактика была полностью успешной, пока низшие войска не поддались искушению спуститься с холма и преследовать бретонцев, которых они отбросили назад. Это подсказало Вильгельму план притворного бегства; английская линия обороны была прорвана, и преимущество на местности было потеряно. Так была проиграна великая битва. И война тоже была проиграна из-за смерти Гарольда и его братьев, которая оставила Англию без лидеров, и из-за несгибаемой доблести ближайших последователей Гарольда. Они были перебиты все до единого, и юго-восточная Англия осталась беззащитной.

Вильгельм, теперь уже истинный Завоеватель в вульгарном смысле этого слова, все еще был далек от полного обладания своим завоеванием. В его военном владении была только часть одного графства; ему приходилось ожидать дальнейшего сопротивления, и он встретил немало. Но его совместная удача и политика сослужили ему хорошую службу. Он мог бы принять форму полного обладания еще до того, как овладел реальностью; он мог бы рассматривать любое дальнейшее сопротивление как бунт против установленной власти; он мог бы сделать сопротивление бессистемным и изолированным. Вильгельму пришлось подчинять Англию в деталях; ему больше никогда не приходилось участвовать в том, что английские хронисты называют *народной борьбой*. Его политика после победы была очевидна. Все еще некоронованный, он не был, даже по его собственному мнению, королем, но только он один имел право стать королем. До сих пор он был вынужден отстаивать свои права силой; он не был расположен применять силу дальше, если речь шла о мирном владении. Поэтому его курс состоял в том, чтобы показать себя суровым по отношению ко всем, кто ему противостоял, но при этом взять всех, кто подчинился, под свою защиту и благосклонность. Однако он, похоже, рассчитывал на более быстрое подчинение, чем это произошло на самом деле. Некоторое время он ждал в своем лагере, пока придут люди и признают его. Поскольку никто не пришел, он отправился отвоевывать сильной рукой землю, на которую претендовал по праву.

Таким образом, ожидать немедленного подчинения не было чем-то противоестественным; полностью веря в справедливость своего собственного дела, Уильям поверил в это еще больше после исхода битвы. Бог, сказал Гарольд, должен рассудить между ним и Уильямом, и Бог рассудил в пользу Уильяма. При всей своей проницательности он вряд ли понял бы, насколько иначе все выглядело в глазах англичан. Действительно, некоторые, особенно церковники, особенно иностранные церковники, теперь начали сомневаться, не означает ли борьба против Вильгельма борьбу против Бога. Но для нации в целом Уильям был просто Хаббой, Свегеном и Кнутом в прошлые времена. Англия и раньше была завоевана, но никогда не в одной битве. Альфред и Эдмунд сражались с датчанами в битве за битвой, и люди не собирались подчиняться норманну, потому что однажды он одержал победу. Но Альфред и Эдмунд, попеременно терпя поражения и одерживая победы, выжили, чтобы снова сражаться; их народу не нужно было выбирать нового короля; королю нужно было просто собрать новую армию. Но Гарольд был убит, и первым вопросом было, как занять его место. Витаны, столько, сколько смогли собрать, собрались, чтобы выбрать короля, чьей первой обязанностью было бы встретить Вильгельма Завоевателя с оружием в руках. Выбор был нелегким. Сыновья Гарольда были молоды и не родились этельингами. Его братья, из которых Гирт, по крайней мере, должен был быть пригоден для правления, пали вместе с ним. Эдвин и Моркир не участвовали в битве, но они были на выборах. Но планы завоевания короны для дома Леофриков не нашли бы одобрения на собрании, проводимом в Лондоне. За неимением лучшего кандидата возобладали чувства наследственности. Был выбран молодой Эдгар. Но епископы, как говорят, не согласились; они, должно быть, считали, что Бог высказался в пользу Уильяма. Эдвин и Моркерэ действительно согласились, но они удалились в свои графства, все еще, возможно, лелея надежды на разделение королевства. Эдгар, как избранный король, совершил по крайней мере один акт царствования, подтвердив избрание аббата Питерборо; но о какой-либо общей подготовке к войне нет никаких признаков. Местное сопротивление, с которым столкнулся Уильям, показывает, что при любых совместных действиях дело не было безнадежным. Но с Эдгаром на троне, с северными графами, выводящими свои войска, с епископами, по крайней мере, равнодушными, ничего нельзя было поделать. Лондонцы рвались в бой, как, несомненно, и другие, но у них не было лидера. Пока не было другого Гарольда или Эдмунда, которые рискнули бы вступить в новую битву, не было даже лидера, который проводил бы политику Фабия и Гирта.

Тем временем Завоеватель продвигался своим путем и на свой манер. Мы должны помнить о последствиях простой резни в великой битве. Собственная армия Вильгельма серьезно пострадала: он не покидал Гастингс, пока не получил подкрепление из Нормандии. Но для Англии это сражение означало потерю всех сил юго-восточных графств. Большая часть Англии оказалась беспомощной. Уильям следовал почти тем же курсом, что и в штате Мэн. Будучи законным претендентом на корону, он был заинтересован как можно скорее стать коронованным королем, причем в церкви своего родственника в Вестминстере. Но в его интересы не входило идти прямо на Лондон и требовать корону с мечом в руке. Он видел, что без поддержки северных графов Эдгар вряд ли устоит, и что подчинение самому себе было только вопросом времени. Поэтому он избрал обходной путь через те юго-восточные графства, у которых не было совершенно никаких средств оказать ему сопротивление. Он прошел маршем из Сассекса в Кент, по пути опустошая земли, чтобы запугать народ и заставить его подчиниться. Люди Ромни перед битвой разрубили на куски отряд норманнов, попавших к ним в руки, скорее всего, по морю. Уильям отомстил за их резню каким-то неопишным образом.

Дувр и его замок, замок, который, по некоторым сведениям, Гарольд поклялся сдать Вильгельму, сдался без единого удара. И здесь он был милостив. Когда некоторые из его неуправляемых последователей подожгли дома в городе, Уильям возместил потери их владельцев. Кентерберии подчинился; оттуда он смелым ударом отправил гонцов, которые получили подчинение Винчестера. Он двинулся дальше, опустошая по пути ближайшие окрестности Лондона, но все время придерживаясь правого берега Темзы. Но доблестная вылазка горожан была отбита норманнами, и пригород Саутуорк был сожжен. Вильгельм двинулся вдоль реки к Уоллингфорду. Здесь он перешел границу, впервые заручившись активной поддержкой англичанина высокого ранга Виггода Уоллингфорда, шерифа Оксфордшира. Он стал одним из небольшого класса англичан, которые пользовались полным расположением Вильгельма и сохранили при нем по крайней мере такое же высокое положение, какое занимали раньше. Вильгельм все еще продолжал наступление на север Лондона, как он ранее делал на юге. Город должен был быть изолирован кордоном из опустошенных земель. Его политика увенчалась успехом. Поскольку с Севера не приходило никакой помощи, сердца тех, кто избрал им короля, дрогнули при приближении его соперника. В Беркхэмпстед прибыл сам Эдгар с несколькими епископами и высокопоставленными лицами, чтобы выразить свою покорность. Они предложили корону Уильяму, и после некоторых дебатов он принял ее. Но прежде чем явиться лично, он предпринял меры для обеспечения безопасности города. Теперь были заложены основы крепости, которая за время правления Вильгельма выросла в могучий Лондонский тауэр.

Может показаться странным, что, когда его великая цель наконец оказалась в пределах досягаемости, Уильям сделал свое согласие с ней предметом обсуждения. Он претендует на корону как на свое право; корона предложена ему; и все же он сомневается, стоит ли брать ее. Должен ли он, спрашивает он, принять корону королевства, которым он еще не полностью владеет? В то время территория, которой Вильгельм владел даже в военном отношении, не могла сильно простираться к северо-западу от линии, проведенной от Винчестера до Норвича. За этой чертой люди, как принято говорить у Уильяма, все еще бунтовали. Его сомнения были преодолены оратором, который не был ни нормандцем, ни англичанином, но одним из его иностранных последователей, Хаймером, виконтом Туарским. Дебаты, скорее всего, были затеяны по просьбе Уильяма, но они были затеяны не без причины. Вильгельм, всегда стремившийся к внешней законности, стремившийся делать все мирно, когда это можно было сделать мирным путем, искавший средства наказать всех возможных врагов, хотел сделать свое принятие английской короны настолько формально законным, насколько это было возможно. Как бы сильны ни были его притязания на дар Эдуарда, было бы лучше, если бы его если не выбрали строго, то, по крайней мере, мирно приняли высшие люди Англии. Возможно, когда-нибудь ему придется сказать, что корона была предложена ему и что он принял ее только после дебатов, в которых главным оратором был беспристрастный незнакомец. Добившись большего в этом вопросе, Уильям отправился из Беркхэмпстеда, уже внешне будучи избранным королем Англии.

Обряд, который должен был превратить его из избранного короля в полноправного, состоялся в Вестминстерской церкви Эдварда на Рождество 1066 года, чуть более чем через два месяца после великой битвы, чуть менее чем через двенадцать месяцев после смерти Эдуарда и коронации Гарольда. Не было недостатка ни в чем, что было необходимо для законной коронации. Согласие народа, клятва короля, помазание руками законного митрополита - все было налицо. Эдред выступил в качестве фактического виновника торжества, в то время как

Стиганд занял второе место на церемонии. Но эта внешняя гармония между нацией и ее новым королем была омрачена несчастным случаем. Нормандские всадники, стоявшие у церкви, ошибочно приняли крик, с которым народ приветствовал нового короля, за крик людей, которые причиняли ему вред. Но вместо того, чтобы прийти ему на помощь, они начали, в истинно нормандской манере, поджигать соседние дома. Последовавшие за этим опустошение и грабежи нарушили торжественность дня и стали плохим предзнаменованием для нового правления. В этом не было личной вины Уильяма; отдавая себя в руки подданных с такой новой и сомнительной лояльностью, он нуждался в людях под рукой, которым мог доверять. Но тогда именно по его вине Англии пришлось принять короля, которому нужны были иностранные солдаты для его охраны.

Вильгельм теперь был законным королем Англии, насколько это позволяли внешние церемонии. Но он хорошо знал, как далек от того, чтобы завоевать настоящую королевскую власть над всем королевством. Едва ли треть территории находилась в его повиновении. Ему еще предстояло, как он, несомненно, знал, завоевать свое королевство острием меча. Но теперь он мог отправиться на дальнейшие завоевания не как иностранный захватчик, а как король страны, подавляющий восстание среди своих собственных подданных. Если жители Нортумберленда откажутся принять его, он может сказать им, что он их законный король, помазанный их собственным архиепископом. Это была разумная политика - действовать как король всей страны, осуществлять видимость власти там, где на самом деле у него ее не было. И на самом деле он был королем всей страны, поскольку не было другого короля. Непокоренные части страны были не в настроении подчиняться; но они не могли договориться ни о каком общем плане сопротивления под руководством какого-либо общего лидера. Некоторые все еще были за Эдгара, некоторые за сыновей Гарольда, некоторые за Свегена Датского. Эдвин и Моркерэ, несомненно, были за себя. Если бы даже сейчас удалось найти единого общего лидера, трону иностранного короля грозила бы немалая опасность. Но такой вождь не пришел: люди стояли на месте или сопротивлялись по частям, так что земля была завоевана по частям, и это под предлогом подчинения ее законному королю.

Теперь, когда нормандский герцог стал английским королем, строго говоря, начинается его карьера английского государственного деятеля, и это замечательная карьера. Его главным принципом было соблюдение формальной законности везде, где это было возможно. Все цели Уильяма должны были осуществляться, насколько это возможно, под прикрытием строгого соблюдения законов страны, законным правителем которой он стал. При коронации он поклялся соблюдать законы страны и править своим королевством так же, как любой король, который был до него. И, несомненно, он намеревался сдержать свою клятву. Но иностранный король, стоящий во главе иностранной армии и которому нужно было награждать своих иностранных последователей, мог сдержать эту клятву только по букве, а не по духу. Но удивительно, как он был близок к тому, чтобы оставить это в письме. Он ухитрялся совершать свои самые жестокие действия, лишая англичан их земель и должностей и распределять их между иностранцами под прикрытием английского закона. Он мог это сделать. Человек меньшего роста либо вообще не смог бы осуществить свои цели, либо он мог бы осуществить их только путем безрассудного насилия. Когда мы рассмотрим правление Вильгельма более

подробно, мы увидим, что его последствия в долгосрочной перспективе были направлены скорее на сохранение, чем на разрушение наших древних институтов. Он знал силу юридических фикций; с помощью юридических фикций он побеждал и правил. Но каждая юридическая фикция - это внешнее уважение к принципу права, внешний протест против незаконного насилия. То, что Англия подверглась нормандскому завоеванию, в конце концов, только сделало ее более настоящей Англией. Но то, что это могло быть, объяснялось тем, что это завоевание было совершено Бастардом Фалезским и никем другим.

ГЛАВА VIII.

ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ.

Декабрь 1066-март 1070гг.

Коронация Вильгельма возымела действие в одно мгновение. Она сделала его настоящим королем части Англии; это поставило его в новое положение по отношению к остальным. Как только появился король, люди стекались, чтобы принести ему присягу и стать его людьми. Они пришли из графств, где у него не было реальной власти. Скорее всего, именно сейчас, а не в Беркхэмпстеде, Эдвин и Моркир наконец приняли решение признать какого-нибудь короля. Они стали людьми Уильяма и снова получили свои земли и графства в качестве его пожалования. Другие вожди Севера также подчинились и снова получили свои земли и почести. Но Эдвину и Моркеру не разрешили вернуться в свои графства. Уильям считал более безопасным держать их при себе под предлогом уважения — Эдвину даже была обещана в жены одна из его дочерей, — но на самом деле наполовину как пленников, наполовину как заложницы. О двух других графах, Уолтеофе, сыне Сиварда, владевшем графствами Нортгемптон и Хантингдон, и Освульф, владевшем графством Бернисия или современным Нортумберлендом, на данный момент мы ничего не слышим. Что касается Уолтхофа, странно, что его не было в Сенлаке; странно, что он был там и ушел оттуда живым. Но мы знаем только, что он был на верности Вильгельму несколько месяцев спустя. Освульф, должно быть, выстоял каким-то заметным образом. Политикой Вильгельма было действовать как король даже там, где у него не было средств выполнять свои королевские приказы. Поэтому в феврале 1067 года он даровал бернийское графство англичанину по имени Копсидж, который был лейтенантом Тостига. Это подразумевает формальное лишение Освульфа. Но Уильям не послал войска с новым графом, который должен был овладеть им, как мог. Иными словами, из двух сторон в местной ссоре одна надеялась укрепиться, используя имя Уильяма. И Уильям подумал, что это укрепит его позиции, если хотя бы его имя будет слышно в каждом уголке королевства. Остальная часть истории стоит довольно в стороне от основной истории. Копсидж на мгновение завладел графством. Затем он был убит Освульфом и его приверженцами, а сам Освульф был убит в течение года обычным грабителем. На Рождество 1067 года Вильгельм снова пожаловал или продал графство другому местному вождю, Госпатрику. Но он не предпринимал попыток осуществлять прямую власть в этих краях до начала 1069 года.

Все это иллюстрирует общий курс Вильгельма. Коронованный король этой страны, он сначала укрепил бы себя в той части королевства, которой он фактически владел. На пассивное неповиновение других частей он в настоящее время не обращал внимания. В северной и центральной Англии Вильгельм не мог осуществлять никакой власти; но эти земли не поднимали оружия против него и не признавали никакого другого короля. Их графы, а теперь и его графы, были его любимыми придворными. Он мог позволить себе довольствоваться этим

номинальным королевством, пока не представится подходящая возможность воплотить его в жизнь. Он мог позволить себе присвоить свое имя местному предприятию Copsige. Это, по крайней мере, было бы еще одним обвинением жителей Берниции в том, что они убили графа, которого им дал король Вильгельм.

Тем временем Уильям очень практично распоряжался графствами, где последние события дали ему реальную власть. Его политика заключалась в том, чтобы отстаивать свои права в самой решительной форме, но демонстрировать свою мягкость и добрую волю, воздерживаясь от их полного осуществления. По праву завоевания Вильгельм ни на что не претендовал. Он пришел, чтобы забрать свою корону, и, к несчастью, столкнулся с некоторым противодействием в ее принятии. Земли короля Эдуарда, естественно, перешли к его преемнику. Что же касается земель других людей, то, по теории Уильяма, все они были конфискованы короной. Законный наследник был вынужден искать свое королевство с оружием в руках; ни один англичанин не помог ему; многие англичане сражались против него. Тогда все были прямыми или косвенными предателями. Король мог на законных основаниях распоряжаться всеми землями как своими собственными. Но в большей части королевства было невозможно и ни в какой части не было благоразумия проводить эту доктрину во всей ее полноте. Отрывок из "Страшного суда", сопоставленный с отрывком из английских хроник, показывает, что вскоре после коронации Вильгельма англичане как единое целое на уже завоеванных землях выкупили свои земли. Они выкупили их обратно за определенную цену и сохранили в качестве нового гранта от короля Вильгельма. Некоторые особые правонарушители, живые и мертвые, были освобождены от этой милости. Король забрал себе поместья дома Годвинов, за исключением поместий Эдит, вдовы его уважаемого предшественника, с которой он должен был обращаться со всем почетом. Земли тех, кто умер на Сенлаке, также возвращались их наследникам только в случае особой милости, иногда под названием милостыни. Таким образом, с самого начала своего правления Вильгельм начал становиться богаче, чем любой король Англии до него или любой другой западный король его времени. Он мог как наказывать своих врагов, так и вознаграждать своих друзей. Многое из того, что он брал, он оставлял себе; многое он раздавал, в основном своим иностранным последователям, но иногда и англичанам, которые каким-либо образом завоевали его расположение. Виггод из Уоллингфорда был одним из очень немногих англичан, которые сохранили и получили поместья, которые ставили их в один ряд с крупными нормандскими землевладельцами. Доктрина о том, что вся земля принадлежит королю, теперь обрела практическую форму. Все, англичане и иностранцы, стали не только подданными Вильгельма, но и его людьми и получателями грантов. Так продолжалось все его правление. Не было внезапного перехода от старого положения вещей к новому. После всеобщего выкупа земель, постепенно осуществлявшегося по мере роста могущества Вильгельма, по англичанам как таковым не было нанесено никакого общего удара. Они не были, подобно некоторым завоеванным нациям, формально унижены или лишены каких-либо юридических прав на своей собственной земле. Уильям просто проводил различие между своими лояльными и нелояльными подданными и использовал свои возможности для наказания нелояльных и награждения лояльных. Такие наказания и вознаграждения, естественно, принимали форму конфискаций и пожалований земли. Если наказание обычно было уделом англичанина, а награда - уделом чужеземца, то только потому, что король Вильгельм обращался со всеми людьми так, как они того заслуживали. Большинство англичан были нелояльны; большинство иностранцев были лояльны. Но нелояльным иностранцам и лояльным англичанам воздавалось по заслугам. Конечным результатом этого процесса, начатого сейчас и неуклонно

продолжавшегося, стало то, что к концу правления Вильгельма иностранный король был окружен группой иностранных землевладельцев и должностных лиц иностранного происхождения. Когда в первые дни своего завоевания он собрал вокруг себя великих людей своего королевства, это все еще было английское собрание с небольшим количеством незнакомцев. К концу его правления она постепенно превратилась в собрание чужаков с небольшим количеством англичан.

Эта революция, практически передавшая большую часть английской земли в руки иностранцев, была поистине великой. Но это не следует принимать за внезапный удар, за беспорядочную драку, за формальное запрещение англичан как таковых. Уильям, в соответствии со своим характером и практикой, был способен делать все это постепенно, в соответствии с правовыми формами и без проведения какого-либо формального различия между туземцами и пришельцами. Согласно английскому законодательству, вся земля принадлежала королю Англии. Может показаться странным, как такой процесс грабежа, завуалированный юридической фикцией, мог быть осуществлен без сопротивления. Это было проще, потому что это было постепенно и по частям. Вся страна не была затронута сразу, и даже не весь какой-то один район. Один человек потерял свою землю, в то время как его сосед сохранил свою, и тот, кто сохранил свою землю, вряд ли присоединился бы к возможным заговорам другого. И хотя эта земля никогда не подвергалась столь масштабной конфискации или в такой степени в угоду иностранцам, все же в самом этом не было ничего нового. Датчане обосновались при Кнуде, а норманны и другие французы - при Эдуарде. Конфискация земли была обычным наказанием за различные общественные и частные преступления. При любых переменах, таких, которые мы могли бы назвать сменой министерства, как при падении и возвращении Годвина, объявление вне закона и конфискация земель были обычным наказанием более слабой стороны, более мягким наказанием, чем судебные расправы более поздних эпох. Даже завоевание Англии не было чем-то новым, и Вильгельм на этом этапе выгодно отличался от Кнута, первые дни жизни которого были отмечены гибелью многих людей. Уильям, во всяком случае, с момента своей коронации, не пролил крови ни одного человека. Люди, возможно, думали, что все могло быть намного хуже и что вполне вероятно, что все наладится. Как бы то ни было, ослабленные, запуганные, изолированные, жители завоеванных графств смиренно подчинились воле Завоевателя. Требовалось своего рода угнетение, в котором сам Уильям никогда не был виноват, чтобы подтолкнуть их к настоящему восстанию.

Провокация не заставила себя долго ждать. В течение трех месяцев после своей коронации Вильгельм нанес визит в свое родное герцогство. Правитель двух государств не мог постоянно находиться ни в одном из них; он был обязан перед своими старыми подданными показаться среди них в своем новом обличье; и его отсутствие могло сойти за знак доверия, которое он оказывал своим новым подданным. Но средства, которые он использовал, чтобы добиться их повиновения, выявили его единственное слабое место. Мы не можем поверить, что он действительно хотел спровоцировать народ на восстание; однако выбор его помощников может показаться почти таким. Он был сбит с толку пристрастием к своему брату и самому дорогому другу. Епископу Байе Оде и Уильяму Фиц-Осберну, сыну своего первого опекуна, он передал графства: Кент - Оде, Херефорд - Уильяму. Победитель прежде всего стремился к тому, чтобы его королевство было единым и послушным; Англия не должна быть разделена, как Галлия и

Германия; он не хотел, чтобы в Англии не было человека, чье формальное почтение несло бы в себе так же мало практического послушания, как его собственное почтение королю Франции. Нормандский граф всего Уэссекса или всей Мерсии мог бы претендовать на такое положение. Поэтому Вильгельм отказался от старой практики разделения всего королевства на графства. В мирных центральных графствах он будет править сам через своих шерифов и других непосредственных должностных лиц; он будет назначать графов только в опасных пограничных округах, где они необходимы в качестве военных командиров. Все графы Уильяма на самом деле были *маркизами*, стражами марша или границы. Оде пришлось защищать Кент от нападений с континента; Уильяму Фиц-Осберну пришлось удерживать Херефордшир от валлийцев и независимых англичан. У этого последнего графства были свои локальные войны. Власть Вильгельма еще не распространилась на все графства за пределами Лондона и Херефорда, но Гарольд позволил некоторым нормандским фаворитам Эдуарда сохранить там власть. Херефорд тогда и часть его удела составляли изолированную часть владений Уильяма, в то время как земли вокруг оставались непокоренными. Уильям Фиц-Осберн должен был охранять эту опасную землю как граф. Но во время отсутствия короля и он, и Ода получили более крупные назначения в качестве вице-королей всего королевства. Ода охранял Юг, а Уильям - Север и Северо-Восток. Норвич, город, опасный из-за своего легкого сообщения с Данией, находился под его особой опекой. Номинальных графов остальной части страны, Эдвина, Моркера и Уолтеофа, вместе с Эдгаром, королем мгновения, архиепископом Стигандом и рядом других высокопоставленных лиц, Вильгельм взял с собой в Нормандию. Номинально они были его дорогими друзьями и гостями, на самом же деле, как называет их один из английских хронистов, они были заложниками.

Пребывание Вильгельма в Нормандии длилось около шести месяцев. В основном оно было посвящено празднованиям и религиозным церемониям, но частично - нормандскому законодательству. Богатые дары из английской добычи были переданы церквям Нормандии; еще более богатые дары были отправлены Римской церкви, благосклонность которой так много сделала для Вильгельма. В обмен на знамя Святого Петра штандарт Гарольда с изображением Воина был отправлен в качестве подношения главе всех церквей. Пока Вильгельм был в Нормандии, архиепископ Руанский Маурилий скончался. Все герцогство назначило Ланфрана своим преемником; но он отказался от этого поста и сам был послан в Рим, чтобы привезти паллий для нового архиепископа Иоанна, родственника герцогского дома. Ланфранк, несомненно, отказался от руанской кафедры только потому, что был предназначен для еще более высокого поста в Англии; тончайшего дипломата Европы послали в Рим не только для того, чтобы попросить паллиум для архиепископа Иоанна.

Тем временем выбор Вильгельмом лейтенантов принес свои плоды в Англии. Они создавали такие притеснения, каких никогда не создавал сам Вильгельм. Низшие вожди поступали так, как считали нужным, и два графа не удерживали их. Графы тем временем в какой-то момент там добросовестно проводили политику своего хозяина в строительстве замков; работа, о которой, особенно когда речь идет о работе Оды и Уильяма Фиц-Осберна, местные писатели всегда говорят с явным ужасом. Замки были символами и инструментами Завоевания, особым средством удержания земли в рабстве. Тем временем в различных частях страны начались беспорядки. Убийство Копсиджа, графа Уильяма в Нортумберленде, произошло примерно во время отплытия короля в Нормандию. В независимом Херефордшире ведущий англичанин в тех краях Эдрик, которого норманны называли *Диким*, вступил в союз с валлийцами, разорил послушные земли и угрожал замку Херефорд. С обеих сторон ничего не предпринималось,

кроме набегов и стычек, но часть земель Эдрика оставалась непокоренной. Жители Кента заключили странный иностранный союз с Юстасом Булонским, шурином Эдуарда, человеком, чьи деяния привели к великому сдвигу в правлении Эдуарда, к изгнанию и возвращению Годвина. Он сражался против Англии на Сенлаке и был одним из четырех, кто нанес последний удар раненому Гарольду. Но притеснения Оды заставили кентийцев с радостью обратиться за любой помощью против него. Юстас, теперь враг Уильяма, подошел и оказал помощь в неудачной атаке на Дуврский замок. Тем временем в послушных графствах люди готовились к восстанию; в непокорных землях они готовились к более активной обороне. Многие отправились за море просить иностранной помощи, особенно в родственных землях Дании и Северной Германии. Сила Вильгельма в борьбе с этим угрожающим движением заключалась в неспособности его врагов к совместным действиям. Вся страна никогда не поднималась сразу, и датская помощь приходила не в то время и не в той форме, когда она могла бы принести наибольшую пользу.

Известие об этих передвижениях привело Уильяма обратно в Англию в декабре. Он устроил праздник середины зимы и ассамблею в Вестминстере; там отсутствовавший Юстас был, в соответствии с характерным политическим ходом, обвинен в предательстве. Он был иностранным принцем, против которого герцог норманнов мог бы повести нормандскую армию. Но он также стал английским землевладельцем, и в этом качестве он был подотчетен королю и витану Англии. Он понес наказание предателя в виде конфискации земель. Впоследствии ему удалось вернуть расположение Вильгельма, и он оставил большие английские владения своей второй жене и сыну. Другим политическим ходом было отправить посольство в Данию, чтобы воспрепятствовать враждебным намерениям Свегена, и выбрать в качестве посла английского прелата, пользовавшегося большим расположением как Эдуарда, так и Гарольда, Этельзига, аббата Рамсейского. Возможно, из-за его миссии Свеген практически ничего не делал в течение двух лет. Собственная жизнь посланника была неоднозначной. Он потерял расположение Вильгельма и искал убежища в Дании. Он снова завоевал расположение Вильгельма — возможно, благодаря какой-нибудь службе при датском дворе - и умер во владении своим аббатством.

Поучительно видеть, как на этом же собрании Уильям даровал несколько великих должностей. Графство Нортумберленд опустело из-за убийства двух графов, епископство Дорчестер - из-за мирной смерти своего епископа. Уильям не имел реальной власти ни в какой части Нортумберленда, ни в более чем небольшой части епархии Дорчестера. Но он управлял графством и епископством так, как это было в его власти. Именно сейчас он передал Нортумберленд Госпатрику. Назначение на епископство стало началом новой системы. Теперь англичане должны были шаг за шагом уступать чужакам высшие должности и крупнейшие поместья страны. Он уже произвел в графы двух нормандцев, но они должны были действовать как военачальники. Теперь он стал английским графом, чей титул, вероятно, был либо номинальным, либо фатальным. Назначение Ремигиуса Фекамского на престол Дорчестера имело более реальное значение. Это начало церковного правления Вильгельма, первый шаг в плане Вильгельма сделать Церковь своим инструментом в подавлении завоеванных. Пока был жив Вильгельм, ни один англичанин не был назначен на епископство. Поскольку епископства стали вакантными в связи со смертью, были назначены иностранцы, и часто находили оправдания для ускорения вакансии лишением. В конце правления Вильгельма остался только

один английский епископ. Поскольку аббаты обладали меньшей светской властью, чем епископы, правило было менее строгим. Предпочтение отдавалось иностранцам, но англичане не были полностью исключены. И энергично проводился общий процесс конфискации и перераспределения земель. Восстание в Кенте и общее движение, должно быть, привели ко многим конфискациям и дальнейшим выплатам грантов лояльным людям обеих наций. Как емко сказано в английских хрониках, “король раздал землю каждому человеку”.

Вскоре Вильгельм мог бы даровать земли в новых частях Англии. В феврале 1068 года он впервые вступил в войну с теми, кого он называл своими подданными, но кто никогда ему не подчинялся. В течение года большая часть Англии ополчилась против него. Но согласия не последовало; восстал Запад и Север; но Запад восстал первым, а Север не восставал до тех пор, пока Запад не был покорен. Западная Англия отказалась от чисто пассивного состояния, которое продолжалось до 1067 года. До сих пор каждая сторона оставляла другую в покое. Но теперь люди Запада приготовились к более прямому противостоянию иностранному правительству. Если они не смогут лишить Уильяма того, что он уже завоевал, они, по крайней мере, удержат его от дальнейшего продвижения. Эксетер, величайший город Запада, был естественным центром сопротивления; города поменьше, по крайней мере в Девоншире и Дорсете, вступили в союз со столицей. Похоже, они, как и итальянские города в аналогичном случае, стремились к формированию гражданской конфедерации, которая, возможно, сочла бы целесообразным признать Вильгельма внешним лордом, но которая сохранила бы полную внутреннюю независимость. Тем не менее, поскольку Гита, вдова Годвайна, мать Гарольда, находилась в стенах Эксетека, движение, несомненно, также было в какой-то мере от имени Дома Годвайнов. В любом случае, Эксетер, а также земли и города, находящиеся в союзе с Эксетером, всячески защищались от нападений.

Сейчас все было не так, как во времена Сенлака, когда англичане на своей собственной земле противостояли тому, кто, как бы он ни маскировал свое предприятие, был для них просто иностранным захватчиком. Но Вильгельм еще не был, как это было в некоторых более поздних сражениях, *фактическим* королем всей страны, которого все признавали и противодействие которому принимало форму восстания. Теперь он занимал промежуточное положение. Он все еще был захватчиком, ибо Эксетер никогда не подчинялся ему; но коронованный король Англии, мирно правивший многими графствами, вряд ли был простым захватчиком; сопротивление ему выглядело бы мятежом в глазах многих, кроме Вильгельма и его льстецов. И они не могли видеть того, что ясно видим мы, чего, возможно, смутно видел Уильям, что в долгосрочной перспективе для Эксетека или любой другой части Англии было бы лучше разделить, даже в случае завоевания, судьбу всей страны, чем сохранять шаткую независимость в условиях усугубления общего рабства. Это мы чувствуем повсюду; Уильям, какими бы ни были мотивы, борется за единство Англии. Поэтому мы не можем серьезно сожалеть о его успехах. Но тем не менее честь принадлежит людям, которым сиюминутный долг велел противостоять ему. Они не могли видеть вещи так, как видим их мы, в свете восьмисот лет.

Движение, очевидно, взбудоражило несколько графств; но какие-либо подробности мы слышим только об Эксетере. Уильям никогда не применял силу, пока не попробовал переговоры. Он отправил гонцов с требованием, чтобы горожане принесли ему присягу и

приняли его в своих стенах. Теперь выбор лежал между безоговорочным подчинением и доблестным сопротивлением. Но главные люди города избрали средний путь, который ничего не дал бы. Они ответили так, как итальянский город мог бы ответить швабскому императору. Они не приняли бы короля в своих стенах; они не приносили бы ему никаких клятв; но они платили бы ему дань, которую платили прежним королям. То есть они хотели видеть его не королем, а только сюзереном независимого в остальном содружества. Ответ Уильяма был краток: “Не в моих обычаях принимать подданных на таких условиях”. Он выступил в поход; его политика заключалась в том, чтобы победить мятежных англичан оружием лояльных англичан. Он созвал *фюрд*, ополчение, всех или некоторых графств, находившихся в его подчинении. Они откликнулись на его призыв; чтобы послушаться его, требовалось больше мужества, чем замахнуть топором на Сенлака. Такое использование английских войск стало обычаем Вильгельма во всех его более поздних войнах, как в Англии, так и на материке; но, конечно, он не доверял только английским войскам. План кампании был таким, благодаря которому были завоеваны Ле-Ман и Лондон. Города Дорсета подверглись ужасному натиску на пути к столице Запада. Сразу же вспыхнул раскол; ведущие люди Эксетера прислали своих людей, чтобы предложить безоговорочное подчинение и предоставить заложников. Но общественность отреклась от соглашения; несмотря на ослепление одного из заложников перед стенами, они доблестно защищали город в течение восемнадцати дней. Только когда стены начали рушиться под горными машинами Уильяма, жители Эксетера, наконец, покорились его милосердию. И милосердию Уильяма можно было доверять. Ни один человек не пострадал ни жизнью, ни конечностями, ни имуществом. Но, чтобы предотвратить дальнейшие восстания, сразу же было начато строительство замка, и платежи, выплачиваемые городом королю, были в значительной степени увеличены.

Гита, когда город сдался, отступила к Крутому Холму, а оттуда во Фландрию. Ее внуки бежали в Ирландию; оттуда в течение того же и следующего года они дважды высаживались в Сомерсете и Девоншире. Последовавших за ними датчан-ирландцев невозможно было удержать от грабежа. Англичане, так же как и норманны, устояли перед ними, и надеждам Дома Годвинов пришел конец.

За завоеванием Эксетера последовало подчинение всего Запада. Все земли к югу от Темзы теперь были в повиновении Вильгельму. Глостершир, похоже, подчинился в то же время; представление Вустершира не имеет даты. За этим последовала обширная конфискация земель, скорее всего, медленными темпами. Его самой запоминающейся особенностью является то, что почти весь Корнуолл был пожалован брату Уильяма Роберту графу Мортейну. Его обширное поместье выросло в знаменитое Корнуоллское графство и герцогство более поздних времен. Южная Англия теперь была завоевана, и, поскольку Север не шелохнулся во время наступления Запада, вся страна внешне пребывала в мире. Теперь Уильям счел безопасным привезти с собой жену, чтобы разделить свое новое величие. Герцогиня Матильда приехала в Англию и была посвящена королевой в Вестминстере архиепископом Элдредом. Мы можем поверить, что ничто в его успехе не доставляло Уильяму большего удовольствия. Но присутствие Леди было важно и в другом отношении. Несомненно, она намеренно родила на английской земле своего младшего сына, впоследствии знаменитого короля Генриха Первого. Он единственный из детей Уильяма был в каком-то смысле англичанином. Родившийся на английской земле, сын коронованного короля и его супруги, англичане смотрели на него как на

соотечественника. И его отец считал мудрым поощрять такое чувство. Генри, впоследствии прозванный Клерком, воспитывался с особой тщательностью; он был обучен многим отраслям знаний, необычным для принцев его возраста, в том числе доскональному знанию языка своей родной страны.

Эксетерская кампания - из всех английских кампаний Вильгельма самая богатая политическими поучениями. Мы видим, как близки были на мгновение города Англии — как мы сейчас увидим главный город северной Галлии — к тому, чтобы следовать тем же курсом, что и города Италии и Прованса. Признаки той же тенденции иногда можно заподозрить и в других местах, но они проявляются не так явно. Более поздние кампании Вильгельма имеют глубочайшее значение в английской истории; они гораздо богаче описаниями личных участников, чем осада Эксетера; но вряд ли они проливают столько света на характер Вильгельма и его государственную мудрость. Уильям всегда готов, но никогда не торопится — всегда готов ждать, когда выжидание кажется лучшей политикой, всегда готов принять номинальный успех, когда есть шанс превратить его в реальный, но никогда не принимает номинальный успех как прикрытие поражения, никогда не теряет ни пяди земли, не приняв немедленно мер по ее восстановлению. Таким образом, в первой половине 1068 года он расширил свои владения до Конца Страны; до конца года он распространяет их на Тис. В следующем году ему действительно придется отвоевывать это снова; но он действительно отвоевывает это, и даже больше. В начале 1070 года он наконец стал, как на деле, так и на словах, полноправным королем всей Англии.

Север готовился к войне, пока война на Западе продолжалась, но одна часть Англии ничего не сделала, чтобы помочь другой. Летом движение на Севере приобрело форму. Номинальные графы Эдвин, Моркере и Госпатрич вместе с этелингом Эдгаром и другими покинули двор Вильгельма, чтобы встать во главе движения. Эдвин был особенно огорчен, потому что король обещал ему в жены одну из своих дочерей, но медлил с выдачей ее за него. Англичане заключили союзы с зависимыми принцами Уэльским и Шотландским и были готовы отразить любое нападение. Вильгельм двинулся в путь; взяв Эксетер, он захватил Уорик, возможно, Лестер. Этого было достаточно для Эдвина и Моркере. Они подчинились и снова были приняты благосклонно. Более отважные духи отступили на север, готовые защищать Дарем как последнее прибежище независимости, в то время как Эдгар и Госпатрик бежали ко двору Малькольма Шотландского. Вильгельм двинулся дальше, получив подчинение Ноттингема и Йорка; оттуда он повернул на юг, получив по пути подчинение Линкольна, Кембриджа и Хантингдона. И снова он считал своей политикой установить свою власть на землях, которые он уже завоевал, а не ставить под угрозу дело, сразу же продвигаясь дальше. В завоеванных городах он строил замки и размещал постоянные гарнизоны в каждом округе, раздавая поместья своим норманнам и другим последователям. Разные города и округа пострадали в разной степени, несомненно, в зависимости от степени сопротивления, оказанного в каждом из них. К Линкольну и Линкольнширу в целом относились благосклонно. Необычно большое количество англичан владело землями и офисами в сити и графстве. В Лестере и Нортгемптоне, а также в их графствах массовые конфискации и массовое разрушение домов указывают на упорное сопротивление. И хотя Дарем все еще оставался нетронутым, и хотя Вильгельм, несомненно, в настоящее время не имел намерения нападать на Шотландию, он считал

целесообразным со всей благосклонностью принять номинальную покорность, принесенную королем Шотландии руками епископа Дарема.

Если политика Вильгельма когда-либо и казалась менее осмотрительной, чем обычно, то это было в начале следующего, 1069 года. Крайний Север все еще выделялся. Уильям дважды поручал английским графам Нортумберленд вступить во владение, если они смогут. Теперь он рискнул на опасный шаг, послав незнакомца. Роберт Коминс был назначен графом, которого лишили из-за бегства Госпатрика. Пока стояла зима, он отправился со своим войском в Дарем. С помощью епископа его пустили в город, но он и все его войско были отрезаны жителями Дарема и его окрестностей. Короче говоря, экспедиция Роберта привела лишь к восстанию Йорка, где Эдгар был принят и замок подвергся осаде. Вильгельм лично выступил в поход со всей возможной скоростью; он освободил замок; он вернул себе город и укрепил его вторым замком на другом берегу реки. И все же он считал благоразумным не предпринимать в настоящее время никаких шагов против Дарема. Вскоре после этого последовала вторая попытка сыновей Гарольда на Западе.

Позже в этом году началась последняя война Вильгельма за королевство. В августе 1069 года пришла давно обещанная помощь из Дании. Свеген послал своего брата Осборна и его сыновей Гарольда и Кнута во главе всей мощи Дании и других северных земель. Если два предприятия сыновей Гарольда были спланированы совместно с их датскими родственниками, то захватчики или освободители с противоположных сторон не смогли действовать сообща. Не вполне ясны и собственные цели Свегена. Он стремился избавить Англию от Вильгельма и его норманнов, но не так ясно, в чьих интересах он действовал. Естественно, он стремился бы к английской короне для себя или для одного из своих сыновей; сыновей Гарольда он предпочел бы сделать графами, а не королями. Но его не интересовало правление Эдгара. И все же, когда датский флот вошел в Хамбер и все силы Севера выступили ему навстречу, во главе английского войска стоял наследник Сердика. Именно сейчас Уолтеф, сын Сиварда, граф Нортгемптонский и Хантингдонский, впервые выделяется как исполнитель главной роли. Госпатрик тоже был там, но на этот раз без Эдвина и Моркера. Датчане и англичане соединились и двинулись на Йорк; город был занят; замки взяты; нормандские военачальники взяты в плен, но только после того, как они подожгли город и сожгли большую его часть вместе с кафедральным собором. Удивительно читать, что после разрушения замков английское войско рассеялось, а датский флот отступил в Хамбер.

Англия снова была разорена отсутствием согласия. Известие о приходе датчан привело лишь к разрозненным движениям, которые подавлялись по частям. Жители Сомерсета и Дорсета, а также жители Девоншира и Корнуолла были подавлены по отдельности, и движение в Сомерсете было в значительной степени подавлено английскими войсками. Жители Эксетера, а также нормандский гарнизон замка выдержали осаду от имени Уильяма. Восстание на границе с Уэльсом при Эдрике привело только к сожжению Шрусбери; восстание в Стаффордшире было устроено Уильямом, чтобы призвать к своему собственному присутствию. Но сначала он вошел в Линдси и прогнал команды датских кораблей в Холдернесс; там он оставил двух нормандских вождей, одним из которых был его брат Роберт Мортенский и Корнуоллский; затем он двинулся на запад, покорил Стаффордшир и двинулся на Йорк через Ноттингем. Вынужденная задержка со стороны Эйра дала ему возможность провести переговоры с датскими лидерами. Осборн брал взятки, чтобы отказаться от дела Англии, и Уильям достиг Йорка и вступил в него без сопротивления. Он восстановил замки и провел

Рождество в полуобгоревшем городе. И теперь Уильям отказался от своей обычной политики милосердия. Северные графства было слишком трудно завоевать. Чтобы ослабить их, он издал указ о безжалостном опустошении всей страны, прямые последствия которого были видны в течение многих лет и которые на века оставили свой след в английской истории. До тех пор, пока рост современной промышленности не изменил относительное положение Северной и Южной Англии, старое Нортумбрийское королевство так и не оправилось полностью от удара, нанесенного Вильгельмом, и оставалось самой отсталой частью страны. Это один из самых замечательных результатов прихода Вильгельма. Его величайшей работой было превратить Англию в королевство, о разделе которого отныне никто и не думал. Но обстоятельства его завоевания Северной Англии привели к тому, что в течение нескольких столетий единство Англии должно было принимать форму явного преобладания Южной Англии над Северной. Правление Вильгельма усилило все тенденции в этом направлении, главным образом из-за страшного удара, нанесенного физической силе и благополучию северных графств. С одной стороны, нормандское завоевание действительно было завоеванием саксов. Король Лондона и Винчестера стал более полноправным, чем когда-либо, королем всей страны.

Теперь Завоевателю оставалось только собрать то, что еще оставалось завоевать. Но что касается военных подвигов, то нет ничего более запоминающегося, чем зимние походы, которые привели Вильгельма в полное владение Англией. Земли за Тисом все еще держались; в январе 1070 года он отправился покорять их. Графы Уолтеоф и Госпатрич подали заявление, Уолтеоф лично, Госпатрич по доверенности. Уильям вернул им обоим графские титулы и оказал Уолтефу высочайшую милость, выдав за него замуж свою племянницу Джудит. Но он систематически растрчивал землю, как растратил Йоркшир. Затем он вернулся в Йорк и оттуда отправился покорять последний город и графство, которые еще держались. Страшный поход привел его к единственному оставшемуся фрагменту свободной Англии - непокоренной земле Честер. Мы не знаем, как пал Честер, но эта земля была завоевана не без сражений, и наказанием за это было ужасное опустошение. Во всем этом мы видим отчетливую стадию морального падения в характере Завоевателя. И все же это совершенно характерно. Все спокойно, обдуманно, политично. У Уильяма больше не будет восстаний, и он любой ценой сделает страну неспособной к восстанию. И все же, как всегда, кровь проливается только в битвах. Если люди умирали от голода, это было делом рук не Уильяма; более того, милосердные люди, такие как аббат Этельвиг из Ившема, могли бы сделать все, что в их силах, чтобы помочь страждущим. Но законный король, которого так долго держали вне своего королевства, хотел, любой ценой, стать королем всей страны. И великое опустошение северных графств было ценой, заплаченной за царствование над ними Вильгельма.

В Честере была закончена работа, начатая в Певенси. Менее чем за три с половиной года, с перерывами на мир, нормандский захватчик стал королем всей Англии. Он завоевал королевство; теперь ему предстояло сохранить его. Ему пришлось в течение семнадцати лет бороться с восстаниями по обе стороны моря, с восстаниями как англичан, так и его собственных последователей. Но в Англии его власть никогда не была поколеблена; в Англии он никогда не знал поражений. Своих врагов-англичан он покорил; датчанам было позволено остаться и каким-то образом помогать ему в работе, грабя зимой. Теперь король двинулся к Солсбери того дня, глубоко огороженному холму Старого Сарума. Люди, завоевавшие Англию, прошли смотр на великой равнине и получили свои награды. Некоторые из них из-за

невыполнения служебных обязанностей во время зимних маршей потеряли право на вознаграждение. Их наказанием было оставаться при оружии на сорок дней дольше, чем их товарищи. Уильям мог довериться тем самым мятежникам, которых он выбрал для наказания. Теперь он должен был начать свое настоящее правление; и поборник Церкви должен был прежде всего изменить порочные обычаи погруженных во мрак островитян и дать им пастырей для их душ, которые могли бы наставить их на путь истинный.

ГЛАВА IX. ЗАСЕЛЕНИЕ Англии. 1070-1086гг.

Теперь Англия была полностью завоевана, и Вильгельм мог на мгновение спокойно приступить к управлению завоеванным им королевством. О времени, которое сразу последовало за этим, говорят как о времени сравнительного спокойствия и меньшего угнетения, чем о временах до или после. До и после войны основным бизнесом были войны по ту или иную сторону моря. До сих пор Вильгельм завоевывал свое королевство с оружием в руках. Впоследствии его все чаще вызывали в его иностранные владения, и его отсутствие всегда приводило к еще большему притеснению в Англии. Как раз сейчас у него была минута отдыха, когда он мог посвятить свои мысли делам Церкви и государства в Англии. Мир действительно не был совсем нерушимым. События развивались в направлении знаменитого восстания на Фенландии, которое, возможно, является наиболее запоминающейся частью правления Вильгельма. Но даже это движение было чисто местным и не оказало серьезного влияния на правительство Вильгельма. Теперь он стремился установить на земле мир и сделать свое правление как можно менее тягостным для побежденных. Опустошение Нортумберленда показало, что теперь он не боялся никакой жестокости, которая служила бы его целям; но от простого бесцельного угнетения он все еще был свободен. Он также никогда не был склонен к ненужным переменам или к тому презрению к побежденным, которое часто проявляли более подлые завоеватели. Он явно хотел как можно меньше меняться и угнетать других. Это та сторона его личности, которая была сильно неправильно понята, в основном из-за книги, которая считается "Историей Ингульфа, аббата Кроуленда". Ингульф был английским секретарем Вильгельма; подлинная история его творчества была бы очень ценной. Но книга, которая носит его имя, является подделкой не старше четырнадцатого века и во всех пунктах противоречит подлинным документам того времени. Таким образом, фальсификатор заставляет Уильяма попытаться отменить английский язык и предписать использовать французский в юридических трудах. Это чистый вымысел. Правда в том, что со времени прихода Вильгельма английский язык выходит из употребления в юридических трудах, но лишь постепенно, и не в пользу французского. Со времен прихода Августина английский и латынь были альтернативными языками; после прихода Уильяма английский становится менее распространенным, и в течение двенадцатого века он выходит из употребления в пользу латыни. До XIII века не сохранилось ни одного французского документа, и в этом столетии английский начинается снова. Вместо того чтобы отменить английский язык, Уильям позаботился о том, чтобы его сын, родившийся в Англии, выучил его, и даже начал изучать его сам. Король тех дней считал своим долгом выслушивать жалобы своих подданных и удовлетворять их; он должен был проехать по стране и лично убедиться, что те, кто действовал от его имени, поступали правильно среди его народа. Так поступали прежние короли; это хотел сделать Вильгельм; но он обнаружил, что его незнание английского языка является препятствием. Заботы другого рода препятствовали его изучению английского, но, возможно,

он узнал достаточно, чтобы понимать значение своих собственных английских уставов. Вильгельм также не пытался, как это часто воображают, искоренить древние институты Англии и установить вместо них либо существующие институты Нормандии, либо какие-то новые институты собственного изобретения. Правда в том, что при Вильгельме начались постепенные изменения в законах и обычаях Англии, несомненно, значительные, но гораздо меньшие, чем принято думать. Французские имена часто вытесняли английские, и из-за этого количество изменений казалось больше, чем было на самом деле. Тем не менее за нормандским завоеванием последовало много перемен, и нормандское завоевание было настолько полностью делом рук Вильгельма, что все, что из этого вышло, было в некотором роде и его деянием. Но эти изменения были в основном постепенными результатами положения вещей, последовавшего за приходом Вильгельма; они лишь в незначительной степени были результатами любых его официальных действий. При иностранном короле и иностранцах на всех высоких постах не могли не последовать большие практические перемены, даже там, где буква закона оставалась неизменной. Тем не менее, практические изменения были меньшими, чем если бы была изменена буква закона. Английское право находилось в ведении иностранных судей; иностранные грантополучатели Уильяма владели английской землей в соответствии с английским законодательством. У норманна не было особого положения как у норманна; во всех рангах, за исключением, возможно, самого высокого и самого низшего, он считал англичан своими товарищами. Все это помогло придать норманнскому завоеванию Англии его особый характер, придать ему вид, что оно уничтожило все английское, в то время как его настоящая работа заключалась в превращении чужаков в англичан. И этот персонаж был запечатлен в творчестве Уильяма самим Уильямом. Король, претендующий на это по законному праву, но вынужденный отстаивать свое право мечом, был непохож как на иностранного короля, который приходит мирным путем наследования, так и на иностранного короля, который приходит даже без предлога закона. Норманны тоже, будучи прирожденными солдатами, были прирожденными юристами, и ни на кого дух законности не производил более глубокого впечатления, чем на самого Вильгельма. Он не любил ни изменять закон, ни преступать его, и у него не было особой необходимости делать ни то, ни другое. Он знал, как сделать закон своим орудием и, не изменяя и не преступая его, использовать его, чтобы сделать себя всемогущим. Он в полной мере наслаждался той системой юридических фикций и официальных эвфемизмов, которая характерна для его правления. Сам Вильгельм стал в некотором роде англичанином, и те, кому он даровал английские земли, должны были в некотором роде стать англичанами, чтобы удержать их. Норманн занял место англичанина, землей которого он владел; он принял его права и его ношу, и споры об этих правах и ноше рассматривались в соответствии с английским правом свидетелями англичан. Правя двумя расами на одной земле, Уильям был бы равным владыкой обеих, способным в случае необходимости использовать одну из них против другой. Он извлек бы максимум пользы из всего, что было в чувствах и обычаях любого из них, что способствовало бы укреплению его собственных рук. И при том положении вещей, в котором тогда оказались люди, все, что укрепляло руки Уильяма, укрепляло закон и порядок в его королевстве.

Таким образом, ничто не могло побудить Уильяма внести какие-либо существенные изменения в букву английского закона. Власть английского короля, которой он владел так, как он умел ею пользоваться, сделала его настолько великим, насколько он мог пожелать. Если признать изначальную неправоту его прихода вообще и то, что он привел с собой множество незнакомцев, то в действиях Завоевателя на удивление мало что можно обвинить. О

кровопролитии, о бессмысленном вмешательстве в закон и обычаи известно удивительно мало. Считалось, что англичане и норманны жили в мире под равной защитой короля Вильгельма. Две расы сближались; начинался процесс, который сто лет спустя сделал невозможным ни в каком ранге, кроме высшего и низшего, отличить норманна от англичанина. Среди мелких землевладельцев и горожан это смешение уже началось, в то время как графы и епископы еще не были столь исключительно норманнами, и свободные люди Англии еще не пали так низко, как на более поздней стадии. Тем не менее, для урегулирования отношений двух рас требовалось какое-то законодательство. Король Вильгельм провозгласил “обновление закона короля Эдуарда”. Эту фразу часто понимают неправильно; это обычная форма, когда мир и благой порядок восстанавливаются после периода беспорядков. Последнее правление, на которое оглядываются как на время хорошего правления, становится стандартом хорошего правления, и между королем и народом, между соперничающими расами или партиями достигнуто соглашение, что все должно быть так, как было во времена образцового правителя. Итак, мы слышим в Нормандии о возобновлении действия закона Рольфа, а в Англии - о возобновлении действия закона Кнута. Так в более ранние времена датчане и англичане договорились о возобновлении действия закона Эдгара. Так что теперь норманны и англичане договорились о возобновлении действия закона Эдуарда. Не было никакого кодекса, разработанного ни Эдуардом, ни Уильямом. Уильям просто обязал себя править так, как правил Эдуард. Но, восстанавливая закон короля Эдуарда, он добавил: “с дополнениями, которые я издал в интересах английского народа”.

Эти несколько слов действительно весомы. Небольшое законодательство правления Вильгельма повсюду принимает форму дополнений. Ничто старое не отменяется; несколько новых законодательных актов устанавливаются рядом со старыми. И эти слова описывают не только фактическое законодательство Вильгельма, но и широчайший общий эффект его прихода. Нормандское завоевание мало что сделало для какой-либо прямой отмены старых английских законов или институтов. Но это создало несколько новых институтов наряду со старыми; и это принесло немало имен, привычек и способов смотреть на вещи, которые постепенно сделали свое дело. В Англии никто ничего не разрушал; многие дополняли и модифицировали. Наш закон по-прежнему остается законом короля Эдуарда с дополнениями короля Вильгельма. Некоторые старые учреждения получили новые названия; некоторые новые учреждения с новыми названиями возникли рядом со старыми. Иногда старое сохраняется, иногда новое. У нас все еще есть *король* а не *монарх*; но он собирает вокруг себя *парламент*, а не *витенагемот*. У нас есть *шериф*, а не *виконт*; но его округ чаще называют *графством* чем *графством*. Но *графство* и *шир* по-французски и по-английски означают одно и то же, а “парламент” просто по-французски обозначает “глубокую речь”, которую король Вильгельм произнес со своим Витаном. Национальное собрание Англии не раз меняло свое название и свою конституцию, но оно никогда не менялось в результате какой-либо внезапной революции, никогда до более поздних времен каким-либо формальным актом. Не было такого момента, когда один вид сборки вытеснял другой. И это произошло потому, что наш Победитель, как по своему характеру, так и в силу обстоятельств, был вынужден действовать как хранитель, а не как разрушитель.

Величайшие зарегистрированные акты Вильгельма, административные и законодательные, относятся к последним дням его правления. Но есть несколько указов Вильгельма, относящихся к разным периодам его правления, и некоторые из них относятся к этому первому моменту мира. Здесь мы отчетливо видим Уильяма как английского государственного деятеля,

как государственного деятеля, который знал, как добиться радикальных перемен в консервативных формах. Один из законов, возможно, самый ранний из всех, предусматривал безопасность чужеземцев, которые пришли с ним, чтобы покорить эту землю и поселиться на ней. Убийство норманна англичанином, особенно незваного гостя-норманна обездоленным англичанином, несомненно, случалось часто. Поэтому Уильям заботится о безопасности тех, кого он называет “людьми, которых я привел со мной или которые пришли после меня”, то есть воинами Сенлака, Эксетера и Йорка. Эти люди заключены в его собственном покое; зло, причиненное им, - это зло, причиненное королю, его короне и достоинству. Если убийца не может быть найден, лорд и, в противном случае, сотня должны заплатить королю. Из этого выросло представление об *англичанстве*, одном из немногих официальных знаков различия между побеждающей и покоренной расой. Его практическая потребность не могла продлиться дольше одного-двух поколений, но как форма он сохранялся столетия спустя после того, как потерял всякий смысл. Неизвестный труп, если не было доказано, что убитый был англичанином, был принят за труп человека, прибывшего с королем Вильгельмом, и был наложен штраф. Когда две нации жили бок о бок на одной земле, требовались какие-то другие законодательные акты. Как в прежние времена римлянин и варвар соблюдали каждый свой закон, так и теперь для некоторых целей француз — “Франсиджена” — и англичанин соблюдали свой собственный закон. В основном это касается способов обращения к Божьему суду в сомнительных случаях. Англичане делали это путем тяжелых испытаний, норманны - путем заключения боевого пари. Когда представитель одной нации подавал апелляцию на представителя другой, обвиняемый выбирал способ судебного разбирательства. Если англичанин подаст апелляцию французам и тем или иным способом откажется доказать свое обвинение, француз может оправдать себя под присягой. Но эти привилегии были строго ограничены французами, прибывшими с Вильгельмом и после него. Французы, которые во времена Эдуарда поселились в Англии как на земле по собственному выбору, считались англичанами. Другие постановления, свежие дополнения к старым законам, коснулись обеих рас. Работоторговля была широко распространена в своей наихудшей форме; людей продавали с земли, главным образом датчанам Ирландии. Прежние короли осуждали это преступление, а прежние епископы проповедовали против него. Уильям снова осудил это под страхом конфискации всех земель и имущества, и святой Вульфстан, епископ Вустерский, убедил главных нарушителей, англичан из Бристоля, на время отказаться от своего любимого греха. Однако в следующее царствование Ансельму и его синоду пришлось еще раз осудить преступление под страхом духовного наказания, когда у них больше не было сильной руки Вильгельма, чтобы привести его в исполнение.

Другой закон более чем полностью отражает личное влияние Уильяма. В нем он сразу, с одной стороны, предупреждает самые гуманные теории современности, а с другой - самым прямым образом грешит против них. Его поразительное нежелание предавать смерти кого бы то ни было, за исключением случая на поле боя, было в какой-то степени чувством его возраста. У него это чувство принимает форму формального закона. Он запрещает смертную казнь за любое преступление. Но те, кто по этому поводу склонен считать Завоевателя сочувствующим, будут шокированы следующим законом. Те преступления, за которые короли, менее милосердные, чем Вильгельм, наказали бы смертью, должны быть наказаны потерей глаз или другими отвратительными и жестокими увечьями. Наказания такого рода сейчас кажутся более отвратительными, чем смерть, хотя, возможно, сейчас, как и тогда, сам страдалец может думать иначе. Но в те дни замена увечья смертью в случае преступлений, которые, по общему мнению,

заслуживали смертной казни, повсеместно считалась актом милосердия. Серьезные люди боялись отправлять своих собратьев за пределы мира, возможно, не имея времени для раскаяния; но физическому сочувствию к физическим страданиям было мало места в их умах. В следующем столетии постепенно появляется чувство протеста против нанесения телесных увечий; но пока что самые кроткие и вдумчивые люди, как, например, сам Ансельм, не протестуют против этого, когда считают, что оно действительно заслужено. Нет никаких признаков каких-либо общих жалоб на этот счет. Английский хронист приветствует строгую полицию, частью которой было нанесение увечий, и в одном случае он намеренно считает это подходящим наказанием за правонарушение. На самом деле, когда исправительные учреждения были неизвестны, а легальных тюрем было мало и они вызывали отвращение, было что сказать в пользу наказания, которое лишало преступника возможности повторить свое преступление. В юриспруденции Вильгельма нанесение увечий стало обычным приговором убийце, грабителю, насильнику, иногда также английским бунтовщикам против власти Вильгельма. Короче говоря, мы должны уравновесить его милосердие с милосердием Кирка и Джеффриса.

Основанием, на котором английский Хронист действительно поднимает свой вопль от имени своих соотечественников, является особая судебная практика лесов и вымогательство денег, в которых он обвиняет Завоевателя. В обоих этих пунктах королевская рука стала намного тяжелее при нормандском правлении. В обоих случаях характер Уильяма становился темнее по мере того, как он становился старше. Он обвиняется в незаконном вымогательстве денег, что соответствует его характеру как суверена, так и землевладельца. Мы читаем о его жесткой практике в отношении прибыли королевских владений. Он выгнал бы арендатора, которому только что сдал землю, если бы другой предложил более высокую арендную плату. Но что касается налогообложения, мы должны помнить, что поборы Вильгельма, какими бы тяжелыми они ни были в то время, были шагом в направлении регулярного правления. В те дни любое налогообложение не нравилось. Прямое взятие денег подданного королем считалось экстраординарным ресурсом, который мог быть оправдан только какой-нибудь чрезвычайной ситуацией, чтобы откупиться от датчан или нанять солдат против них. Люди еще долго после этого мечтали, что король может “жить сам по себе”, что он может оплачивать все расходы своего двора и правительства из ренты и услуг, причитающихся ему как землевладельцу, не требуя от своего народа ничего в качестве суверена. Требования денег от имени короля теперь стали более тяжелыми и частыми. И еще одно изменение, которое долгое время постепенно срабатывало, теперь достигло апогея. Когда столетия спустя королю было приказано “жить самостоятельно”, люди забыли, что земля Короля когда-то была землей нации. Во всех тевтонских общинах, больших и малых, как и в городских общинах Греции и Италии, сама община была главным землевладельцем. У нации был свой *народ*, свой *ager publicus*, собственность не одного человека, а всего государства. Из этого, по общему согласию, могут быть отрезаны части и *забронированы* — предоставлены по письменному документу — определенным мужчинам в качестве их собственной *книжной страны*. У короля могло быть свое личное поместье, которым он распоряжался по своему усмотрению, но в *фолкленде*, стране нации, он был всего лишь главным администратором, обязанным действовать по совету своего витана. Но в этом случае больше, чем в других, совет витана не мог не стать формальным; на *фолкленд*, постоянно растущий за счет конфискаций, постоянно уменьшающийся за счет грантов, постепенно стали смотреть как на землю короля, с которой нужно поступать так, как он сочтет нужным. Мы не должны ожидать каких-либо формальных

изменений; но во времена Эдуарда представление о *фолкленде* как о владении нации, а не короля, могло быть только пережитком, а во времена Вильгельма даже пережиток исчез. Земля, которая практически принадлежала королю Эдуарду, стала, как само собой разумеющееся, *Terra Regis*, землей короля Вильгельма. Эта земля теперь была увеличена за счет больших конфискаций и уменьшена за счет больших пожалований, чем когда-либо. На мгновение каждое светское поместье было частью земель Уильяма. И гораздо больше, чем было земель нации, оставалось землей короля, с которой следовало поступать так, как он считал нужным.

В сфере владения землей Вильгельм, по-видимому, не внес никаких формальных изменений. Но обстоятельства его правления придали большую силу определенным тенденциям, которые долгое время были на плаву. И на их основе, в следующее правление, злобный гений Рэндольфа Фламбарда разработал систематический кодекс угнетения. Однако даже в его работах мало формальных изменений. Законов Уильяма Руфуса не существует. Так называемые феодальные инциденты, притязания на брак, опеку и тому подобное со стороны лорда, древнего *гериота*, переросшего в более позднее *облегчение*, все это было в зародыше при Уильяме, как и задолго до него. В руках Рэндольфа Фламбарда они превращаются в устоявшийся обычай; их юридическое признание исходит из хартии Генриха Первого, которая обещает исправить их злоупотребления. Таким образом, Завоеватель недвусмысленно заявлял о своем праве вмешиваться в браки своей знати, во всяком случае запрещать браки, против которых он возражал по соображениям политики. При Рэндольфе Фламбарде это стало обычным иском, который, конечно же, был превращен в средство вымогательства денег. При Генри претензия регулируется и модифицируется, но, будучи регулируемой и модифицированной, она становится юридически установленной.

Обычное управление королевством продолжалось при Вильгельме, сильно измененное обстоятельствами его правления, но почти не изменившееся внешне. Подобно королям, которые были до него, он “надевал свою корону” на три великих праздника: на Пасху в Винчестере, на Пятидесятницу в Вестминстере, на Рождество в Глостере. Подобно королям, которые были до него, он собирал вместе великих людей королевства, а когда возникала необходимость, то и мелких людишек. По-видимому, ничего не изменилось ни в конституции, ни в полномочиях ассамблеи, но ее дух, должно быть, полностью изменился. Самый внутренний круг - графы, епископы, высшие государственные и домашние чины - постепенно превратился из группы англичан с несколькими незнакомцами среди них в группу незнакомцев, среди которых два или три англичанина все еще сохраняли свои места. Результатом их “глубокой речи” с Уильямом, скорее всего, не могло быть ничего, кроме согласия с волей Уильяма. Обычный свободный человек не утратил своего абстрактного права приходить и кричать “Да, да” в ответ на любое дополнение, которое король Вильгельм внес к закону короля Эдуарда. Но ничто не могло соблазнить его приехать, если только король Вильгельм не сочтет нужным пригласить его. Но, по крайней мере, однажды Вильгельм собрал вместе если не всех свободных людей, то хотя бы всех фригольдеров самого незначительного ранга. В одном пункте Завоеватель полностью принял решение; в одном пункте он должен был быть благодетелем своего королевства во все последующие века. Королевство Англии должно было быть единым и неделимым. Ни один правитель или подданный в королевстве Англии не должен снова мечтать о том, что это королевство может быть расколото на части. Когда он предложил Гарольду стать младшим королем королевства или какой-то его части, он сделал это, несомненно, только в полной уверенности, что предложение будет отклонено. О подобном предложении больше не должно быть слышно. Не должно быть такого разделения, какое было между Кнудом и

Эдмундом, между Хартакнутом и первым Гарольдом, о каком Эдвин и Моркир мечтали в более поздние времена. Королевство также не должно быть расколото на части тем более тонким способом, который Вильгельм из всех людей понимал лучше всего, - способом, которым раскололись франкские королевства, Восточное и Западное. У него не было бы герцогов или графов, которые могли бы стать королями во всем, кроме названия, каждый в своем собственном герцогстве или графстве. Ни один человек в его королевстве не должен относиться к нему так, как он относился к своему сюзерену в Париже. Ни один человек в его королевстве не должен ссылаться на долг по отношению к непосредственному лорду в качестве оправдания нарушения долга по отношению к лорду этого непосредственного лорда. Отсюда и политика Вильгельма по отношению к графским титулам. Ничто не могло сравниться с великими правительствами, которые были у Годвина, Леофрика и Сиварда; граф западных саксов или нортумбрийцев был слишком похож на герцога норманнов, чтобы его мог терпеть тот, кто сам был герцогом норманнов. Граф, даже назначенный королем, по-прежнему представлял собой отдельное существо в округе, над которым он был поставлен. Он был представителем короля, а не просто его должностным лицом; если он был магистратом, а не принцем, он часто занимал место бывших принцев и легко мог вырасти в принца. И наконец, в самом конце своего правления, завершая свою работу, он сделал последний шаг, который навсегда сделал Англию единой. В 1086 году каждый землевладелец в Англии поклялся быть верным королю Вильгельму внутри Англии и за ее пределами и защищать его от его врагов. Долг подданного перед королем заключался в выполнении любого долга, который вассал мог быть обязан любому низшему лорду. Когда король был воплощением национального единства и упорядоченного правления, это был величайший из всех шагов в направлении того и другого. Никогда Вильгельм или какой-либо другой человек не действовал более отчетливо как английский государственный деятель, никогда ни один поступок не имел более прямого отношения к последующему становлению Англии, чем этот достопамятный поступок Завоевателя. Вот дополнение, которое Вильгельм внес в закон Эдуарда для истинного блага английского народа. И все же ни одно постановление никогда не было понято более превратно. Юрист за юристом излагали в своих книгах, что на ассамблее в Солсбери в 1086 году Уильям ввел "феодальную систему". Если слова "феодальная система" имеют какое-либо значение, то целью принятого сейчас закона было воспрепятствовать проникновению любой "феодальной системы" в Англию. Вильгельм был бы королем королевства, главой содружества, личным повелителем каждого человека в своем королевстве, а не просто, как король Франции, внешним повелителем принцев, подданные которых не были ему преданы. Этот величайший памятник государственной мудрости Завоевателя был приведен в исполнение специальным собранием английской нации, собравшимся в первый день августа 1086 года на великой равнине Солсбери. Теперь, возможно, впервые, мы получаем четкое представление о лордах и палатах общин. Теперь выделяются витаны, великие люди королевства, и "землевладельцы", вся группа землевладельцев. Дело в том, что Уильям требовал личного присутствия каждого человека, чья личная преданность, по его мнению, того стоила. Каждый человек в смешанном собрании, действительно смешанном по расе и языку, люди самого короля и люди других лордов, принесли присягу и стали людьми короля Вильгельма. В тот день Англия навсегда стала королевством, единым и неделимым, с которым с того дня ни один человек не мечтал расстаться.

Великое собрание 1086 года снова войдет в число событий более позднего правления Вильгельма; здесь оно происходит как последний акт того всеобщего урегулирования, которое началось в 1070 году. Это поселение, помимо своей светской стороны, имеет и церковную, но несколько иного характера. В обоих случаях приход Вильгельма привел островное королевство к более тесной связи с континентом, а также привел к большому перемещению англичан и большому продвижению по службе иностранцев. Но с церковной стороны, хотя изменения были менее жестокими, было более заметное начало нового положения вещей. Религиозный миссионер был более склонен к инновациям, чем военный завоеватель. Здесь Вильгельм не только добавил, но и изменил; в одном пункте он даже заявил, что существующий закон Англии плох. Конечно, религиозное состояние Англии, вероятно, вызывало недовольство церковников с материка. Английская церковь, столь прямое порождение римской, именно по этой причине была менее зависимой от своего родителя. Она была свободной колонией, а не завоеванной провинцией. Английская церковь тоже была наиболее отчетливо национальной; ни одна страна не была так близка к тому идеальному положению вещей, при котором Церковь является нацией с ее религиозной стороны. Таким образом, папская власть в Англии была слабее, чем где бы то ни было, и менее четко проводилась граница между духовными и мирскими вещами и юрисдикциями. Две дружественные державы могли позволить себе вольности друг с другом. Национальные собрания рассматривали как церковные, так и мирские вопросы; действительно, один из наших древних законов порицает любое собрание, поступившее иначе. Епископ и граф заседали вместе в местном *Гемоте*, чтобы решать многие вопросы, которые, согласно континентальным представлениям, должны были рассматриваться отдельными судами. И из-за того, что в континентальных глазах казалось странной распущенностью дисциплины, священники, епископы, члены капитулов часто были женаты. Английские епархиальные порядки отличались от континентальных моделей. В Галлии, по римской традиции, епископ был епископом города. Его епархия была отмечена степенью гражданской юрисдикции города. Его дом, его главная церковь, его *епископский престол* в главной церкви - все это было в городе. В Тевтонской Англии епископом обычно был епископ не города, а племени или округа; его стиль был стилем племени; его дом, его главная церковь, его епископский престол могли находиться где угодно на территории этого племени. И все же, что важнее всего, дела в Англии были полностью по душе Вильгельму; нигде король так отчетливо не проявлялся как Верховный Правитель Церкви. В Англии, как и в Нормандии, право суверена на получение церковных пособий было древним и неоспоримым. То, что свободно делал Эдуард, Вильгельм продолжал свободно делать, и сам Гильдебранд никогда не осмеливался ни словом возразить против власти, которую он считал столь неправомерной в руках его собственного государя. Вильгельму оставалось только отстаивать права своих предшественников. Когда Григорий попросил о почитании короны, которую он в некотором роде передал, Вильгельм ответил действительно как английский король. То, что короли до него сделали для римского престола или заплатили ему, он сделает и заплатит; но такого ни один король до него никогда не делал, и он не будет первым, кто сделает это. Но пока Вильгельм таким образом сохранял права своей короны, он был готов делать все, что казалось необходимым для церковной реформы. И общим результатом его реформы стало ослабление островной независимости Англии, превращение ее Церкви в более похожую на другие Церкви Запада и усиление власти римского епископа.

Теперь у Уильяма был единомышленник в его вкусе. Тонкий дух, который помог завоевать его королевство, теперь был на его стороне, помогая ему управлять им. Через несколько месяцев

после взятия Честера Ланфранк воссел на трон Августина. Как только фактическое завоевание закончилось, Вильгельм начал думать о церковных делах. Это могло бы выглядеть святотатством, когда он подвергал нападкам все монастыри Англии. Но ни монахам, ни их имуществу не было причинено никакого вреда. Святые дома были обысканы в поисках сокровищ, которые английские богачи, опасаясь нового короля, припрятали в монастырских сокровищницах. Уильям рассматривал эти сокровища как часть конфискованного имущества повстанцев и унес их во время Великого поста 1070 года. Сделав это, он неуклонно взялся за реформу Английской церкви.

Его сопровождали три папских легата, один из которых, Эрменфрид, епископ Ситтенский, прибыл с аналогичным поручением во времена Эдуарда. Это было своего рода торжественное подтверждение Завоевания, когда на ассамблее, состоявшейся в Винчестере в 1070 году, Эрменфрид возложила ему на голову королевскую корону. Теперь началась работа по смещению английских прелатов и назначению иностранных преемников. Первенство Йорка регулярно оставалось вакантным; Элдред погиб, когда датчане плыли вверх по Хамберу, чтобы штурмовать или освободить его город. Первенство Кентербери должно было стать вакантным после низложения Стиганда. Его каноническое положение всегда было сомнительным; ни Гарольд, ни Вильгельм не были коронованы им; однако Вильгельм до сих пор относился к нему с подчеркнутой вежливостью и посвятил по крайней мере одного нормандского епископа, Ремигиуса Дорчестерского. Теперь он был лишен как архиепископства, так и епископства Винчестерского, которое принадлежало ему вместе с ним, и содержался под стражей до конца своей жизни. Согласно иностранным каноническим правилам, приговор может сойти за справедливый; но он ознаменовал этап в завоевании Англии, когда мужественный англичанин был смещен с самого высокого места в Английской церкви, чтобы освободить место самому сокровенному советнику Завоевателя. На ассамблее пятидесятников, проходившей в Виндзоре, Ланфранк был назначен архиепископом; его оправдания были преодолены его старым мастером Херлвином из Бека; он прибыл в Англию и 15 августа 1070 года был посвящен в сан первосвященника.

На этих собраниях имели место и другие лишения и назначения. Йоркский престол был передан Томасу, канонику из Байе, человеку с высоким характером и запоминающемуся в местной истории своего престола. Аббатство Питерборо опустело после смерти Брэнда, который получил посох от некоронованного Эдгара. Только богатыми подарками он отвел гнев Вильгельма от своего дома. Возможно, на Болотистой местности уже началось волнение, и аббату Питерборо, возможно, придется действовать как военачальнику. В данном случае назначенный прелат, норманн по имени Туролд, соответственно, был скорее солдатом, чем монахом. С этих собраний 1070 года продолжается серия церковных изменений Вильгельма. Когда английские епископы умирают или лишаются власти, их место занимают чужаки. Обычно они норманны, но Уолчер, ставший епископом Дарема в 1071 году, был одним из тех уроженцев Лотарингии, которые пользовались большим благосклонностью во времена Эдуарда. На момент смерти Вильгельма Вульфстан был единственным англичанином, сохранившим епископство. Когда-то думали даже о его лишении. История приобретает легендарную форму, но она проливает важный свет на отношения Церкви и государства в Англии. На собрании, проходящем в Западном соборе, Уильям и Ланфранк призывают Вульфстана отказаться от своего посоха. Он отказывается; он вернет его тому, кто его подарил, и поместит на могилу своего покойного мастера Эдварда. Ни один из его врагов не сможет сдвинуть его с места. Он вспоминает фразу, и посох поддается его прикосновению. Эдуард еще не был

канонизированным святым; обращение просто от живого и иностранного короля к мертвому и родному королю. Эта легенда, возникшая в то время, когда Западная Европа была раздираема на части борьбой за инвеституры, лучше, чем самые достоверные документы, доказывает, что право, в котором папы отказывали императорам, считалось само собой разумеющимся в случае с английским королем. Но в то время как трофеи Англии, мирские и духовные, были, таким образом, рассеяны по всему миру среди людей расы завоевателей, по крайней мере двое из них отказались участвовать в добыче, которую они считали несправедливой. Один доблестный нормандский рыцарь, Гульберт из Хьюгвлля, сопровождал Вильгельма во всех его кампаниях, но когда в качестве награды ему были предложены английские поместья, он отказался участвовать в несправедливых завоеваниях и вернулся на земли своих отцов, которыми мог владеть со спокойной совестью. А один монах, Вимунд из Сен-Лютфрида, не только отказался от епископства и аббатства, но и упрекнул Завоевателя в неправде и грабежах. И Вильгельм не держал зла на своего цензора, но, когда архиепископство Руана стало вакантным, он предложил его человеку, который упрекнул его. Среди достойных людей Англии Гульберт и Вимунд вряд ли могут претендовать на место, но им, несомненно, должно принадлежать место среди людей, которых чтит Англия.

Первенство Ланфрана - одно из самых запоминающихся в нашей истории. По словам притчи, изложенной Ансельмом в следующее царствование, плуг Английской церкви в течение семнадцати лет тянули два вола равной силы. По древнему английскому обычаю архиепископ Кентерберийский был специальным советником короля, особым представителем его Церкви и народа. Ланфранка нельзя обвинить в каком-либо прямом притеснении; и все же в руках чужака, которому предстояло совершить духовное завоевание, трибунская должность бывших архиепископов уступила место должности главного министра монарха. В первом действии их совместного правления интересы короля и примаса были одинаковыми. Ланфранк стремился к более четкому признанию превосходства Кентербери над конкурирующей метрополией Йорком. И это соответствовало планам Вильгельма по консолидации королевства. Политические мотивы очевидны. Нортумберленд, который было так трудно покорить и который все еще был открыт для датских захватчиков или освободителей, по-прежнему был опасен. Независимый архиепископ Йоркский мог бы посвятить в сан короля Нортумбрии, местного или датского, который мог бы вырасти в короля Англии. Северная столица была вынуждена неохотно признать превосходство и нечто большее Южной. Осторожность Вильгельма и его духовного советника включала в число возможных шансов то, что даже Томас из Байе может короновать вторгшегося Кнута или Гарольда в противовес своему родному суверену и благодетелю.

Для каких-то своих целей Уильям, возможно, слишком мудро выбрал своего министра. Цели двух коллег не всегда совпадали. Ланфранк, выходец из империалистической Павии, не был фанатиком экстравагантных папских притязаний. Осторожность, с которой он вел себя во время раскола, последовавшего за распрей между Григорием и Генрихом, навлекла на него не одно папское порицание. Тем не менее, общая тенденция его правления была направлена на рост церковных и даже папских притязаний. Уильям никогда не мечтал отказаться от своего церковного превосходства или освободить церковников от обычной власти закона. Но разделение гражданской и церковной юрисдикции, увеличение частоты проведения синодов, отличных от генеральных ассамблей королевства, — даже при том, что действия этих синодов

требовали королевского согласия, — были шагами к тому освобождению церковников от гражданской власти, которое было подтверждено в одном запоминающемся высказывании в конце правления самого Вильгельма. Вильгельм мог выстоять против самого Гильдебранда; однако расширение сношений с Римом, более частое присутствие римских легатов — все это вело к усилению папских притязаний и почтительного отношения к ним. Вильгельм отказался принести дань уважения Грегори; но важно, что Грегори попросил об этом. Это был шаг к тому дню, когда король Англии был рад предложить ее. Возросшая строгость в отношении брака духовенства вела к тому же. Ланфранк не сразу привел в исполнение указы Гильдебранда в полной мере. На будущее брак был запрещен; столичному духовенству пришлось расстаться со своими женами; но личные интересы приходского священника были соблюдены. В другом случае Вильгельм напрямую способствовал подрыву своего собственного авторитета и независимости своего королевства. Он освободил свое аббатство Баттл от власти епархиального епископа. С этого началась череда подобных исключений, которые, ослабляя местную власть, укрепляли могущество римского престола. Все это помогло в реализации великого плана Хильдебранда, который сделал духовенство повсюду членами одного отдельного и исключительного органа во главе с римским епископом. Все, что имело тенденцию отделять духовенство от других людей, имело тенденцию ослаблять трон каждого короля. Пока Вильгельм правил вместе с Ланфранком, этого не чувствовалось; но было посеяно семя для разногласий между Генрихом и Томасом и для унижения Иоанна.

Даже те изменения в главенстве Ланфрана, которые кажутся чисто церковными, все они каким-то образом способствовали расширению связей между Англией и континентом или преодолению какой-либо островной особенности. И что бы это ни сделало, это увеличило могущество Рима. Даже указ 1075 года о том, что епископства должны быть перенесены в главные города их епархий, помог сделать Англию более похожей на Галлию или Италию. Так же как и пристрастие епископов и аббатов Вильгельма к перестройке своих церквей в большем масштабе и в новейшем континентальном стиле. Все это делало Англию менее похожей на другой мир. С другой стороны, одна островная особенность хорошо служила целям нового предстоятеля. Монашеские отделения в епископальных церквях были почти неизвестны за пределами Англии. Ланфранк, сам монах, и в этом вопросе отдавал предпочтение монахам. В нескольких церквях светские каноны были вытеснены монахами. Корпоративный дух завсегдаев и их зависимость от Рима были намного сильнее, чем у светского духовенства. Светские капитулы могли быть непреклонными, но споры между ними и их епископами имели в основном местное значение; они не составляют такой части общей истории церковного и папского продвижения, как длинный рассказ о ссоре между архиепископами и монахами Церкви Христа.

Ланфранк пережил Вильгельма и возложил корону на голову своего преемника. Дружба между королем и архиепископом оставалась нерушимой на протяжении всей их совместной жизни. Действия Ланфранка были действиями Вильгельма; то, что делал примас, должно было быть одобрено королем. Насколько действия Вильгельма были действиями Ланфранка, сказать сложнее. Но архиепископ всегда был доверенным министром и советником, и во время частых отлучек короля из Англии он часто выступал в роли его заместителя. Мы не видим, чтобы он действительно принимал участие в военных действиях, но он должным образом сообщает о военных успехах своему государю. Мудрость и удача Уильяма сочетались в том, что он нашел себе советчика, лучше которого для его непосредственных целей не могло быть никого. Человек либо более высокого, либо более низкого морального уровня, чем Ланфранк, святой,

подобный Ансельму, или один из простых мирских епископов того времени, не справился бы со своей работой так хорошо. Вильгельму нужен был церковный государственный деятель, не беспринципный и не чрезмерно щепетильный, и он нашел его в лице юриста из Павии, врача из Авранша, монаха из Бека, аббата монастыря Святого Стефана. Если Ланфранк иногда невольно перехитрял и своего господина, и самого себя, если его политика служила целям Рима больше, чем соответствовала целям того и другого, таков обычный ход человеческих дел. Великие люди склонны забывать, что системы, с которыми они могут работать сами, не могут быть созданы более мелкими людьми. От этой ошибки не были свободны ни Уильям, ни Ланфранк. Но, с их собственной точки зрения, это была их единственная ошибка. Их работой было подчинить Англию душой и телом; и они подчинили ее. Эта работа не могла быть выполнена без большого ущерба, но никакие два других человека того времени не смогли бы выполнить ее с таким небольшим ущербом. Уклонение от ненужных и насильственных перемен, столь характерное для Уильяма, и в меньшей степени для Ланфранка, в то время облегчало выполнение их работы; с течением веков это облегчало ее отмену.

ГЛАВА X. ВОССТАНИЯ ПРОТИВ Вильгельма. 1070-1086гг.

Годы, в течение которых происходило заселение Англии, хотя и не были годами постоянных сражений, подобных двум годам между походом на Эксетер и падением Честера, не были годами совершенного мира. Уильяму пришлось противостоять врагам по обе стороны моря, противостоять врагам в своем собственном доме, потерпеть свое первое поражение, получить свою первую рану в личном конфликте. Ничто не поколебало его твердой власти ни над герцогством, ни над королевством, но на склоне лет удача покинула его. И люди не преминули связать эту перемену в его будущем с переменой в нем самом, прежде всего с одним кровавым деянием, которое совершенно не похоже на все другие его зарегистрированные деяния.

Но количество войн, через которые пришлось пройти Уильяму в эти последние годы, было невелико по сравнению с великими сражениями его ранних дней. Нет такой истории, которую можно было бы рассказать, как войну при Валь-э-дюнах, как французские вторжения в Нормандию, как кампании, завоевавшие Англию. Только одно событие из прошлого времени повторяется почти так точно, как только может повториться событие. Уильям однажды выиграл Мэн; теперь ему предстояло выиграть его снова, и менее основательно. Его работа как Завоевателя завершена; единственная экспедиция в Уэльс - единственная кампания в этой части его жизни, которая привела к какому-либо увеличению территории.

Когда Вильгельм приступил к управлению своим королевством после падения Честера, он был в самом строгом смысле полноправным королем всей Англии. На мгновение вся страна подчинилась ему; ни разу позже какая-либо значительная часть страны не отказывалась подчиняться ему. Теперь всякое противодействие переросло в восстание. Люди больше не сдерживали захватчиков; когда они восстали, они восстали против власти, которая, какой бы неправомерной она ни была, была установленным правительством страны. Произошло два таких движения. Одним из них было настоящее восстание англичан против иностранного правления. Другим было восстание графов Вильгельма в их собственных интересах, в котором английские чувства были на стороне короля. Обе были короткими острыми схватками, которые смело выделяются в рассказе. Более важными в общей истории, хотя и менее поразительными

в деталях, являются отношения Вильгельма с другими державами на острове Британия и вблизи него. Получив корону западносаксонских королей, он поддержал их притязания на господство над всем островом, а возможно, и за его пределами. И даже без таких претензий нельзя было избежать пограничных войн с его валлийскими и шотландскими соседями. Считая с момента завершения реального завоевания Англии в 1070 году, в правление Вильгельма было три различных источника беспорядков. В королевстве Англии происходили восстания. В Британии шла пограничная война. В континентальных владениях Вильгельма происходили восстания. И мы можем добавить реальную иностранную войну или угрозы иностранной войны, влияющие на Уильяма, иногда в его нормандском, иногда в его английском характере.

К делам Уэльса Уильям лично имел мало отношения. В этом он не похож на тех, кто был непосредственно до и после него. В жизни Гарольда и Уильяма Руфуса важную роль играет личная война с валлийцами. Вильгельм Великий обычно поручал такого рода работу графам фронта, Хью Честерскому, Роджеру Шрусбери и своему давнему другу Уильяму Херефордскому, пока длилась жизнь этого свирепого воина. Эти графы постоянно воевали с валлийскими принцами, и они расширили английское королевство за свой счет. Король лишь однажды принял личное участие в работе, когда он вступил в Южный Уэльс в 1081 году. Мы смутно слышим о его покорении земель и основании замков; мы более отчетливо видим, что он освободил многих подданных, находившихся в британском рабстве, и что он отправился в религиозное паломничество к Святому Давиду. Это последнее путешествие в некоторых источниках связано с планами завоевания Ирландии. И в одном из самых замечательных отрывков английской хроники автор впервые размышляет о том, что могло произойти, но не произошло. Если бы Уильям прожил на два года дольше, он бы завоевал Ирландию своей мудростью без оружия. И если бы Вильгельм завоевал Ирландию либо мудростью, либо оружием, он, несомненно, знал бы лучше, как с этим справиться, чем большинство тех, кто пришел после него. Если кто-то и мог объединить земли, разделенные Богом, то, несомненно, это был он. Это таинственное изречение, должно быть, имеет отношение к какому-то определенному действию или плану, о котором у нас нет других записей. И некоторый слабый подход к процессу завоевания Ирландии без оружия действительно проявляется в церковных отношениях между Англией и Ирландией, которые сейчас начинаются. И коренные ирландские князья, и датчане восточного побережья начинают относиться к Ланфранку как к своему митрополиту и посылать к нему епископов для хиротонии. Имя английского короля никогда не упоминается в письмах, которыми обменивались английский примас с королями и епископами Ирландии. Возможно, Уильям выжидал своего часа для какого-то особого мудрого поступка, но наши предположения не могут идти дальше, чем предположения "Хроник Питерборо".

Восстание внутри королевства и вторжение извне начались в тот год, когда завершилось Завоевание. Церковные реформы Вильгельма были прерваны восстанием Фенландов. Власть Вильгельма никогда не была полностью признана в этом уголке Англии, в то время как он носил корону и проводил свои соборы в других местах. Но место, где начались беспорядки, аббатство Питерборо, безусловно, находилось в повиновении Уильяма. Война, получившая название Херевард, началась в июне 1070 года, и шотландский набег на Северную Англию, второй из пяти, возложенных на Малькольма, произошел в том же году и, скорее всего, примерно в то же время. Движение англичан в равной степени связано с курсом датского флота и с назначением Турольда в аббатство Питерборо. Вильгельм подкупил датских военачальников, чтобы они оставили своих английских союзников, и позволил им опустошать побережье. Более поздняя взятка привела их обратно в Данию, но только после того, как они показались в водах Эли.

Люди, в основном датского происхождения, стекались к ним, думая, как говорит хронист, что они завоюют всю землю. Движение, несомненно, было в пользу королевской власти в Свегене. Но датчане и англичане вместе ничего не предприняли, кроме разграбления аббатства Питерборо. Хирвард, который, как говорят, был племянником английского предшественника Турольда, несомненно, рассматривал святое место при нормандском аббате как часть вражеской страны.

Имя Хирварда собрало вокруг себя такую массу вымыслов, старых и новых, что трудно разобраться в немногих деталях его реальной истории. Его происхождение и место рождения неизвестны, но он, несомненно, был уроженцем Линкольншира и, безусловно, не был сыном графа Леофрика. По какой-то неизвестной причине он был изгнан во времена Эдуарда или Гарольда. Теперь он вернулся, чтобы повести своих соотечественников против Вильгельма. Он был душой движения, центром которого стало аббатство Эли. Остров, в то время легко обороняемый, был последней английской территорией, на которой завоевателю бросали вызов англичане, сражавшиеся за Англию. Мужчины Фенленда были ревностны; монахи Эли были ревностны; помощники приезжали из других частей Англии. Английские лидеры покинули свое убежище в Шотландии, чтобы разделить опасности, подстерегавшие их соотечественников; даже Эдвин и Моркер наконец набрались смелости покинуть двор Вильгельма и присоединиться к патриотическому движению. Эдвина преследовали; его предали предатели; как нам сказали, он был настигнут и убит, к глубокому горю Уильяма. Его брат добрался до острова и помогал в его защите. Теперь Уильям чувствовал, что восстание требует его собственного присутствия и всей его энергии. Остров подвергался упорному нападению и стойко оборонялся, пока, по одной из версий, монахи не выдали крепость королю. Согласно другому, Моркере был вынужден сдаться из-за обещаний пощады, которые Вильгельм не выполнил. В любом случае, до окончания 1071 года остров Или находился в руках Вильгельма. Хирвард в одиночку с несколькими товарищами отправился морем. Уильям был менее милосерден, чем обычно; тем не менее, ни один человек не был предан смерти. Некоторые были искалечены, некоторые заключены в тюрьму; Моркере и другие вожди провели остаток своих дней в оковах. Характер Завоевателя теперь страшно ожесточился. И все же он мог почтить доблестного врага; тем, кто сопротивлялся до последнего, повезло больше. Все легенды о более поздних днях Хирварда говорят о нем как о допущенном к миру и благосклонности Вильгельма. Один заставляет его умереть спокойно, другой убивает его от рук врагов-норманнов, но не по приказу Вильгельма и не с ведома Вильгельма. Свидетельства немного лучше свидетельствуют о том, что он нес оружие для своего нового монарха за морем; а запись в "Судном дне" также предполагает, что он владел землями графа Роберта Мортена в Уорикшире. Политике Вильгельма, когда он получит Хирварда в свое распоряжение, было бы выгодно заставить его обменять земли поблизости от места его подвигов на земли в отдаленном графстве, находящемся под властью брата короля.

Тем временем, скорее всего, в летние месяцы 1070 года Малькольм разорил Кливленд, Дарем и другие районы, где, должно быть, мало что осталось для опустошения. Тем временем этелинг Эдгар и его сестры вместе с другими английскими изгнанниками искали убежища в Шотландии и были гостеприимно приняты. В то же время Госпатрик, ныне граф Уильяма в Нортумберленде, нанес ответный удар по шотландскому Камберленду, что спровоцировало Малькольма на еще большую жестокость. Говорили, что в Шотландии нет такого бедного дома, в котором не было бы английского раба. Вскоре некоторые из английских гостей Малькольма присоединились к защитникам Эли; люди самого высокого происхождения остались в Шотландии, и Малькольм

после долгих усилий убедил Маргарет, сестру Эдгара, стать его женой. Ее восхваления вписаны в историю Шотландии, и этот брак сыграл немалую роль в процессе, который сделал шотландских королей и земли, образовавшие их настоящее королевство, практически английскими. Сыновья и внуки Маргариты, происходившие из древнеанглийского королевского дома, были гораздо большими англичанами в своих владениях, чем нормандские и анжуйские короли Южной Англии. Но в пределах английской границы люди смотрели на вещи другими глазами. Малькольм еще трижды опустошал Англию; двадцать два года спустя он был убит во время своего последнего опустошительного визита. Тем временем Уильям и его графы, по крайней мере, привлекли к себе некоторую лояльность жителей Северной Англии как защитников земли от шотландцев.

Однако на данный момент вторжение Малкольма было отомщено только разгромом Госпатрика в Камберленде. 1071 год призвал Вильгельма в Эли; в начале 1072 года его присутствие на материке все еще было необходимо; в августе он нашел время для похода на Шотландию. Он отправился туда как английский король, отстаивать права английской короны, мстить за зло, причиненное английской земле; и англичане с радостью последовали за ним в этом деле. Эдрик, защитник Херефордшира, заключил мир с королем и теперь занимал почетное место в его армии. Но если Уильям и встретил какое-либо вооруженное сопротивление во время своей шотландской экспедиции, то это не было равносильно крупномасштабному сражению. Он прошел через Лотиан в Шотландию; он пересек границу и приблизился к Тэю, и там, у круглой башни Абернети, король шотландии принес присягу, раздал заложников и стал человеком короля Англии. Теперь Вильгельм мог бы называть себя, как и его западносаксонские предшественники, *Бретвальдом* и *басилевсом* острова Британия. Это была высшая точка его состояния. Герцог норманнов, король Англии, он был бесспорным лордом от похода Анжу до узкого моря между Кейтнессом и Оркнейскими островами.

Точные условия договора между королевским вассалом Вильгельма и его сюзереном неизвестны. Но одним из них явно было изгнание Эдгара из Шотландии. Вскоре он был на континенте. Уильям еще не знал, что Эдгар был менее опасен в Британии, чем в любой другой части мира, и что он был в большей безопасности при собственном дворе Уильяма. Отдав дань уважения и получив заложников, Лорд всей Британии вернулся в свое королевство. Его поход связан со многими легендарными историями. В реальной истории это отмечено основанием замка Дарем и подтверждением Завоевателем привилегий палатинских епископов. Если бы все графы Англии были подобны графам Честерским, а все епископы - епископам Даремским, Англия, несомненно, распалась бы, подобно Германии, на свободную федерацию светских и духовных князей. Препятствовать этому было особой работой Уильяма; но он, несомненно, понимал, что исключительные привилегии одной или двух привилегированных светлостей, резко контрастирующие с остальными, на самом деле не помешают его великому плану объединения. И Уильям вряд ли подтвердил бы привилегии лондонского или Винчестерского престолов, которые он предоставил отдаленному престолу Дарема. Теперь он также пожаловал графства, цель которых менее ясна, чем цель большинства его действий. Нелегко сказать, почему Госпатрич был лишен своего графства. Его прежние враждебные действия по отношению к Вильгельму были покрыты его помилованием и повторным назначением в 1069 году; и с тех пор он действовал как лояльный, хотя, возможно, и нескромный страж земли. Два более крупных графства, чем его, опустели из-за восстания, смерти и заключения в тюрьму Эдвина и Моркера. Но Уильям не собирался их заполнять. Он не хотел бы иметь в своем королевстве никого столь опасного, как граф Мерсии или нортумбрии в старом смысле этого

слова, будь то английский или нормандский. Но для защиты северной границы требовался граф, который правил бы Нортумберлендом в более позднем смысле этого слова, землями к северу от Тайна. А после участия Роберта Коминского Вильгельм пока не мог поставить нормандского графа на столь опасный пост. Но англичанину, которого он выбрал, были предъявлены те же обвинения, что и свергнутому Госпатрику. Ибо это был Уолтеф, сын Сиварда, герой Йоркской битвы 1069 года. Уже будучи графом Нортгемптона и Хантингдона, он в то время пользовался большой личной благосклонностью короля, возможно, уже был мужем королевской племянницы. Здесь проявляется одна сторона политики Уильяма. Объединению иногда помогало разделение. Были люди, которых Уильям любил возвышать, но которых он не собирался делать опасными. Он подарил им обширные поместья, но по большей части разбросанные по разным частям королевства. Только в пограничных графствах и в Корнуолле он позволил передать в руки одного человека что-либо, хоть сколько-нибудь близкое к управлению целым графством. Один нормандец и один англичанин владели двумя графствами вместе, но это были графства далеко друг от друга. Роджер Монтгомери владел графствами Шрусбери и Сассекс, а Уолтеф к своим мидлендским графствам Нортгемптон и Хантингдон теперь добавил правление далеким Нортумберлендом. Люди, наиболее отважно сражавшиеся против Вильгельма, были людьми, которых он охотнее всего принимал в свои ряды. Эдрик и Хирвард были удостоены чести; Уолтеф был удостоен более высокой чести. Он стоял в одном ряду с величайшими норманнами; его положение было, пожалуй, выше, чем у кого бы то ни было, кроме кровных родственников короля. Но вся история Уолтхофа - это проблема, затрагивающая характер короля, при котором он возвышался и пал. Вознесенный выше, чем любой другой человек среди побежденных, он был единственным человеком, которого Вильгельм казнил по политическому обвинению. Трудно понять причины его возвышения или падения. Несомненно, главным образом его смерть снискала ему неизменное уважение соотечественников. Его доблесть и благочестие громко восхваляются. Но о его доблести мы знаем только из его единственного личного подвига в Йорке; его набожность была совместима с подлым убийством. В других вопросах он кажется дружелюбным, нерешительным и обладающим щепетильной совестью, и нортумбрийская мораль, возможно, не видела большого преступления в убийстве, совершенном в соответствии с традициями нортумбрийской смертельной вражды. Задолго до рождения Уолтефа его дед, граф Элдред, был убит неким Карлом. Сыновья Карла сражались на его стороне при Йорке; но, несмотря на это товарищество, первым актом правления Уолтхофа в Нортумберленде было то, что он послал людей убивать их за пределы своего графства. Преступление, которым, возможно, восхищались в Нортумберленде и о котором ничего не слышали в других местах, не лишило его ни благосклонности короля, ни дружбы его соседа епископа Уолчера, прелата-реформатора, с которым Уолтеф действовал заодно. И когда он был выбран в качестве единственного исключения из милосердного правления Уильяма, то не за это несомненное преступление, а по обвинению, в котором, даже если он был виновен, его вполне могли простить.

Пребывание Вильгельма на континенте в 1072 году переносит нас из Англии и Нормандии в общие дела Европы. Возможно, уже проявились признаки того, что надвигалось на юг Нормандии, но в данный момент интерес представляла страна Матильды. Фландрия, долгое время бывшая верным союзником Нормандии, теперь должна была превратиться в злейшего врага. Граф Болдуин умер в 1067 году; его преемник с тем же именем умер три года спустя, и последовала война между его вдовой Ричильдис, опекушкой его маленького сына Арнульфа, и

его братом Робертом Фризским. Роберт снискал славу на Востоке; он получил суверенитет Фрисландии — название, которое встречается в Голландии и Зеландии, — и теперь его пригласили освободить Фландрию от притеснений Ричильды. Тем временем Матильда исполняла обязанности регента Нормандии, а граф Уильям Херефордский был ее советником. Ричильдис обратилась за помощью к двум правителям своего сына, королю Германии Генриху и королю Франции Филиппу. Филипп прибыл лично; немецкая помощь пришла слишком поздно. Из Нормандии прибыл граф Вильгельм с небольшим отрядом рыцарей. Королей попросили прислать армии; графу она предложила себя, и он пришел сражаться за свою невесту. Но в начале 1071 года Филипп, Арнульф и Вильгельм были свергнуты Робертом Фризским в битве при Касселе. Арнульф и граф Вильгельм были убиты; Филипп заключил мир с Робертом, отныне бесспорным графом Фландрии.

Все это привело короля Вильгельма на континент, в то время как вторжение Малькольма все еще оставалось неотмщенным. Открытой войны между Нормандией и Фландрией не последовало, но на всю оставшуюся жизнь Роберт и Вильгельм были врагами, и каждый помогал врагам другого. Вильгельм оказал поддержку Болдуину, брату убитого Арнульфа, который стремился отвоевать Фландрию у Роберта. Но истинный интерес этого эпизода заключается в впечатлении, которое было произведено в землях к востоку от Фландрии. В беспокойном состоянии Германии, когда Генрих Четвертый сражался с саксами, обе стороны, по-видимому, смотрели на Завоевателя Англии с надеждой и страхом. По этому поводу наши английские и нормандские авторитеты хранят молчание, а заметки современных немецких авторов странно непохожи друг на друга. Но они, по крайней мере, показывают, что принц, правивший по обе стороны моря, занимал большое место в мыслях людей. Саксонский враг Генриха описывает его в своем отчаянии как ищущего помощи в Дании, Франции, Аквитании, а также у английского короля, обещая ему подобную помощь, если он когда-нибудь в ней будет нуждаться. Вильгельму и Генриху приходилось обоим остерегаться вражды саксов, но трон в Винчестере стоял прочнее, чем трон в Госларе. Но историк континентальных саксов вкладывает в уста Вильгельма ответ, совершенно не соответствующий его положению. Находясь в Нормандии, он вынужден отвечать, что, завоевав свое королевство силой, он боится покинуть его, чтобы снова не найти дороги назад. Гораздо более поразительна история, рассказанная три года спустя Ламбертом из Херцфельда. Генрих, участвуя в войне с Венгрией, услышал, что знаменитый архиепископ Кельнский Ханно вступил в союз с Вильгельмом *Бостаром* — так пишется его самая ранняя фамилия — королем Англии, и что огромная армия приближается, чтобы возвести островного монарха на немецкий трон. Войско так и не прибыло, но Генрих поспешил обратно, чтобы охранять свою границу от *варваров*. Под этой фразой тевтонский писатель вряд ли может подразумевать замкнутую часть подданных Вильгельма.

Несомненно, Вильгельм никогда не лелеял, в отличие, вероятно, от своего преемника, столь безумной мечты, как о королевской коронации в Ахене, за которой, возможно, последует императорская коронация в Риме. Но то, что на подобные планы смотрели как на практическую опасность, от которой действительный немецкий король должен был остерегаться, по крайней мере, показывает, какое место Завоеватель Англии занимал в европейском воображении.

В течение трех или четырех лет, последовавших сразу за капитуляцией Эли, поездки Уильяма туда-сюда между его королевством и герцогством были особенно частыми. Матильда, похоже, всегда оставалась в Нормандии; о ней никогда не упоминают в Англии после года ее коронации и рождения младшего сына, и обычно она выступала в качестве регента герцогства. В течение

1072 года мы видим Вильгельма в Англии, в Нормандии, снова в Англии и в Шотландии. В 1073 году он был призван за море грозным движением. Его великое континентальное завоевание восстало против него; Ле-Ман и весь Мэн снова стали независимыми. Город и земля выбрали для себя принца, происходившего по женской линии из рода их древних графов. Это был Хью, сын Азо, маркиза Лигурийского, и Герсендис, сестры последнего графа Герберта. Норманны были изгнаны из Ле-Мана; Азо вступил во владение от имени своего сына, но он и горожане долго не соглашались. Он вернулся, оставив свою жену и сына под опекой Жоффруа Майенского. Вскоре жители Ле-Мана полностью отказались от княжеского правления и провозгласили самую раннюю *коммуну* в Северной Галлии. Итак, здесь, как и в Эксетере, Уильяму пришлось бороться против вооруженного содружества, и, как и в Эксетере, мы особенно хотели бы знать, какими должны были быть отношения между столицей и графством в целом. Масса людей по всему Мэну ревностно посвятила себя делу содружества. Но их рвение могло бы продлиться недолго, если бы, согласно обычному порядку вещей в подобных случаях, они просто обменяли господство своих наследственных хозяев на корпоративное господство граждан Ле-Мана. Для знати эта перемена, естественно, была неприятна. Они должны были присягнуть *коммуне*, но многие из них, включая Джеффри, и не думали выполнять свои клятвы. Возникли разногласия; Хью вернулся в Италию; Джеффри занял замок Ле-Ман, и горожане вытеснили его только благодаря опасной помощи другого принца, претендовавшего на власть в Мэне, графа Фулька Анжуйского.

Если Мэн получит хозяина извне, сеньор Анжу вряд ли обещает что-то лучшее, чем сеньор Нормандии. Но люди в отчаянии хватаются за что угодно. Странно то, что Фульк теперь исчезает из истории; вместо него появляется Уильям. И герцог и король отвоевали восставшую землю, по крайней мере, в такой же степени благодаря своему английскому, как и норманнскому характеру. Определенное место в его армии занимали английские воины, по-видимому, под командованием самого Хирварда. Люди, которые сражались за свободу на своей собственной земле, теперь сражались по приказу своего Завоевателя, чтобы уничтожить свободу на другой земле. Они пошли добровольно; английский хронист описывает кампанию с ликованием и раздражается стихами — или включает современную балладу — в рассказе об английской победе. Мало кто из людей того времени понимал, что дело штата Мэн на самом деле было делом Англии. Если Йорк и Эксетер не могли действовать согласованно друг с другом, то еще меньше они могли действовать согласованно с Ле Маном. Англичане, служащие в штате Мэн, вообразили бы, что они мстят за собственные обиды, опустошая земли любого человека, говорящего на французском языке. Со стороны Уильяма трудоустройство англичан, трудоустройство Хирварда, было еще одним политическим ходом. Это было более полное следование системе, которая привела англичан против Эксетера, которая привела Эдрика и его товарищей в Шотландию. Ибо в каждом английском солдате, которого Уильям привел в Мэн, он приобрел лояльного английского подданного. Для людей, сражавшихся под его знаменами за морем, он был бы больше не Завоевателем, а победоносным капитаном; им понадобилось бы какое-то совершенно особое притеснение дома, чтобы заставить их восстать против вождя, лавры которого они помогли завоевать. Как рассказывает наш собственный менестрель, они мало что сделали, кроме опустошения беспомощной страны; но у континентальных авторов мы можем проследить регулярную кампанию, в которой мы слышим не о сражениях, а о многочисленных осадах. Вильгельм, как и прежде, подчинил себе землю по частям, сохранив город напоследок. Когда он приблизился к Ле-Ману, его защитники сдались по его зову, чтобы

избежать огня и резни, быстро подчинившись. Новая коммуна была упразднена, но Завоеватель поклялся соблюдать все древние права города.

Все это время мы ничего не слышали о графе Фульке. В настоящее время мы находим его воюющим против знати штата Мэн, принявшей сторону Вильгельма, и объединившимся с бретонцами против самого Вильгельма. Король выступил со всем своим войском, нормандским и английским; но мир был заключен при посредничестве неназванного римского кардинала, которому, как нам сказали, содействовали главные нормандские вельможи. Успех против союзных Анжу и Британии может быть сомнительным, поскольку Мэн и Англия колеблются в своей лояльности, а Франция, Шотландия и Фландрия - возможные враги на расстоянии. Права графа Анжуйского на Мэн были официально признаны, и старший сын Уильяма Роберт засвидетельствовал почтение Фульку за графство. Каждый принц заботился о безопасности и благосклонности всех подданных другого, принявших его сторону. Между Нормандией и Анжу до конца дней Вильгельма царил мир; в Мэне мы увидим еще одно восстание, хотя и частичное.

Уильям вернулся в Англию в 1073 году. В 1074 году он отправился на континент для более длительного отсутствия. Как о времени сразу после первого завершения Завоевания говорят как о времени, когда норманны и англичане начали мирно сосуществовать бок о бок, так и о годах, последовавших за покорением Эли, говорят как о времени особого угнетения. Этот факт связан с частыми отлучками короля из Англии. Что бы мы ни говорили о собственном положении Вильгельма, он сдерживал мелких угнетателей. Дела всегда шли хуже, когда око великого учителя больше не наблюдало. Единственной слабостью Уильяма было чрезмерное доверие к своим ближайшим родственникам и друзьям. Из двух особых угнетателей Уильям Фиц-Осберн покончил с собой во Фландрии; но епископ Ода все еще работал, пока несколько лет спустя его король и брат не сразил его поистине праведным ударом.

1074 год, не год сражений, был в высшей степени годом интриг. Враги Вильгельма на континенте стремились привлечь представителя западносаксонских королей на свою сторону. Эдгар порхает туда-сюда между Шотландией и Фландрией, и король Франции соблазняет его предложением удобного урегулирования на пути Франции, Нормандии и Фландрии. Эдгар отправляется из Шотландии, но шторм отбрасывает его назад; затем Малькольм и Маргарет передумывают и предлагают ему заключить мир с королем Вильгельмом. Вильгельм с радостью принимает его покорность; отправляется посольство, чтобы доставить его со всем почтением к королю в Нормандии. Он несколько лет остается при дворе Вильгельма довольным и презируемым, получая ежедневную пенсию и доходы от поместий в Англии небольшого размера, которыми король какое-то время владел благодаря гранту соперника, который мог позволить себе быть великодушным.

Последующая жизнь Эдгара показала, что он принадлежал к тому классу людей, которые, как правило, ленивы и апатичны, но при случае могут действовать энергично и которые действуют наиболее достойно уважения от имени других. Но Уильяму не нужно было его бояться, и он легко превратился в друга и иждивенца. Эдгар, первый из англичан по происхождению, вряд ли был англичанином по рождению. Теперь Уильяму предстояло иметь дело с англичанином, который с достоинством стоял рядом с Эдгаром и намного выше его в личных оценках. Мы подошли к великому поворотному моменту в правлении и характере Вильгельма, черной и таинственной истории о судьбе Уолтхофа. Граф Нортумберленд, Нортгемптон и Хантингдон был

не единственным графом в Англии английского происхождения. Графством Восточных Англий владел прирожденный англичанин, который был ненавистнее любого чужака. Ральф из Вейдера был единственным англичанином, сражавшимся на стороне Вильгельма против Англии. Он часто выдает себя за уроженца Британии, и у него, конечно, были земли и замки в этой стране; но бретонцем он был только по материнской линии. Ибо "Судный день" и "Хроники" показывают, что он был сыном старшего графа Ральфа, который во времена Эдуарда был *конюшим* или мастером конницы и который, как ясно сказано, родился в Норфолке. Необычное имя наводит на мысль, что старший Ральф не был англичанином по происхождению. Он пережил приход Уильяма, а его сын сражался на Сенлаке среди соотечественников своей матери. Эта измена подразумевает незарегистрированное изгнание во времена Эдуарда или Гарольда. Уже будучи графом в 1069 году, он в том году энергично действовал на стороне Вильгельма против датчан. Но теперь он устроил против него заговор вместе с Роджером, младшим сыном Уильяма Фиц-Осберна, который унаследовал от своего отца графство Херефорд, в то время как его нормандские владения перешли к его старшему брату Уильяму. Какие основания для жалоб были у Ральфа или Роджера на Уильяма, мы не знаем; но то, что лояльность графа Херефорда была сомнительной на протяжении всего 1074 года, явствует из нескольких писем с упреками и советами, направленных ему регентом Ланфранком. Наконец обладатель обоих мечей взялся за свое духовное оружие и объявил графа отлученным от церкви до тех пор, пока он не сдастся на милость короля и не возместит ущерб королю и всем людям, которым он причинил зло. Роджер остался непреклонен под осуждением примаса и вскоре совершил акт прямого неповиновения. В следующем, 1075 году, он выдал свою сестру Эмму замуж за графа Ральфа. Этот брак король запретил по какому-то неучтенному основанию государственной политики. Скорее всего, он уже подозревал обоих графов и считал любую связь между ними опасной. В уведомлении показано, что Уильям вмешивается, чтобы сделать в качестве политического акта то, что при его преемниках стало само собой разумеющимся, с единственной целью - заработать деньги. *Bride-ale* — название, которое скрывается в современной форме *bridal* — был проведен в Эксинге в Кембриджшире; епископы и аббаты были гостями отлученного от церкви Роджера; там был Уолтеф и многие бретонские товарищи Ральфа. В своих чашах они начали строить планы, как им изгнать короля из королевства. Против Уильяма были выдвинуты обвинения, как истинные, так и ложные; в смешанном собрании норманнов, англичан и бретонцев почти каждый поступок Уильяма в жизни мог сойти за проступок, причиненный какой-либо части компании, даже если некоторые другие члены компании были его сообщниками. Прежде всего, два графа Ральф и Роджер сделали внятное предложение своему коллеге - графу Уолтефу. Король Вильгельм должен быть изгнан из страны; один из троих должен стать королем; двое других должны оставаться графами, правя каждый третью часть королевства. Такой план мог привлечь графов, но никого другого; он перечеркнул бы лучшую и величайшую работу Вильгельма; он отбросил бы назад растущее единство королевства всеми шагами, которые оно предпринимало на протяжении нескольких поколений.

Итак, какую пользу оказал Уолтхоф этим планам? Взвесив все обстоятельства, можно было бы предположить, что в возбуждении от новобрачного эля он согласился на измену, но на следующее утро передумал. Он отправился к Ланфранку, одновременно регенту и призрачному отцу, и признался ему во всем, в чем должен был признаться. Примас наложил на своего кающегося несколько церковных епитимий; регент велел графу отправиться в Нормандию и рассказать всю историю королю. Уолтеф ушел с подарками в руках; он рассказал свою

историю и попросил прощения. Уильям отнесся к этому вопросу легкомысленно и держал Уолтеффа при себе, но, по-видимому, не сдерживал себя, пока тот не вернулся в Англию.

Тем временем два других графа подняли открытый мятеж. Ральф, наполовину бретонец по происхождению и граф датской земли, попросил помощи в Британии и Дании. Бретонцы из Британии и бретонцы, поселившиеся в Англии, стекались к нему. Король Свеген, находившийся почти на закате своего правления и жизни, прислушался к призыву мятежников и послал флот под командованием своего сына Кнута, будущего святого, вместе с ярлом по имени Хакон. Восстание в Англии было вскоре подавлено, как на Востоке, так и на Западе. Мятежные графы не встретили никакой поддержки, кроме тех, кто находился под их непосредственным влиянием. Страна ревностно защищала короля. Ланфранк мог доложить, что граф Ральф и его армия спасаются бегством и что люди короля, французы и англичане, преследуют их. В другом письме он мог бы добавить, с некоторой выразительностью, что королевство было очищено от бретонской грязи. В Норвиче только замок доблестно защищала недавно вышедшая замуж графиня Эмма. Роджер был взят в плен; Ральф бежал в Британию; их последователи были наказаны различными увечьями, за исключением защитников Норвича, которые были приняты на условия. Графиня присоединилась к своему мужу в Британии, и в последующие дни Ральф сделал что-то, чтобы искупить столькие предательства, погибнув вооруженным паломником в первом крестовом походе.

Главный смысл этой истории в том, что восстание не встретило никакой поддержки со стороны Англии. Не только епископ Вульфстан выступил в поход вместе со своими свирепыми нормандскими братьями Одом и Джеффри; английский народ повсюду был настроен против повстанцев. Ибо это восстание нисколько не привлекало англичан; если бы предприятие было менее безнадежным, ничего нельзя было бы добиться, сменив правление Вильгельма на правление Ральфа или Роджера. Все могло быть иначе, если бы датчане лучше сыграли свою роль. Восстание вспыхнуло, когда Вильгельм был в Нормандии; именно отплытие датского флота привело его обратно в Англию. Но никогда предприятие не приносило своим руководителям меньше чести, чем это последнее путешествие датчан вверх по Хамберу. Все, что сделал святой Кнут, - это разграбил собор Святого Петра в Йорке и уплыл.

Однако его приход, похоже, полностью изменил чувства короля по отношению к Уолтефу. Пока с ним обращались не как с пленником или врагом. Теперь он вернулся в Англию вместе с королем, и первым действием Вильгельма было заключение в тюрьму и Уолтхофа, и Роджера. Заключение Роджера, мятежника, схваченного с оружием в руках, было само собой разумеющимся. Что касается Уолтхофа, то, что бы он ни обещал на вечере бракосочетания, он не совершил предательства; он не принимал участия в восстании и рассказал королю все, что знал. Но он послушался предателей, и оставлять его на свободе могло быть опасно, когда датский флот, возглавляемый его старым товарищем Кнутом, действительно был на плаву. И все же то, что последовало за этим, действительно странно, особенно учитывая, что Уильям был его главным исполнителем.

В середине Зимнего Жемота 1075-1076 годов Роджер и Уолтеф предстали перед судом. Ральф был осужден заочно, как и Юстас Булонский. Роджер был приговорен к конфискации имущества и пожизненному заключению. Уолтхоф выступил в свою защиту; его приговор был отложен; он содержался в Винчестере в более строгих условиях, чем раньше. На пятидесятилетнем гомоте 1076 года, состоявшемся в Вестминстере, его дело снова было

рассмотрено, и он был приговорен к смертной казни. В последний день мая последний английский граф был обезглавлен на холмах над Винчестером.

Такой приговор и казнь, странные в любое время, особенно странны при Уильяме. Что бы ни сделал Уолтхоф, его проступок был легче, чем у Роджера; и все же Уолтхоф получил более суровое, а Роджер - более легкое наказание. С участием Скроггса или Джеффриса на скамье подсудимых можно было бы возразить, что признание Уолтхофа королю, по строгости закона, не снимает вины за его первоначальное обещание заговорщикам; но Вильгельм Великий обычно действовал не так, как Скроггс и Джеффриз. Лишить Уолтхофа графского титула, несомненно, было бы благоразумно; человека, который даже прислушивался к предателям, могли счесть недостойным такого доверия. Возможно, было бы разумно держать его в безопасности под присмотром короля, как Эдвина, Моркера и Эдгара. Но почему его выбрали для казни, когда гораздо более виновному Роджеру позволили жить? Почему он должен быть выбран в качестве единственной жертвы принца, который никогда ни до, ни после, ни в Нормандии, ни в Англии не обрек ни одного человека на смерть по политическим обвинениям? На эти вопросы трудно ответить. Недостаточно сказать, что Уолтхоф был англичанином, что политикой Вильгельма было постепенное избавление от англичан, занимающих высокие посты, и что теперь пришло время избавиться от последних. Для такой политики было бы достаточно конфискации или, самое большее, тюремного заключения. В то время как другие англичане потеряли земли, почести, максимум свободу, один Уолтеф лишился жизни по приговору суда. Вполне вероятно, что многие норманны жаждали земель и почестей единственного англичанина, который все еще занимал высший пост в Англии. И все же конфискация без смертной казни могла бы удовлетворить даже их. Но Уолтеф был не только графом трех графств; он был мужем ближайшей родственницы короля. Нам говорят, что Джудит была врагом и обвинительницей своего мужа. Возможно, это затронуло единственное слабое место Уильяма. И все же он вряд ли отказался бы от практики всей своей жизни, чтобы угодить кровавому капризу племянницы, которая жаждала смерти своего мужа. И если Джудит жаждала смерти Уолтхофа, то это было не из желания заменить его другим. Легенда гласит, что она отказалась от второго мужа, предложенного ей королем; несомненно, что она осталась вдовой.

Таким образом, смерть Уолтхофа должна оставаться тайной, изолированным кровавым актом, не похожим ни на что другое в жизни Уильяма. Это, по-видимому, было невежливо; это не привело к восстанию, но вызвало новый всплеск английских чувств. Уолтеф был признан мучеником своего народа; он получил такую же популярную канонизацию, как и многие английские патриоты. На его могиле в Кроуленде творились знамения и чудеса, пока проявления чудесной силы, которые были настолько несовместимы с лояльностью и хорошим порядком, не были строго запрещены. Сам этот поступок знаменует собой этап в нисходящем развитии характера Уильяма. Само по себе опустошение Нортумберленда, само вторжение в Англию со всем вызванным ими кровопролитием можно было бы считать более черными преступлениями, чем несправедливая смерть одного человека. Но такова природа человека, что для совершения меньшего преступления нужен человек похуже. Преступление, как всегда, привело к новым преступлениям и само по себе было наказанием за преступление. В глазах современников Уильяма смерть Уолтхофа, самый черный поступок в жизни Уильяма, также стала поворотным моментом. Со дня мученической смерти на холме Святого Джайлса магия имени Уильяма и его рук исчезла. Неизменная удача больше не сопутствовала ему; после смерти Уолтхофа он ни разу, вплоть до своей последней кампании, не выиграл ни одного

сражения или не взял ни одного города. В этой перемене судьбы Уильяма люди его времени увидели Божий суд над его преступлением. И, по крайней мере, в этом факте они, несомненно, были правы. Отныне, хотя реальная власть Вильгельма остается непоколебимой, рассказ о его войне - это в основном рассказ о мелких поражениях. Последние одиннадцать лет его жизни никогда бы не принесли ему титула Завоевателя. Но на более высоком уровне политики и законодательства никогда более благородная фамилия не была более заслуженной. Никогда Вильгельм Великий не проявлял себя таким по-настоящему великим, как в эти последние годы.

Смерть Уолтхофа и общественное мнение по этому поводу наводят на мысль о другом поступке Уильяма, который по времени не мог быть далек от него и о котором люди в его время говорили в том же духе. Если Божий суд постиг Уильяма за обезглавливание Уолтхофа, то он постиг его также и за создание Нью-Фореста. Что касается этого леса, то в нем много древних преувеличений и много современных заблуждений. Слово *лес* часто понимают неправильно. В своем более старом значении, которое оно до сих пор сохраняет в некоторых частях, лес не имеет ничего общего с деревьями. Это участок земли, поставленный вне сферы действия общего права и подчиняющийся более строгому собственному закону, и это обычно, а возможно, и всегда, делается для того, чтобы обеспечить королю более свободное пользование удовольствием от охоты. Такой лес Уильям создал в Хэмпшире; о впечатлении, которое он производил на умы людей того времени, свидетельствует тот факт, что он сохранял название Нью-Форест в течение восьмисот лет. Нет никаких оснований думать, что Уильям опустошил какой-либо большой участок особенно плодородной земли, и меньше всего то, что он опустошил густонаселенную землю; ибо большая часть Лесных угодий никогда не могла быть таковой. Но из "Судного дня" и "Кроникл" достоверно известно, что Уильям *покрыл лесом* значительный участок земли в Хэмпшире; он выделил его для целей охоты; он огородил его особыми и жестокими законами — действительно, на грани смерти — для защиты своих удовольствий, и в ходе этого процесса некоторые люди потеряли свои земли и были изгнаны из своих домов. Здесь подразумевается некоторое разрушение домов; не исключено некоторое разрушение церквей. Распространенное мнение, которое едва ли отличается от рассказов авторов, написанных на градус позже "Страшного суда" и "Хроник", просто преувеличивает масштабы разрушений. Не было такого масштабного опустошения, как часто предполагают, потому что в таком масштабном опустошении не было необходимости. Но все, что требовалось для цели Уильяма, было сделано; и Судный день дает нам отчет. И этот поступок, несомненно, приводит, как и смерть Уолтхофа, к ухудшению характера Уильяма. Опустошение Нортумберленда само по себе было гораздо большим преступлением и повлекло за собой гораздо больше человеческих страданий. Но о нем не вспоминают таким же образом, потому что от него не осталось такого постоянного памятника. Но и здесь для совершения меньшего преступления требовался человек похуже. Опустошение Нортумберленда было преступлением, совершенным с политической целью; это была крайняя форма военной жестокости; это не было вульгарным грабежом, совершенным только с целью получения более полного удовольствия от жестокого вида спорта. К настоящему времени Уильям опустился до этого уровня. По правде говоря, именно сейчас охота в Англии окончательно приобрела характер простого спорта. Охота не была чем-то новым; на раннем этапе развития общества это часто было необходимо. Об охоте Альфреда говорят как о серьезном деле, как о части его королевского долга. Ему

пришлось воевать с дикими зверями, как ему пришлось воевать с датчанами. Охота Уильяма - это просто спорт, не его обязанность или бизнес, а просто его удовольствие. И ради этого удовольствия, удовольствия причинять боль и убивать, он без колебаний пожертвовал правами других людей и охранял свое наслаждение с помощью безжалостных законов, от которых содрогались люди даже в тот суровый век.

За это преступление люди его времени видели наказание в странной и ужасной смерти его отпрысков, двух сыновей и внука, на месте его преступления. Одну из них он сам видел - смерть своего второго сына Ричарда, многообещающего юноши, чья долгая жизнь могла бы спасти Англию от правления Уильяма Руфуса. Он умер в Лесу примерно в 1081 году, к глубокому горю своих родителей. А "Судный день" содержит трогательную запись о том, как Уильям вернул свою землю ограбленному англичанину в качестве подношения за душу Ричарда.

Лишение прав трех графов и смерть одного передали их почести и поместья в руки короля. Еще один новый источник богатства появился после смерти леди Эдит, которая сохранила свой королевский сан и огромные поместья и умерла во время судебного разбирательства против Уолтхофа. Теперь для Вильгельма не было так важно, как в первые годы завоевания, награждать своих последователей; теперь он мог думать в первую очередь о королевских сокровищах. Из поместий, которые теперь перешли к короне, большая часть была раздана. Дом Биго, впоследствии получивший известность как графы Норфолк, обязан своим возвышением доле своего предка в конфискованных землях графа Ральфа. Но Уильям оставил большую часть при себе; одно поместье в Сомерсете, часть земель Леди, он передал церкви Святого Петра в Риме. Из трех графств Херефорд и Восточная Англия не были заселены; более поздние графства этих земель не имеют никакого отношения к графам времен Вильгельма. Южные графства Уолтхофа Нортгемптон и Хантингдон стали приданым его дочери Матильды; владения Хантингдона перешли к его потомкам, королям Шотландии. Но Нортумберленд, расположенный недалеко от шотландской границы, все еще нуждался в графе; но есть что-то странное в выборе епископа Уолчера Даремского. Вполне возможно, что это назначение было уступкой чувствам англичан, вызванным гневом в связи со смертью Уолтхофа. Времена английских графов миновали, и на норманна смотрели бы как на убийцу Уолтхофа. Лотарингский епископ был чужаком; но он не был нормандцем и не притеснял англичан. Но он был странно неподходящим для этого места. Не будучи воинственным епископом, как Ода и Джеффри, он был в основном предан духовным делам, особенно возрождению монашеской жизни, которая вымерла в Северной Англии после датского нашествия. Но его слабое доверие к недостойным фаворитам, английским и иностранным, привело его к страшному и запоминающемуся концу. Епископ поддерживал тесную дружбу с Лигульфом, англичанином самого высокого происхождения и дядей по браку с графом Уолтефом. Он сохранил свои поместья, но наглость его соседей-норманнов вынудила его переехать в город Дарем и поселиться рядом со своим другом епископом. Его благосклонность к Уолчеру вызвала зависть некоторых фаворитов епископа, которые вскоре инсценировали его смерть. Епископ сокрушался и упрекал их; но он не смог "свершить правосудие", сурово и быстро наказать обидчиков. Поэтому его самого считали виновным в смерти Лигульфа. Последовало одно из самых ярких и поучительных событий того времени. 14 мая 1080 года в Гейтсхеде состоялось полное собрание графства, посвященное убийству Лигульфа. Это был один из тех редких случаев, когда сильное чувство привело каждого человека на собрание. Местный парламент принял свою древнюю форму вооруженной толпы,

возглавляемой самыми благородными англичанами, оставшимися в графстве. Не было ни голосования, ни дебатов; раздавались крики: “Короткое возмездие, хорошее возмездие, убейте епископа”. И под эти крики сам Вальхер и его товарищи, в том числе убийцы Лигульфа, были убиты разъяренной толпой, собравшейся отомстить за него.

Бунт, в ходе которого погиб Уолчер, не был настоящим восстанием против правительства Вильгельма. Подобное восстание местного населения против местной несправедливости могло произойти в аналогичном случае при Эдуарде или Гарольде. Ни одно правительство не могло оставить такой поступок безнаказанным; но собственные представления Уильяма о справедливости были бы полностью удовлетворены ослеплением или нанесением увечий нескольким главарям. Но Вильгельм находился в Нормандии в разгар домашних и политических забот. Он послал своего брата Оду навести порядок, и его месть была ужасной. Земля подвергалась опустошению; невинные люди были искалечены и преданы смерти; другие спасали свои жизни взятками. Граф за графом становились правителями страны, управлять которой было так трудно. Был назначен некий Альбери, но его отстранили как непригодного. Свирепый епископ Жоффруа Кутанский попробовал свои силы и ушел в отставку. На момент смерти Уильяма графством владел племянник Джеффри Роберт Моубрейский, суровый и мрачный незнакомец, но которого англичане считали “хорошим человеком”, когда он охранял границы Англии от шотландцев.

После смерти Уолтхофа Уильям, похоже, оставался в Нормандии несколько лет. Теперь ему не везло. Еще до истечения 1076 года он, неизвестно зачем, участвовал в бретонской кампании. Но объединенные силы Британии и Франции изгнали его из Дола; Филипп был готов помочь любому врагу Вильгельма. Теперь Завоеватель впервые потерпел поражение в собственном лице. Он заключил мир с обоими врагами, пообещав свою дочь Констанцию Алану Британскому. Но брак состоялся только десять лет спустя. Мир с Францией, как говорится в английской хронике, “продержался недолго”. Филипп не смог устоять перед искушением помочь старшему сыну Вильгельма Роберту, когда безрассудный молодой человек восстал против своего отца. Обладая большинством качеств опытного рыцаря, Роберт обладал лишь немногими из тех, которые делают его мудрым правителем или честным человеком. Храбрый солдат, даже умелый капитан, он не был генералом; красноречивый и развязный, он был скорее расточителен, чем щедр. У него не было недостатка в великодушных и благородных чувствах, но на твердый курс, даже во зле, он был неспособен. Как правитель, он не был угнетателем сам по себе; но лень, беспечность, любовь к удовольствиям, неспособность сказать “Нет”, неспособность вершить правосудие приносили больше страданий, чем угнетение тех тиранов, которые препятствуют угнетению других. Уильям не поставил бы такого человека над какой-либо частью своих владений раньше времени, и его политикой было держать своих детей в зависимости от него. Обогатив своих братьев, он не отдал ни малейшей части английской добычи своим сыновьям. Но Роберт считал, что имеет право на нечто большее, чем частные владения. Дворяне Нормандии отдали дань уважения ему как преемнику Вильгельма; он отдал дань уважения Фульку от имени штата Мэн, как если бы сам был его графом. Теперь злые товарищи подстрекали его потребовать, чтобы, если его отец не отдаст ему часть своего королевства — дух Эдвина и Моркера пересек море, — он, по крайней мере, отдал бы ему Нормандию и Мэн. Уильям отказался, произнеся множество содержательных фраз. Не в его манерах было раздеваться перед сном. Теперь Роберт с группой недовольных молодых дворян

ввязался в пограничную войну против своего отца. Затем он скитался по большей части Европы, выпрашивая, получая деньги и растрачивая все, что у него было. Его мать тоже посылала ему деньги, что привело к первой ссоре между Уильямом и Матильдой после стольких лет верного союза. Уильям упрекнул свою жену за то, что она помогала его врагу в нарушение его приказов: она ссылалась на материнскую любовь к своему первенцу. Мать была прощена, но ее посланник, приговоренный к потере глаза, нашел приют в монастыре.

Наконец, в 1079 году Филипп предоставил Роберту оседлое жилище в пограничной крепости Гербер. Распря между отцом и сыном стала опасной. Уильям осадил замок, чтобы потерпеть у его стен свое второе поражение, получить свою первую рану, и то от руки собственного сына. Пронзенный в руку копьем Роберта, сраженный стрелой на коне, Победитель упал на землю, и его спас только англичанин Токиг, сын Виггода Уоллингфордского, отдавший жизнь за своего короля. Это кажется ранним смягчением истории, в которой говорится, что Роберт спешил к отцу и просил прощения у своего отца; это кажется более поздним ужесточением, в котором говорится, что Уильям наложил проклятие на своего сына. Уильям Руфус тоже, известный пока только как послушный сын своего отца, был ранен, защищая его. Этот удар был не только тяжким для чувств Уильяма как отца; это было серьезное военное поражение. Двое раненых Уильямсов и остальные осаждающие спаслись бегством, как могли, и осада Гербероя была снята.

Затем мы обнаруживаем, что мудрецы Нормандии обсуждают, как заключить мир между отцом и сыном. В течение 1080 года был заключен мир, и для энергии Роберта была найдена более достойная сфера - экспедиция в Шотландию. Осенью года Гербероя Малькольм предпринял еще одно опустошительное вторжение в Нортумберленд. Поскольку король отсутствовал, а Нортумберленд пребывал в замешательстве из-за смерти Уолчера, это зло оставалось неотмщенным до осени 1080 года. Роберт не снискал особой славы в Шотландии; последовала вторая ссора с отцом, и Роберт оставался изгнанником в течение последних семи лет правления Вильгельма.

В том же 1080 году состоялся синод Нормандской церкви, на котором было вновь возобновлено Божье перемирие, о котором мы слышали много лет назад. Формы возмущения, которым Перемирие должно было помешать и которые сильная рука Вильгельма подавила более основательно, чем это могло бы сделать Перемирие, явно начались снова во время беспорядков, вызванных восстанием Роберта.

Два следующих года, 1081-1082, Вильгельм провел в Англии. Домашние печали теперь сильно давили на него. Его старший сын был мятежником и изгнанником; примерно в это же время его второй сын погиб в Нью-Форесте; согласно одной из версий, его дочь, невеста Эдвина, которая никогда не забывала своего английского возлюбленного, теперь была обещана испанскому королю Альфонсо и умерла — в ответ на свои собственные молитвы — до того, как свадьба была отпразднована. И вот теперь спутницу жизни Уильяма забрали у него через четыре года после их единственной размолвки. 3 ноября 1083 года Матильда умерла после продолжительной болезни, к нескончаемому горю своего мужа. Она была похоронена в своей собственной церкви в Кане, и церкви в Англии получили подарки от Уильяма от имени ее души.

Скорбящему вскоре снова пришлось играть воина. Почти все несколько оставшихся Уильяму лет прошли в борьбе, которую в прежние времена он, несомненно, закончил бы за один день. Мэн, город и графство, не требовали третьего завоевания; но единственный барон Мэна бросил

вызов власти Уильяма, и единственный замок Мэна выстоял против него в течение трех лет. Хьюберт, виконт Бомон и Френэ, взбунтовался из-за какой-то незначительной ссоры. Осада его замка Сент-Сюзанна продолжалась со смерти Матильды до предпоследнего года правления Вильгельма. История полна живописных деталей, но Уильям лично не участвовал в ней. Лучшие военачальники Нормандии тщетно пробовали свои силы против этого единственного донжона на скале. Вильгельм наконец примирился с подданным, который был слишком силен для него. Хьюберт приехал в Англию и получил королевское помилование. Практически помилование произошло наоборот.

Таким образом, последние одиннадцать лет своей жизни Вильгельм перестал быть Завоевателем. Занимаясь только мелкими предприятиями, он во всем терпел неудачу. Ему действительно предстоял последний успех, но он должен был быть куплен ценой собственной жизни. Когда он, потерпев поражение, покидал этот замок и тот, когда он в полной мере ощутил горечь домашнего горя, он, возможно, подумал, как думали другие за него, что проклятие Уолтхофа, проклятие Нью-Фореста, всегда преследовало его по пятам. Если так, то его преступления были совершены в Англии, и их возмездие свершилось в Нормандии. В Англии больше не было места для его миссии Завоевателя; у него больше не было врагов, которых нужно было побеждать. Ему нужно было совершить акт правосудия, и он его совершил. Ему нужно было охранять свое королевство, и он его охранял. Он должен был сделать великий шаг, который должен был сделать его королевство единым навеки; и он должен был, возможно, не вполне осознавая, что делает, приказать нарисовать картину своего правления на все времена так, как не рисовалось ни одно правление ни до, ни после.

ГЛАВА XI. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ Вильгельма. 1081-1087.

О двух событиях последних лет правления Завоевателя, событиях совершенно разной степени важности, мы уже говорили. Валлийская экспедиция Вильгельма была единственным зарегистрированным сражением на британской земле, которое находилось за пределами английского королевства. Теперь Вильгельм сделал Нормандию своим главным местом жительства, но его постоянно вызывали в Англию. Валлийская кампания доказывает его присутствие в Англии в 1081 году; он снова был в Англии в 1082 году, но между двумя визитами вернулся в Нормандию. Визит 1082 года был запоминающимся; нет более характерного поступка Завоевателя, чем тот, которым он отмечен. Жестокость и дерзость его брата Оды, которому он доверял гораздо больше, чем тот заслуживал, перешли все границы. Отомстив за смерть Уолчера, он совершил поступки, которых Уильям никогда не совершал сам и не позволял совершать никому другому. И теперь, обманутый прорицателем, который сказал, что следующим папой должен стать человек с его именем, он мечтал унаследовать трон Григория Седьмого. Он предпринял всевозможные приготовления, чтобы обеспечить себе преемственность, и, наконец, собирался отправиться в Италию во главе чего-то вроде армии. Его планы ни в коем случае не нравились его брату. Вильгельм внезапно приехал из Нормандии и встретился с Одой на острове Уайт. Там король собрал столько великих людей королевства, сколько смог. Перед ними он обвинил Оду во всех его преступлениях. Он оставил его наместником своего королевства, и тот показал себя обычным угнетателем всех классов людей в королевстве. Наконец, он убедил воинов, которые были необходимы для защиты Англии от

датчан и ирландцев, последовать за ним в его безумных планах в Италии. Как ему вести себя с таким братом, спросил Уильям у своих мудрецов.

Он должен был ответить сам; никто другой не осмеливался заговорить. Затем Уильям высказал свое суждение. Нельзя щадить общего врага всего королевства, потому что он был братом короля. Его следовало схватить и поместить под стражу. Поскольку никто не осмеливался схватить его, король схватил его собственными руками. И теперь, впервые в Англии, мы слышим слова, которые часто звучали снова. Епископ, запятнанный кровью и святотатством, апеллировал к привилегиям своего ордена. Он был клерком, епископом; никто не мог судить его, кроме папы римского. Уильям, обученный, как говорили, Ланфранком, имел готовый ответ. “Я не хватаю клерка или епископа; я хватаю моего графа, которого я поставил над своим королевством”. Итак, граф Кентский был заключен в тюрьму в Нормандии, а сам папа Григорий тщетно умолял освободить епископа Байе.

Мысли Уильяма были сейчас в основном заняты делами его островного королевства. Зимой 1083 года он поспешил от смертного одра своей жены на осаду Сент-Сюзанны, а оттуда в Гемот середины зимы в Англии. Главной темой собрания был особенно неприятный вопрос о введении налога. В течение следующего года с каждого клочка земли взималось по шесть шиллингов для удовлетворения насущных потребностей. Силы Севера снова угрожали; опасность, если это была опасность, была больше, чем когда Уолтеф разбил норманнов у ворот Йорка. Свеген и его преемник Гарольд были мертвы. Кнут Святой правил в Дании, будучи зятем Роберта Фландрского. К этому союзу с врагом Вильгельма добавились воспоминания о двух его собственных неудачах в попытке пробудить в датском короле стремление к какому-нибудь подвигу в Англии. Все еще находились английские изгнанники, которые подталкивали его к этому предприятию. Завоевание Вильгельма рассеяло изгнанных или недовольных англичан по всей Европе. Многие пробились в Восточный Рим; они присоединились к гвардии варангов, самой надежной опоре императорского трона, и при Диррахоне, как и при Сенлаке, топор Англии встретился в битве с копьем Нормандии. Другие бежали на Север; они молили Кнута отомстить за смерть его родственника Гарольда и избавить Англию от ига людей — так говорил о них английский писатель, живущий в Дании, — на римском наречии. Таким образом, греки на одном конце Европы и норманны на другом все еще сохраняли название Рима. К флоту Дании присоединился флот Фландрии; меньший контингент был обещан набожным и миролюбивым Олафом Норвежским, который сам не чувствовал желания принимать участие в военных действиях.

В борьбе с этой опасностью Вильгельм укрепил себя с помощью налога, который он только что ввел. Вряд ли он мог мечтать защищать Англию от датских захватчиков только английским оружием. Но он так же мало думал о том, чтобы доверить эту работу своим собственным норманнам. На деньги Англии он нанял множество наемников, конных и пеших, из Франции и Великобритании, даже из штата Мэн, где Хьюберт все еще бросал ему вызов при Сент-Сюзанне. Он собрал эти силы на материке и вернулся во главе них, таких сил, каких Англия никогда прежде не видела; люди задавались вопросом, как эта земля может прокормить их всех. Люди короля, французы и англичане, должны были кормить их, каждый в соответствии с размером своей земли. И теперь Вильгельм сделал то, от чего отказался Гарольд: он опустошил все побережье, открытое для нападения из Дании и Фландрии. Но ни датчане, ни фламандцы не пришли. Между Кнутом и его братом Олавом возникли разногласия, и великое предприятие ни к чему не привело. Вильгельм оставил часть своих наемников в Англии, а часть отправил по

домам. Кнут был убит в церкви своими собственными подданными и был канонизирован как *Святой Канутус* папой римским, который не мог произнести скандинавское имя.

Тем временем, во время Зимнего Джемонта 1085-1086 годов, который по всем правилам проходил в Глостере, Уильям совершил одно из своих величайших деяний. “У короля были прекрасные мысли и проникновенная речь со своим витаном о его земле, о том, как она была устроена, и о том, сколько людей на ней было”. В этой “глубокой речи”, называемой так на нашем родном языке, скрывается имя, хорошо известное и дорогое каждому англичанину. Результат работы этого знаменитого парламента подробно излагается Хронистом. Король послал своих людей в каждое графство, людей, которые действительно описали в своих указах, как была устроена земля и какими людьми управляли. В этом писании у нас есть запись на римском языке, не менее ценная, чем Хроники на нашем собственном. Ибо это предписание стало Книгой Винчестера, книгой, которой наши отцы дали название “Страшный суд”, книгой страшного суда, который не пощадил ни одного человека.

Большой обзор был проведен в течение первых семи месяцев 1086 года. В каждое графство были разосланы уполномоченные, которые под присягой сотен людей выясняли, кем эта земля владела во времена короля Эдуарда и сколько она стоила тогда, кем она владела во время межевания и сколько она стоила тогда; и, наконец, можно ли повысить ее стоимость. Нельзя было ничего упускать из виду. “Он так чудом допустил это, что не осталось ни шкуры, ни ярда земли, ни дальше — стыдно говорить, и ему не казалось стыдным это делать — ни быка, ни коровы, ни свиньи, которые не были бы указаны в его указе”. Такого рода поисковое расследование, которое никогда не нравилось, было бы особенно прискорбным. Проведение опроса привело к беспорядкам во многих местах, в результате которых погибло немало людей. Пока шла работа, Вильгельм ходил взад и вперед, пока не узнал досконально, как устроена эта земля и какие люди. Теперь у него был список всех мужчин, французов и англичан, которые владели землей в его королевстве. И было недостаточно указать их имена в судебном приказе; он хотел увидеть их лицом к лицу. За составлением обзора последовало это великое собрание, эта великая законодательная работа, которая стала венцом жизни Вильгельма как правителя и законодателя Англии. Обычные собрания этого года проходили в Винчестере и Вестминстере. В первый день августа на равнине Солсбери состоялось чрезвычайное собрание. О работе этой ассамблеи уже говорилось. Именно теперь все владельцы земли в королевстве стали людьми короля; именно теперь Англия стала единой, и никто не боялся, что ее снова разделят на части.

Очевидна тесная связь между Великим исследованием и законом и присягой в Солсбери. Для короля было важным получить золото наверняка и, мы можем добавить, справедливо. Вильгельм ни с кем не поступал иначе, как в соответствии с законом, как он понимал закон. Но он стремился к большему, чем это. Он не только знал бы, сколько можно заставить заплатить эту землю; он знал бы состояние своего королевства во всех деталях; он знал бы его военную мощь; он знал бы, действительно ли была выполнена его собственная воля в ходе длительного процесса отнятия у этого человека и передачи тому. Судный день - это прежде всего свидетельство великой конфискации, свидетельство тех постепенных изменений, в результате которых менее чем за двадцать лет большая часть земель Англии перешла от местных владельцев к иностранным. И ничто так не показывает, как Судный день, каким формально-законным образом была осуществлена эта передача. Каковы были принципы, на которых она

была осуществлена, мы уже видели. Вся частная собственность на землю была получена только от короля Вильгельма. Все это перешло в его руки в результате законной конфискации; он мог оставить это себе; он мог вернуть это старому владельцу или подарить новому. Так было при всеобщем выкупе земель; так было всякий раз, когда новые завоевания или новые восстания бросали новые земли в руки короля. Этот принцип настолько само собой разумеющийся, что мы немного удивлены, обнаружив, что он случайно изложен таким количеством слов в случае, не имеющем особого значения. Священнику по имени Роберт принадлежал единственный двор в виде королевской милостыни; он стал монахом в монастыре Стоу-ин-Линдси, и его двор перешел в собственность дома. Едва ли можно понять, почему этот случай должен был быть выбран для торжественного провозглашения общего закона. Тем не менее, поскольку “день, в который англичане выкупили свои земли” упоминается лишь вскользь в случае с конкретным поместьем, принцип, согласно которому никто не может владеть землями, кроме как по королевскому гранту (“Non licet terram alicui habere nisi regis concessu”), приводится только для иллюстрации неправомερных действий Роберта и монахов Стоу в случае действительно очень маленького владения.

Все это обширная система юридических фикций; ибо вся позиция Вильгельма, вся схема его правления покоились на системе юридических фикций. Судный день полон ими; можно почти сказать, что больше там ничего нет. Очень внимательное изучение “Страшного суда” могло бы выявить тот факт, что Уильям был иностранным завоевателем и что сама книга была записью процесса, посредством которого он отнял земли у туземцев, сражавшихся против него, чтобы вознаградить чужеземцев, сражавшихся за него. Но ничего подобного не появляется на поверхности записей. Важные факты Завоевания упускаются из виду. Вильгельм воспринимается как должное не только как законный король, но и как непосредственный преемник Эдуарда. “Времена короля Эдуарда” и “времена короля Вильгельма” - это два времени, о которых известно закону. Составители отчета прибегли к некоторым любопытным сдвигам, чтобы описать время между “днем, когда король Эдуард был жив и мертв”, и днем, “когда король Вильгельм прибыл в Англию”. Это пришествие могло быть таким же мирным, как пришествие Якова Первого или Георга Первого. Две великие битвы упоминаются неоднократно, но лишь вскользь, при упоминании конкретных личностей. Очень резкий критик мог бы догадаться, что один из них имел какое-то отношение к приходу короля Вильгельма в Англию; но это все. Гарольд фигурирует только как граф; только в двух или трех местах мы слышим о “временах Гарольда” и даже о том, что Гарольд “захватил королевство” и “правил”. Эти два или три места настолько контрастируют с общим языком записи, что мы склоняемся к мысли, что переписчик, должно быть, скопировал какую-то более раннюю запись или записал слова какого-то свидетеля и, должно быть, забыл перевести их в более точные формулы. Таким образом, при описании того, кто владел землей во времена короля Эдуарда, а кто во времена короля Вильгельма, нет ничего, что указывало бы на то, что во многих случаях владельца при Эдуарде выгнали, чтобы освободить место для владельца при Вильгельме. Прежний владелец отмечен совершенно бесцветным словом “предок” (“antecessor”), которое пока еще означает не “праотец”, а “предшественник” любого рода. В “Страшном суде” это слово чаще всего является эвфемизмом для обозначения “обездоленного англичанина”. Это еще более отчетливый эвфемизм, когда владельца нормандии более чем в одном месте называют “наследником” обездоленных англичан.

Формулы Страшного суда являются наиболее красноречивым свидетельством духа внешней законности, который руководил каждым поступком Уильяма. В этом смысле они удивительно

поучительны; но из одних только формул никто никогда не смог бы составить представление о реальных фактах прихода к власти Вильгельма и его правления. Именно случайные упоминания делают нас более уверенными в местной и личной жизни этого правления, чем в любом правлении до или долгое время после. Уполномоченные должны были доложить, везде ли исполнялась воля короля, получил ли каждый человек, великий и малый, француз и англичанин, то, что хотел от него получить король, ни больше, ни меньше. И им часто приходилось сообщать о положении вещей, отличном от того, каким должен был быть король. У многих людей не было всего, что хотел дать им король Вильгельм, а у многих других было гораздо больше. Норманны брали и у англичан, и у других норманнов. Англичане отняли у англичан; некоторые отняли у церковных организаций; некоторые отняли у самого короля Вильгельма; более того, сам король Вильгельм владеет землями, которые он должен уступить другому человеку. Эта последняя запись, по крайней мере, показывает, что Вильгельм был полностью готов поступать правильно, в соответствии со своими представлениями о праве. Таким образом, два брата короля также указаны среди главных нарушителей. Из этих незаконных владений земель, обозначенных на техническом языке Исследования как *invasiones* и *occupationes*, многие, несомненно, были реальными случаями насильственного захвата, не имеющими оправдания даже в соответствии с пониманием закона Уильямом. Но это происходит не всегда, даже если кажется, что формулировки Опроса подразумевают именно это. Слова, подразумевающие насилие, *per vim* и подобные им, используются в юридическом языке всех эпох, где сила не применялась, просто для обозначения владения как незаконного. Мы поражены, обнаружив, что апостол Павел назван одним из нарушителей; но слова “*sanctus Paulus invasit*” означают не более того, что каноны церкви Святого Павла в Лондоне владели землями, на которые, по мнению Уполномоченных, у них не было законных прав. Именно эти случаи, когда один человек владел землей, на которую претендовал другой, дали возможность узнать те личные подробности, истории, уведомления о сроках службы и обычаях, которые делают Судный день самым ценным хранилищем знаний того времени.

Один из плодотворных и поучительных источников споров связан с тем, каким образом земли в том или ином районе обычно раздавались. Приезжий, обычно иностранец, получал все земли, которыми такой-то человек, обычно обездоленный англичанин, владел в этом графстве или округе. Получатель гранта в точности занял место *предшественника*; он унаследовал все его права и все его бремя. Вместе с этим он унаследовал любые споры относительно размеров земель *предшественника* или характера его владения. И в процессе передачи возникли новые споры. Одним из распространенных источников споров были случаи, когда бывший владелец, помимо земель, которые принадлежали исключительно ему, владел землями на правах аренды, с учетом возвратных процентов со стороны короны или Церкви. Аренда или продажа — *эмери* — церковных земель на три жизни с тем, чтобы вернуться Церкви в конце третьей жизни, была очень распространенным явлением. Если *предшественник* сам был третьей жизнью, получатель гранта, его *наследник*, не имел никаких прав на землю; и в любом случае он мог принять ее только со всеми существующими обязательствами. Но получатель гранта часто вступал во владение всей землей, принадлежавшей *предшественнику*, как если бы все это было его собственностью. Последовала масса жалоб от всевозможных пострадавших лиц и организаций, больших и малых, французских и английских, мирян и священнослужителей. Уполномоченные, похоже, честно выслушали все и честно доложили обо всем, чтобы король мог судить. Именно их забота о том, чтобы поступать правильно по отношению ко всем людям,

дала нам такие странные проблески внутренней жизни эпохи, в которой не было ничего подобного ни до, ни после.

Общий обзор, за которым следует всеобщее почтение, может показаться, что работа Уильяма в Англии, его работа как английского государственного деятеля, завершена. У него едва ли хватило бы времени исправить многочисленные случаи неправомερных действий, которые ему предъявило Исследование; но он смог выжать из страны еще один налог в соответствии со своим новым и более надежным реестром. Затем он в последний раз переправился в Нормандию со своим новым запасом. Хронист и другие писатели того времени подробно останавливаются на физических предзнаменованиях этих двух лет: штормах, пожарах, эпидемиях, жестоким голоде, смерти знаменитых людей по обе стороны моря. В 1087 году, последнем году Завоевателя, нужна вся сила нашего древнего языка, чтобы изложить знамения и чудеса. Король покинул Англию в безопасности, умиротворенной, полностью согнувшейся под игом, проклиная правителя, который обложил ее налогами и раздал ее земли, но отчасти благословляя его за “добрую волю”, которую он проявил против убийцы, грабителя и насильника. Но земля, которую он завоевал, предназначалась не для того, чтобы увидеть его конец и укрыть его прах. Последний проблеск успеха после стольких неудач увенчал его оружие; но это был успех, который действительно был недостоин Завоевателя, вошедшего в Эксетер и Ле-Ман с мирным триумфом. И теперь смертельный удар должен был обрушиться на того, кто после стольких лет войны, наконец, впервые опустился до жестокого и мелочного опустошения без всякой цели.

Пограничная территория Франции и Нормандии, французский Вексен, столицей которого является Мант, всегда была предметом споров между королевством и герцогством. Пограничные войны были обычным явлением; как раз в это время набеги французских военачальников на Мант, как говорят, были особенно разрушительными. Вильгельм не только потребовал возмещения ущерба от короля, но и призвал к сдаче всего Вексена. То, что последовало дальше, - знакомая история. Филипп глупо подшучивает над физическим состоянием своего великого соперника, будучи в данный момент не в состоянии осуществить свои угрозы. “Король Англии находится в Руане; на его богослужении будет грандиозное шоу со свечами”. Как в Алансоне в юности, так и сейчас Уильям, который мог пройти мимо реальных травм, был уязвлен до глубины души личными насмешками. По милости Божьей, когда он воскреснет, он зажжет сто тысяч свечей за счет Филиппа. Он сдержал свое слово за счет подданных Филиппа. В балладах того времени рассказывалось, как он отправился собирать осенние плоды на полях, в садах и виноградниках врага. Но он сделал больше, чем просто собрал фрукты; свечи его воцерковления действительно были зажжены на горящих улицах Манта. Картина, в которой Уильям Великий лично руководит подобным жестоким опустошением, кажется странной даже после разграбления Нортумберленда и создания Нью-Фореста. Разъезжая взад и вперед среди пламени, с ликованием приказывая своим людям подбрасывать дрова, радуясь при виде горящих домов и церквей, неверный шаг его лошади нанес ему смертельный удар. Перевезенный в Руан, в приорат Сен-Жервас недалеко от города, он пробыл там с 15 августа по 7 сентября, а затем царствование и жизнь Завоевателя подошли к концу. Покинутый своими детьми, с обнаженным телом и почти забытый, один честный рыцарь, Херлвин Контевильский, из верности несет его тело в могилу в его собственной церкви в Кане. Сама его могила оспаривается — обездоленный *предшественник* претендует на землю как на

свою собственную, и мертвому телу Завоевателя приходится ждать, пока место его последнего упокоения не будет куплено за деньги. В это место упокоения только сила может толкнуть его громоздкое тело, и обряды его погребения столь же дико сокращены, как и обряды его коронации. С большим трудом он, наконец, завоевал свои семь футов земли; но ему не суждено было удерживать ее вечно. Религиозная война разрушила его гробницу и разбросала его кости, за исключением одной драгоценной реликвии. Гражданская революция смела единственный оставшийся фрагмент. И теперь, когда мы тщетно ищем под открытым небом разграбленные могилы Гарольда и Уолтхофа, камень под сводом собора Святого Стефана все еще говорит нам, где когда-то покоились кости Уильяма, но где их больше нет.

Нет необходимости сомневаться в поразительных деталях смерти и погребения Завоевателя. Мы боимся с таким же доверием отнестись к длинной истории покаяния, вложенной в уста умирающего короля. Возможно, в тот ужасный час он осознал всю неправоту последних двадцати одного года своей жизни; вряд ли он облек свое раскаяние в форму подробной автобиографической исповеди. Но более достоверные высказывания и поступки на смертном одре Уильяма позволяют нам проследить его путь как английского государственного деятеля почти до его последних мгновений. Его целью была набожность, молитвы и раздача милостыни, а также открытие тюрьмы для тех, кто был связан. Всех, кроме одного из своих политических заключенных, англичанина и норманна, он добровольно освободил. Моркер и его спутники из Эли, Уолфнот, сын Годвина, заложник веры Гарольда, Вульф, сын Гарольда, и Элдгит, взятые, едва ли можно сомневаться, младенцем, когда Честер открыл свои ворота Вильгельму, все были освобождены; некоторые действительно были снова закованы в кандалы преемником короля. Но Оду Уильям не захотел отпускать на свободу; он слишком хорошо знал, сколько людей пострадало бы, если бы его снова выпустили на свободу. Но любовь к родным была все еще сильна; в конце концов он уступил, пусть и против своей воли, молитвам и обещаниям своего другого брата. Ода вышел из своей тюрьмы, снова став епископом Байе, вскоре снова став графом Кентским и вскоре доказав дальновидность Уильяма своими делами.

Распоряжение Вильгельмом своими владениями на смертном одре продолжает его политическую историю почти до последнего вздоха. Может показаться, что Роберт, изгнанный мятежник, утратил все права на престолонаследие. Но доктрина наследственного права укрепилась за шестьдесят лет жизни Уильяма. Его заставляют сказать, что, хотя он предвидит убожество любой земли, над которой Роберт должен был бы править, все же он не может удержать его вне герцогства Нормандия, которое принадлежит ему по праву рождения. От Англии он не посмеет избавиться; он оставляет решение на усмотрение Бога, по-видимому, архиепископа Ланфранка как наместника Бога. Он только скажет, что желает, чтобы его сын Уильям стал его преемником в королевстве, и он молит Ланфрана короновать его королем, если он сочтет такой курс правильным. Такое сообщение было фактическим назначением, и Вильгельм Рыжий наследовал своему отцу в Англии, но сохранил свою корону только благодаря помощи лояльных англичан против нормандских мятежников. Следует помнить, что Уильям Руфус, все еще находившийся под опекой своего отца и Ланфрана, еще не проявил своих дурных качеств; он был известен пока только как послушный сын, сражавшийся за своего отца против мятежника Роберта. По древнему английскому праву то решительное предпочтение, на которое мог претендовать любой мужчина, без сомнения, принадлежало младшему из сыновей Вильгельма, английскому Этельнгу Генри. Он один родился в этой стране; он один был сыном

коронованного короля и его Супруги. Возможно, зная о том, что за этим последовало, Уильям вынужден был приказать своему младшему сыну подождать, пока старший пойдет впереди него; в том, что он оставил его безземельным, но хозяином кладовой серебра, нет причин сомневаться. Англичане, приветствовавшие Генриха тринадцать лет спустя, несомненно, с радостью восприняли бы его немедленное восшествие на престол; но, возможно, было бы трудно при разделе владений Вильгельма отказаться от второго сына в пользу третьего. И в схеме событий, благодаря которым завоеванная Англия должна была возродиться вновь, царствование Руфа, на данный момент самое мрачное время из всех, имело свою долю.

То, что Англия могла восстать снова, что она могла подняться с новой жизнью, укрепленная своим кратковременным поражением, было прежде всего благодаря счастливой судьбе, которая, если ей суждено было быть побежденной, дала ей Вильгельма Великого в качестве ее Победителя. Так обстоит дело во всех человеческих делах. Сам Уильям не смог бы сделать всего того, что он сделал, вольно или невольно, если бы обстоятельства не были благоприятны для него; но благоприятные обстоятельства были бы бесполезны, если бы не нашелся такой человек, как Уильям, который воспользовался бы ими. То, что он сделал, вольно или невольно, он сделал в силу своего особого положения, положения иностранного завоевателя, прикрывающего свое завоевание законными притязаниями. Нужен был и час, и человек. Человек в свой час совершил работу, частично сознательную, частично бессознательную. Чем яснее любой человек понимает свою сознательную работу, тем больше уверенности в том, что эта сознательная работа приведет к дальнейшим результатам, о которых он и не мечтает. Так было и с Завоевателем Англии. Его целью было завоевать и сохранить английское королевство и передать его тем, кто придет после него, более сплоченным, чем когда-либо прежде. В этой работе его дух формальной законности, его уклонение от ненужных перемен сослужили ему хорошую службу. Он видел, что поскольку английское королевство лучше всего можно завоевать, предъявив на него законные претензии, то и сохранить его лучше всего, надев на себя характер законного правителя и права как преемник старых королей, стремящихся к единству королевства; он видел на примере как Англии, так и других стран опасности, которые угрожали этому единству; он видел, какие меры были необходимы, чтобы сохранить его в его дни, меры, которые сохранили его до сих пор. Вот работа, сознательная работа, которая дает иностранному Завоевателю право на место среди английских государственных деятелей, причем на место в их высшем звании. Мы не можем представить, чтобы сам Уильям заглядывал дальше этого. Все, что должно было произойти от его работы в последующие века, по необходимости было скрыто от его глаз не меньше, чем от глаз более мелких людей. У него, конечно, не было формальной цели сделать Англию нормандской; но еще меньше он думал о том, что конечный результат его работы сделает Англию, с одной стороны, более истинно английской, чем если бы он никогда не пересекал моря. В своей церковной деятельности он видел будущее еще менее ясно. Он намеревался исправить то, что считал злоупотреблениями, привести Английскую церковь в более тесное соответствие с другими Церквями Запада; он, конечно, никогда не мечтал, что результатом его реформы станет распря между Генрихом и Томасом и унижение Джона. Его ошибка заключалась в том, что он забыл, что он сам может обладать властью, что он может держать в узде силы, которые были бы слишком сильны для тех, кто придет после него. О его целях в отношении отношений Англии и Нормандии было бы тщетно гадать. Простое оставление королевства и герцогства разным сыновьям не обязательно означало бы, что он планировал полное или долговременное разделение. Но, конечно же,

Вильгельм не предвидел, что Англия, втянутая в войны с Францией как союзница Нормандии, останется постоянным соперником Франции после того, как Нормандия будет поглощена французским королевством. Если бы соперничество между Англией и Францией не возникло таким образом, оно, несомненно, возникло бы каким-то другим образом; но именно так оно и возникло. В результате объединения Нормандии и Англии под властью одного правителя это было частью работы Вильгельма, но работы, о которой Вильгельм и не думал. Так было и с усилением всякого рода связей между Англией и европейским континентом, последовавшим за приходом Вильгельма. С одной частью Европы связь Англии действительно ослабла. За три столетия до прихода Вильгельма к власти отношения войны и мира со скандинавскими королевствами составляли значительную часть английской истории. После неудачного предприятия святого Кнута наши отношения с этой частью Европы имели лишь второстепенное значение.

Но, по нашему мнению, Уильям как английский государственный деятель, главной чертой всего этого является тот дух формальной законности, о котором мы так часто говорили. Его прямые последствия, частично преднамеренные, частично непреднамеренные, повлияли на всю нашу историю и по сей день. Его политика заключалась в том, чтобы замаскировать факт завоевания, сохранить все завоеванные трофеи во внешней форме в соответствии с древним законом Англии. Вымысел стал фактом, и этот факт очень помог в процессе слияния норманнов и англичан. Раса завоевателей не могла отделить себя от побежденных, и форма, которую приняло слияние, заключалась в том, чтобы завоеватели затерялись в большей массе побежденных. Уильям не основал ни нового государства, ни новой нации, ни новой конституции; он просто сохранил то, что нашел, с такими изменениями, какие требовало его положение. Но без каких-либо формальных изменений в природе английского королевства его положение позволило ему наделить корону практической властью, какой она никогда прежде не обладала, короче говоря, превратить свое правление в фактический деспотизм. Эти два факта определили дальнейший ход английской истории, и они определили его к долговременному благу английской нации. Консервативные инстинкты Вильгельма позволили нашей национальной жизни и нашим национальным институтам жить, не нарушенные его завоеваниями. Но прежде всего это был деспотизм Уильяма, его деспотизм в законных формах, который сохранил наши национальные институты на все времена. Как менее разборчивый завоеватель мог бы стереть с лица земли наши древние законы и свободы, так и при чередовании местных королей эти законы и свободы могли бы исчезнуть, как они исчезли во многих континентальных странах. Но деспотизм короны пробудил национальный дух в сознательной и антагонистической форме; он пробудил этот дух в равной степени в людях обеих рас и сделал норманнов и англичан одним народом. Старые институты продолжали жить, облекаясь свежей жизнью, видоизменяясь по мере необходимости в изменившихся обстоятельствах. Деспотизм нормандских королей, особый характер этого деспотизма позволил великой революции XIII века принять те формы, которые она приняла, одновременно консервативные и прогрессивные. Так было, когда более чем через четыре столетия после правления Вильгельма в Англии снова воцарился деспотизм, осуществляемый в формах закона. Генрих Восьмой правил так, как правил Вильгельм; он не правил на континенте, как его братья-деспоты; формы закона и свободы продолжали существовать. Таким образом, в семнадцатом веке, как и в тринадцатом, формы были готовы к тому, чтобы снова облечься в новую жизнь, предоставить средства для новой революции, опять же одновременно консервативной и прогрессивной. Тысячу раз отмечалось, что, в то время как другие нации были вынуждены разрушать и перестраивать

политическую структуру, в Англии нам никогда не приходилось разрушать и перестраивать, но мы находили этого достаточно, чтобы восстанавливать, расширять и совершенствоваться. Эта особенность английской истории обусловлена главным образом событиями одиннадцатого века и, прежде всего, личной волей Уильяма. Насколько смертный человек может направлять ход событий после своей смерти, ход нашей национальной истории со времен Вильгельма был результатом характера Уильяма и его поступков. Что ж, пусть мы вернем ему фамилию, которую люди дали ему в его время. Он может достойно занять свое место как Вильгельм Великий рядом с Александром, Константином и Карлом. Возможно, они совершили в каком-то роде более великую работу, потому что у них была более широкая сцена для ее выполнения. Но ни один человек никогда не совершал более великой и постоянной работы на сцене, которую предоставила ему судьба, чем он

“Qui dux Normannis, qui Cæsar præfuit Anglis.”

Чужеземец и завоеватель, своими подвигами он завоевал право на место в списке английских государственных деятелей, и ни один человек, пришедший после него, не завоевал права на более высокое место.

КОНЕЦ.

Напечатано издательством R. & R. Clarke, Limited, Эдинбург.